

Анат. Брянчанинов

НЕ ПО ТОРНОЙ ДОРОГЕ

Анатолий Александрович Брянчанинов

Не по торной дороге

Молодой губернский чиновник Осокин влюблен в первую красавицу провинциального города Р. и не прочь добиться ее руки. Можно сказать, что и целый город желает их сосватать. Но ни преданная любовь, ни уважение, ни высокие моральные принципы не служат порукой счастья...

Содержание

#1.....	.0005
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	.0006
I.....	.0006
II.....	.0013
III.....	.0020
IV.....	.0024
V.....	.0026
VI.....	.0030
VII.....	.0034
VIII.....	.0042
IX.....	.0045
X.....	.0049
XI.....	.0052
XII.....	.0056
XIII.....	.0062
XIV.....	.0064
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	.0066
I.....	.0066
II.....	.0071
III.....	.0074
IV.....	.0079
V.....	.0083
VI.....	.0087
VII.....	.0090
VIII.....	.0093
IX.....	.0097
X.....	.0102
XI.....	.0105

**Анатолий Брянчанинов
НЕ ПО ТОРНОЙ ДОРОГЕ**

Повесть в двух частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Дом Павла Ивановича Ильяшенкова считался в городе Р. аристократическим; он был выстроен на лучшей улице, имел по фасу тринадцать больших окон и чугунный подъезд; за цельными стеклами виднелись драпри, группировались экзотические растения, а из-за них сверкали дорогие вазы и столовые часы. Внутренность дома вполне согласовалась с его внешностью: паркетные полы, петербургская мебель и бронза, ковры — все было дорого и изящно. В большом зале стоял рояль, на котором по пятницам местный тапер выбивал кадрили и вальсы и увеселял р-ское общество. Назначенные дни Павел Иванович, в своем положении, считал необходимостью: они поддерживали его вес в обществе и привлекали молодежь, столь не лишнюю для отца, у которого три дочери-невесты. Кроме того, Ильяшенков любил поиграть в карты, но конечно не иначе как с тузами, что в свою очередь делает и его тузом, — титул, которого, за неимением родового, всегда добивался Павел Иванович.

В городе его считали весьма состоятельным, хотя и задолжавшим, и, пожалуй, такое мнение могло казаться правдоподобным, судя по внешней обстановке: дом — полная чаша, прекрасные обеды и вечера, щегольской экипаж, роскошные туалеты жены и дочерей. К тому же всем было известно, что Ильяшенков чуть не двадцать лет состоял в числе воротил весьма крупного предприятия и женат был, хотя на некрасивой и перезрелой деве, но с солидными связями и очень порядочным приданым. Благодаря ей, Павел Иванович втерся в высший коммерческий мир и весьма скоро сделался видным финансовым деятелем. Ему повезло, и капиталы его приумножились, но сколотить крупную сумму на черный день Ильяшенков не озаботился; жуир по натуре, он любил развернуться широко: и приволокнуться иной раз, и перекинуться в полки или ландскнехт, шикнуть хорошей квартирой, тонким обедом... Павел Иванович жаждал денег, но не для того, чтобы любоваться ими и, подобно скупцу, алчно следить за постепенным увеличением капитала и с наслаждением каждодневно откладывать барыши в объемистую шкатулку — золото необходимо было ему для того, чтобы жизнь пустить широко, в волнах блестящей пыли, в одурманивающей атмосфере... И действительно, хорошо пожил Павел Иванович! В настоящее время ему за шестьдесят; он уже несколько лет как вышел из предприятия, не поладив с новым режимом, но заполучив чин действительного, числился членом правления какой-то компании, куда ездить два раза в год за причитающимся ему весьма приличным гонораром, и сохранил прекрасное и доходное имение, но которое вероятно скоро пойдет с молотка, так как Ильяшенков, на закате дней своих, вовсе не намерен отказываться от тех привычек и прихотей, с которыми сроднился. «Après moi le deluge!»[1] — философически рассуждает он, и тем только и выказывает свои заботы о семействе, что хлопочет о приискании дочерям выгодного и простоватого жениха, которого бы можно было удобно провести, сделав обладателем тленного сокровища без присовокупления нетленного.

Эти родительские попечения о судьбе девиц и разделяет и супруга Павла

Ивановича, экс-княжна Заозерская, сухое, имеющее сильные претензии на великосветскость, существо, недалекое и привередливое, находящееся в полном подчинении не только супруга, но и старшей дочери Софьи Павловны.

Несмотря однако на залавливание предусмотрительных родителей, контингент р-ских женихов не очень-то льнет к девицам Ильяшенковым: смущает их, людей по большей части мнимо-богатых, блестящая обстановка барышень и их праздная жизнь... «Чтобы взять такую жену — нужны тысячи дохода, — рассуждают они, — ее не удивишь подарком во сто рублей, не повезешь ее на извозчике!» И посещает молодежь гостеприимный дом Павла Ивановича, ест с аппетитом его тонкие обеды и ужины, танцует до упаду с хорошенькими девушками, вздыхает тоже по ним втихомолку, но от брачного вопроса сторонится и мгновенно ретируется, если как-нибудь неосторожно ступит на эту скользкую почву.

А соблазн велик: Софи, старшая дочь Ильяшенковых, — прекрасная брюнетка; лицо ее так и бросается в глаза свежестью и энергией. Овал его совершенно правилен, щеки дышат здоровьем; над верхнею губою пробивается едва заметный пушок. Вырез ноздрей и выражение черных, блестящих глаз обличают смелый, пылкий темперамент; темные, густые волосы окаймляют широкий лоб, резко отделяющийся своею белизною от яркого румянца щек. Росту она высокого, прекрасно сложена, организации крепкой; про нее невольно скажешь: «Какая блестящая девушка!» Но красота Софи — чисто чувственная; она разжигает кровь, но мало действует на сердце. В ней много грации, пластичности, но недостает женственности и симпатичности. Ума бойкого и изворотливого, Софья Павловна, когда захочет, умеет хитрить и ловко подделываться под тон нужного ей человека. Она не зла, но сердце ее развращено; дурное воспитание заразило ее светскостью, а сознание своей красоты и пустая среда, в которой она привыкла вращаться, развили в ней страсть к пышности и блеску, без которых тяжело было бы ей обойтись. Софи, столь необходимая для бала, давала мало задатков для семейной жизни.

Вторая дочь Юлия совершенно не похожа на сестру: она недурна: ее темно-синие глаза и общее выражение лица симпатичны, но лень и апатия проглядывают во всех ее движениях. Так вот и кажется, что ей и думать, и говорить, и переступить с ноги на ногу — все лень; редко когда она одушевится и жизнь мелькнет в ее чертах. Юлии девятнадцать лет, она блондинка, довольно полна и, подобно сестре, высока ростом. Клеопатра, или Cle-Cle, меньшая дочь, — бойка, настойчива, а на счет ловкости — и проведет и выведет. Среднего роста, худенькая, с большими черными глазами и вздернутым носиком, с вечно игривой усмешкой на губах — она не столько хороша, сколько пикантна.

Представив читателю в общих чертах семейство Ильяшенковых, мы введем его теперь в их элегантные покои во время утреннего приема.

У Анны Ильинишны две-три дамы и несколько мужчин. Пьют кофе. Павел Иванович, безукоризненно одетый, сановито усевшись в кресле, покуривает сигару и толкует о злобе дня с одним из местных тузов. Cle-Cle, на козетке, болтает с белокурым юношей в «смокинге» и жилете с огромным вырезом. Юлия молча глядит в окно. Возле Софьи Павловны, небрежно развалясь и поигрывая часовою цепочкой, сидит красивый молодой человек лет под тридцать с длинными русыми бакенбардами, *pinse-nez*[2] на носу и с большим апломбом

во всей фигуре; самодовольство так и разлито по его лицу, проглядывает во всех его движениях; это русский покоритель сердец, Леонид Николаевич Огнев.

— Откуда достали вы эту прелесть? — спрашивает Софи, повертывая в руках букет из белых и розовых камелий. — Какие нежные и вместе с тем яркие цвета!

— *Faible comparaison des lys et des roses de votre adorable visage!*[3]

— Высокопарно уж очень! — улыбнулась девушка.

— *C'est triste mais c'est vrai!*[4] — пожал плечами лев.

— *Qu' est-ce qui est triste?*[5]

— То, что божественный образ, сводящий с ума бедных смертных, — не есть зеркало души!

— Что же, душа хуже?

— Сравнить нельзя: душа — камень, лед!

Софи рассмеялась.

— Нет льда, который бы не плавился?

— Ах, — комично воскликнул Огнев, — я пылаю, как вулкан — и что ж: *je me consumes, sans meme re-chauffer la glace!*[6]

— Повысьте температуру!

— Чтобы окончательно обратиться в пепел?

— Пепел ваш соберут в урну и прольют над ним обильные слезы!

— *Triste consolation!*..[7]

— Представьте себе, *chere*[8] Анна Ильинишна, — раздавалось в дамском углу, — какая хитрая Светляева: она только дурачит всех, рассказывая, что не ухаживает за губернаторшей... Уверяет, что до нее ей никакого нет дела, что муж ее вовсе от губернатора не зависит, что все знакомство их с губернаторским домом ограничивается визитами, а между тем посещает ее *entre chien et loup*[9], чтобы не видели!.. Мне это экономка губернаторская рассказывала... И супруг такой же: хвастается тем, что никогда не провожает на вокзал губернатора, что считает это для себя унижительным, а сам исподтишка, перед его отъездом, ездит к нему извиняться, отговариваясь то службою, то нездоровьем!

— Я наверно знаю, — подхватила другая дама, — что Светляев последнюю награду себе выпросил, а между тем постоянно критикует и бранит, конечно, за глаза, губернатора!

— Я очень рада, — заметила хозяйка, — что сына этой гордячки и злоки Березкиной выгнали из университета: чего-чего она про свое детище и не пела! И талантливый-то он, и чуть не будущий министр! Остальной молодежи куда до ее Гриши!.. Ну вот теперь, куда она этого прославленного гения денет!

— И осень же у нас, — говорил губернский туз Павлу Ивановичу, — дожди, холод, грязь... Дороги ниже всякой критики, земские лошади еле ноги переставляют. Я на днях ездил по службе за сорок верст — думал не доеду!

— В каком уезде?

— В С-ком.

— Ну, там дорожный вопрос на последнем плане... Больше высшими матерьями гг. гласные занимаются... Да что о земстве говорить, когда у нас в городе мостовые нарочно худо содержатся, чтобы экипажным мастерам доход доставить!

— С нетерпением жду я земского собрания, — восклицает белокурый юноша, — ведь это, M-lle Cleopatre, мое первое выступление на арену общественной деятельности!

— Что же речи говорить будете, — тонко усмехнулась Cle-Cle.

— Если придется — отчего же нет!

— Но вы разве знакомы с земским делом?

— Положим мало, но ведь это знакомство так скоро приобретается... чтением докладов, разговором со старыми земцами.

— Но ведь нужды-то населения надо знать, с бытом-то его надо познакомиться?

— Надо главное попасть в нерв, уловить настроение собрания в известную минуту и затем суметь вовремя промолчать, вовремя разгореться...

— И все это в унисон с большинством конечно?

— Почему с большинством?

— Безопаснее! — прищурилась Cle-Cle.

— Вы, однако, не всегда добры бываете, Клеопатра Павловна! — покачал головою юноша.

— В ваш тон впадаю!.. А вы вот что мне скажите: ораторский талант у вас есть?

— Не думаю, но говорить могу... Да ведь чтобы перекричать кого-нибудь, нужны главное смелость и настойчивость — они, поверьте, важнее таланта в настоящее время!

— Ну, а что наш enfant de la nature?[10] — интересовался Огнев.

— Кого это вы так величаете? спросила Софи.

— Как кого? — удивился фронт. — Mais ce gauchard d'Ossokine![11]

Девушка пожалала плечами.

— Название не совсем верно... Впрочем, — с едва заметным лукавством подхватила она, — кое-что в нем и справедливо: Осокин правдив и безыскусствен... Может быть, поэтому вы зачисляете его в разряд детей природы?

— Нравственных качеств его я не изучал, — проговорил Огнев, — сужу только по внешности.

— И что же дурного заметили вы в ней?

— Положительное отсутствие малейшего светского лоска... даже какое-то пренебрежение ко всему, что издавна освящено обычаями и стало как бы законом... Потом эта наивная грубость, которою он так любит рисоваться...

— Рисовки у Осокина нет и быть не может.

— В таком случае он дурно воспитан.

— Не нахожу.

— Вы, пожалуй, не найдете, что он умишком слаб?

— Вы увлекаетесь, M-r Огнев!

— А вести жизнь чинуши, имея богатого дядю, — умно?

— Живет он вполне прилично: посещает театр, изредка вечера... А что не кутит, не сорит деньгами — то это, вероятно, не в его вкусах... Копит, может быть! — улыбнулась Софи.

— Depuis quelque temps, decidement, vous prenez son parti...[12] и даже в ущерб своим прежним взглядам! — иронически заметил лев.

— Contre vous je prendrai le parti de chacun[13], M-r Огнев.

— Это почему?

— По чувству справедливости.

— Suis-je si injuste?[14]

— Ужасно! La medisance — c'est votre[15] конек!

— Et le votre...[16] непостоянство? — с сердцем спросил франт.

— Que sais-je![17]

Огнев хотел что-то сказать, но, заглянув в зал, поднялся с места:

— Je vous quitte, — не без насмешки проговорил он, — le soleil se leve...[18]

Оставляю вас с вашим драгоценным (франт подчеркнул это слово) enfant de la nature и почтительно ретируюсь... Вашу ручку!

— Не стойте... Вы — злой фат! — сказала Софи, не давая руки. — У вас дар сердить людей!

— Успокойтесь! Nous en savons quelque chause![19] — вполголоса заметил ей Огнев. — Gardez moi seulement un tout petit Cain dans votre coeur[20] — вот все, о чем я вас прошу!.. Где нам, фантастическим наследникам, бороться с действительными! — раскланялся он с Софьей Павловной, простился с девицами и засвидетельствовал свое почтение старикам Ильяшенковым.

В это время из дверей зала, несколько развалистой походкой, входил высокий, видный молодой человек лет двадцати семи, с густыми, откинутыми назад, темно-русыми волосами, открывавшими широкий, высокий лоб, с такою же коротко остриженной, окладистой бородкой и большими серыми, несколько задумчивыми глазами; это и был enfant de la nature, о котором шла речь, Орест Александрович Осокин.

Огнев, встретившись с ним, хотя и фатовато, но вежливо первый подал ему руку и сболтнул какое-то приветствие; Осокин нехотя отдал ему поклон и, мешковато подойдя к хозяйке, которая при этом как-то судорожно выпрямилась, сказал ей несколько слов. Потом раскланялся с присутствовавшими и поздоровался с Павлом Ивановичем.

— А вы, почтеннейший, совершенно нас забыли! — покровительственным тоном сказал тот Осокину, протягивая ему свою пухлую руку и выпячивая грудь. — Не одобряю!

— Занят был очень, почтеннейший Павел Иванович, налег на слово «почтеннейший» молодой человек.

Его превосходительство несколько удивился подобной фамильярности.

— Чересчур уж вы усердствуете... Laissez ceci aux pauvres diables[21], которым кушать нечего, — наставительно заметил он, — которые дорожат местом... а вам, с вашим состоянием...

— Состояние у меня так мало, что об этом и говорить не стоит! — сухо возразил Орест.

— Да, pour le moment... mais avec il temps...[22]

Но Ильяшенков не успел докончить фразы: к нему подлетел прощаться белокурый юноша; Осокин воспользовался этим и подошел к девицам.

— Bonjour M-r Ossokine... il y a des siecles que nous ne vous avons vu![23] — встретила его Софи.

— Некогда было, Софья Павловна, — ответил молодой человек, здороваясь с нею и ее сестрами.

— Ездили куда-нибудь?

— Да... по службе.

Орест сел, поставил цилиндр на пол и стянул л с левой руки перчатку.

— Sophie! — пронзительно позвала дочь Анна Ильинишна, — reconduisez done madame[24],- указала она на одну из собиравшихся дам. Сделать это самой она находила излишним, так как, по светскому кодексу, гостья чином не вышла для подобной чести.

— А папа прав, — заметила Осокину Клеопатра, когда Софи вышла. — Хочется это вам служить!

— Без службы кушать будет нечего, Клеопатра Павловна.

— Вам-то?

— Да, мне. Что ж вы находите тут удивительного?

— А дядя разве вам не посылает?

— Нет.

— Вы поссорились с ним?

— Просто не беру.

— Отчего же? — крайне удивилась Cle-Cle.

— Долго рассказывать, да не хотелось бы.

— Так что, вы живете одним жалованьем?

— Доходец есть еще небольшой от усадьбы.

— И с вас довольно?

— Покамест да, а к будущему готовлюсь.

— Каким образом?

— Изучаю бухгалтерию... Хочу переменить службу: в банк поступить или на железную дорогу... Заработок больше... А то на теперешней службе, без протекции, умрешь пожалуй на сто двадцати пяти рублях в месяц!

— Понять не могу! Дядя богат, вы его единственный наследник и, вместо того, чтобы пользоваться жизнью — вы обрекаете себя на труд заурядного чиновника!

— А разве жизнь — забава?.. Разве цель жизни — только наслаждение?

— Sophie! — лениво протянула, доселе молчавшая и смотревшая в окно Юлия, обращаясь к входившей сестре. — Вон Перепелкина идет...

— Ну что ж из этого?

— Да ничего... я так...

— Посмотри, Julie, — вмешалась Анна Ильинишна, — новый на ней бурнус?

— Новый, маман... Шнурки на правом плече, а на спине розетка с кисточкой.

— Так и есть: купила! — успокоилась генеральша.

— А что, маман? — поинтересовалась Cle-Cle.

— Да меня мучило: купит она или нет; еще на прошлой неделе при мне его торговала.

Cle-Cle улыбнулась.

— О чем это вы беседовали? — спросила Софи.

— М-г Осокин сделал мне выговор за то, что я смотрю на жизнь как на забаву.

— И не думал! Бесплезная бы была бы трата времени!

— Как?!

— Я сделал только простой вывод из ваших слов.

— Что же, вы считаете меня неспособной на что-либо серьезное?

— Может быть, вы и оказались бы способной, но не при настоящей обстановке, а изменить ее для какого-нибудь дела вы не решитесь — в этом я впол-

не уверен. Вон вы и мужчине советуete побольше рассеяния и поменьше труда!

Павел Иванович поднялся провожать гостя; разговор прервался на минуту.

— Дела! Да какого же дела?.. Все это одни слова! — бросила Cle-Cle вызов Оресту.

— Вы думаете уж и невесть какое дело! В гувернантки идти, в библиотеке за прилавком стоять!.. Не бросайте вы, будущие барыни, ради выезда, своего ребенка на произвол няньки или гувернантки, не перемышайте в гостинной чужие косточки в то время, когда дети ваши учатся в классной, следите за тем, как развивает молодой ум учитель или учительница — довольно будет и этого. А для того, чтобы уметь следить за всем этим, надо и самой подготовиться; вот вам и дело, Клеопатра Павловна.

— Но вы сказали, что нужно бросить ту обстановку, в которой мы живем?

— Не бросить, а изменить насколько возможно, — как же иначе? Несовместима постоянная жизнь балов и визитов с чем-либо серьезным: она времени не дает даже вдуматься в себя хорошенько.

— Да, вы правы, — вздохнула Софи: пустая наша, жизнь!

— Которую однако, ты очень любишь! — ввернула Cle-Cle!

— *Que je l'endure*[25] — не значит еще, что я ее обожаю! — нахмурилась Софи. — Я совсем не такая охотница до выездов, как ты полагаешь.

— *Cleopatre!* — позвала Анна Ильинишна, хотя и не вслушивавшаяся в разговор, но заметившая несогласие сестер. — *Vous êtes bête, ma chere*[26], — строгим шепотом сказала она ей, — спорить с Софи при Осокине! Ступай к себе и не мешай им.

Cle-Cle надулась, но вышла, а за нею поднялась и генеральша.

— Софья Павловна, — не совсем решительно спросил Орест, — откуда у вас этот букет?

— Огнев привез... *N'est-ce pas qu'il est beau?*[27]

— Великолепен!.. Можно мне привезти такой же к будущему балу?

— *Ces choses ne se refusent pas — merci.*[28]

— И вы дадите мне кадрили?

— Если только поеду.

— А разве это еще под сомнением?

— И под большим.

— Почему?

— А хоть бы потому что мне хочется доказать вам, что я вовсе не так дорожу выездами, как об этом думают.

— Стоит того!

— То есть *vous voulez dire*[29], что этим я ничего не докажу и вы останетесь при прежнем мнении *que je suis une femme du monde et rien que cela?*[30] — быстро спросила девушка.

— Нисколько!.. И откуда взяли вы, что у меня сложилось подобное мнение?

— Уверена!.. А если б вы знали, как часто приходится принуждать себя, казаться веселей, когда на душе грустно! Мы — люди подневольные, М-г Осокин, — вполголоса добавила она, — нельзя судить нас так строго.

— Да помилуйте, я...

— *J'ai en horreur mon education*,[31] — горячась, продолжала Софи, — эту светскую выправку. Наклонности мои совершенно иные, но что делать, когда

этого требуют!

Она вздохнула и печально опустила голову.

— А если я попрошу вас, вы пойдете? — с некоторым волнением спросил Орест.

Софи медленно подняла глаза и выразительно взглянула на него.

— Может быть.

— Почему же не наверно?

— Это зависит не от меня, — улыбнулась девушка, — у меня есть папаша и мамаша!

Раздался звонок, Ильяшенковы вернулись, а за ними, с вскрикиваниями и взвизгиваниями, ввалилось в гостиную целое семейство; Осокин взялся за шляпу и поспешил удалиться.

II

От Ильяшенковых Орест отправился к сестре; он каждый день заходил справляться, не приехала ли она из деревни. Подходя к дому, он увидел отворенные ворота, поднятые сторы и весьма обрадовался: с Надеждой Александровной он, в последнее время, сошелся весьма близко.

— Приехали? — весело спросил он, отворившего дверь лакея.

— Как же-с, еще в обедни... К вам посылали, да не захватили.

Осокин разделся и прямо пошел во внутренние комнаты. Сестру встретил он в коридоре, бежавшею ему навстречу. Она бросилась к нему на шею и, несколько раз крепко его поцеловала.

Надежда Александровна только двумя годами была старше брата, но в ее умном выразительном лице сказывалось что-то грустное, почему ей и казалось как бы более двадцати девяти лет, которые она прожила на белом свете. Среднего роста, с темными, роскошными волосами, эффектно скрученными почти на самой маковке, гибкая и грациозная, она была очень и очень привлекательна.

— Ну что, здоров? Не скучал? обратилась она к брату.

— Что обо мне спрашивать... ты-то вот как?... Э, постой-ка, — сказал Орест, выводя сестру на свет и вглядываясь в ее лицо. — Да ты никак плакала? О чем?

— Так! — поспешила замять Бирюкова.

— Ну после поговорим... а теперь племянников мне подавай.

Но племянники, два здоровые мальчугана, уже бежали к дяде; Осокин перепцеловал их и, сходя в переднюю, принес каждому по игрушке. Мальчуганы, в неописанной радости, схватили их и, подпрыгивая, с визгом умчались к себе.

— А Владимир Константинович где? — спросил Орест, усаживаясь на диван возле сестры.

— Ты знаешь, где он может быть: или на конюшне или на псарне! Ты слышал, вероятно, что он и в городе ее завел?

— Слышал, Надя.

— Сюрприз мне приготовил... В общество охоты записался и каких-то новых собак выписал!

— Ты об этом-то, бедняжка, и плакала?

— Будешь плакать, как деньги в руках так и плывут, имения и дом заложены, а расходы не только не уменьшаются, а все растут да растут!.. Ну по ны-

нешним ли временам собак держать! Иной раз в доме десяти рублей нет... надо же и о детях подумать, Остя!

Слезы слышались в ее голосе.

— А надоедать ему замечаниями, ты сам понимаешь, мне неловко: состояние все его, а приданая усадьба моя не Бог весть что! Да и обстроил он ее.

— В деревне-то он не обижал тебя?

— Нет... да что в том? Лучше бы он тиранил меня, чем поминутно опошлять себя в моих глазах... Уж это не жизнь, Остя, с человеком, которого не уважаешь!

Брат вздохнул и нервно провел рукою по волосам.

В это время из внутренних комнат послышался грубоватый мужской голос и, в синей венгерке опушенной мерлушкой, с арапником в руке, молодежато вошел Бирюков. Это был полный, красивый, лет под сорок брюнет, с большими усами, поднятыми вверх, и какою-то залихватскостью во всей фигуре.

— Бофрерчик![32] Сколько лет, сколько зим! — пробасил он, протягивая к нему руки.

Осокин уклонился от объятий зятя и довольно сухо с ним поздоровался.

— Да ты никак в михлюндии[33] обретаешься?.. Влюблен (Бирюков выговорил это в нос), что ли?

— Опять за свое! — слегка покраснел молодой человек. — Не всем же иметь такой веселый характер: вас все смешит!

— Именно все... Смех, батенька, жизнь украшает, пищеварению способствует. Кстати, Надичка, ангелочек мой, — подскочил он к жене, — велика закусить подать... водочки, грибков, русачка вяленого... ну и полфлакончика прикажи захватить... — И Владимир Константинович начал ластиться к Надежде Александровне.

Оресту показалось это противным.

— Ну, флакончик-то совершенно лишнее, — заметил он.

— Как?! Брат приехал, да не вспрыснуть?

— Брат только предлог, чтобы самому выпить; да я и не пью.

— Напрасно: вино хорошее.

— Не по карману.

— Толкуй!.. Надичка, — остановил он жену, — не сердись?

Надежда Александровна только плечами пожала.

— А если не сердись — поцелуй! Поцелуй, ангелочек!

Бирюкова с сожалением взглянула на мужа и подставила ему щеку.

— Бархат! — воскликнул тот, чмокая жену и прищуриваясь. — Лионский бархат! — Нет, какова у меня женочка? — обратился он к Осокину, глядя вслед уходившей Надежде Александровне. — Редкость!

— Которой вы не стоите! — дополнил Орест.

— Знаю, милейший, досконально знаю!

— А знаете — так сделайте хоть человеком!

— А что ж я по твоему: борзой кобель, что ли?

— У вас все шутки, а Наде не до шуток!

— Да что ж я такое делаю?.. Силы небесные! Кажется, жена не может пожаловаться на то, что я стесняю ее, делаю ей сцены...

— А ваши кутежи, карты, любовницы?

— С-с! — испуганно перебил его Бирюков, взглядывая на дверь. — Эк ведь

ты орешь!

Молодой человек усмехнулся.

— Вы, пожалуй, воображаете, что сестра ничего не знает?

— Разве ты насплетничал, а то конечно нет.

— Глупости вы говорите, — вспыхнув, возразил Осокин. — Стану я такую мерзостью заниматься!

— Продолжай... я не обидчив! — добродушно заметил Владимир Константинович.

— Взгляните на Надю: разве от хорошей жизни худеют?.. От душевного спокойствия бледнеют?... Неужели вы не видите, что ее гложет...

— Червь? — перебил шурина Бирюков. — А знаешь что: и меня ведь он гложет... «О мой недремлющий брегет, звони, звони скорей обед!» — расхохотался он.

Ореста смех этот даже передернул всего; он отвернулся и стал глядеть в окно.

— Ты только, пожалуйста, — после небольшой паузы, заговорил Владимир Константинович, — не вздумай смущать жену своими разглагольствованиями.

Осокин молчал.

— Баба всегда не прочь, — продолжал Бирюков, — прикинуться несчастной — волю только ей дай.

— Наде прикидываться нечего, — с сердцем возразил Орест. — Немного она счастья видит!

Бирюков пожал плечами, засунул руки в карманы и, гуляя по комнате, стал насвистывать какой-то марш.

Прошло несколько минут. Подали закуску.

— Ну-ка, Остя, хватим! — как ни в чем не бывало, пригласил шурина Владимир Константинович, наливая две огромнейшие рюмки водки. — Полно дуться!

Молодой человек молча подошел к столу, отлил из своей порции половину, выпил и закусил.

— А русачка? Сам третьего дня затравил... Попробуй.

Осокин отказался.

— Если б ты видел, — вдруг воодушевился Бирюков, — как Стеллька его поймала — восторг! Представь себе: подозрели[34] мы его в кочках... в верестнячке увалился[35]... Евлашка первый подал голос. Подъезжаю: материще лежит... лбина как у барана и уже чалый. Взбудил[36] я его: вскочил каналья и ну чесать! Вижу, зверь бывалый: с лёжки задней пазанкой[37] дрыгнул и ухо заложил — жди значит потехи... Выпустил я его в меру (терпеть не могу, как кошек, давить!), а собаки так и рвутся на своре; Карай так тот уж скулить начал. Наконец улюлюкнул... Веришь ли: Стеллька — ну что она на вид... сучонка дрянненькая, пальцем перешибить можно, как принялась доспевать[38], так вот всю внутренность мне и подворотила: золото, а не собака! Не прошло и трех минут, а подлец уж и верещит: «увя, увя»... В одиночку взяла!

Владимир Константинович, по этому случаю, хлопнул третью рюмку.

— Вот на днях, — продолжал он, прожевывая бутерброд, — покажу я тебе псарню — теперь она еще не совсем в порядке — что за закутки! Кухня какая!.. Уж лучше, чем у Поземова... Пятьсот рублей ухлопал, а еще экономически

строил.

Орест, не слушая зятя, отыскал свою шляпу и шел было в соседнюю комнату.

— Куда? — остановил его тот.

— С сестрой проститься.

— Да разве ты не у нас обедаешь?

— Нет.

— Что так? Все еще горчица в нос?

— Некогда.

— Ну полно, посиди... жена сейчас выйдет.

Осокин сел.

— Послушай-ка, — вполголоса сказал ему Бирюков, похлопывая его по ляжке, — ты будешь сегодня в клубе?

— Нет.

— Почему?

— Да что там делать?

— Жаль... Ну так вот что: скажи Наде, что ты звал меня сегодня в клуб, — ведь это тебе ничего не стоит...

— Солгать-то?

— Да тише ты... что у тебя за глотка право! — Видишь ли: мне надо... — но разговор был прерван приходом Надежды Александровны.

— Тебя там спрашивают, — обратилась она к мужу.

— Кто?

— Шорник... ошейники, что ли принес.

Владимир Константинович вскочил и торопливо вышел из комнаты; Бирюкова с грустной усмешкой посмотрела ему вслед.

— Вот ведь, скажи ему, что Саша или Миша хорошо сегодня читали — не обрадуется, а ошейники принесли — полетел и закуску бросил.

— Один из последних могиканов! — сказал Орест.

— А жаль все-таки его: Владимир — не злой человек и по-своему любит меня, но любовь его какая-то странная...

— Не греет? — улыбнулся брат.

— Именно не греет — ты верно определил.

Хотелось Осокину сказать, что любит Владимир Константинович только себя, да пересилил себя и смолчал. «Зачем отнимать последние иллюзии?» — мелькнуло у него в голове.

— Ты что шляпу-то в руках держишь? Не у нас разве обедаешь?

— Нет, Надя... дела, милая, много.

— Мы скоро сядем... Отобедай, голубчик, а там и иди себе с Богом. Я велю накрывать сейчас.

Оресту стало жаль сестры, и он остался. Надежда Александровна пошла распорядиться обедом, а из другой двери выбежали дети, сопровождаемые гувернанткой, двадцатилетней блондинкой, не столько хорошенькой, сколько миловидной и симпатичной. В особенности привлекали к себе ее глаза, синие, глубокие, с выражением не то мечтательности, не то какой-то затаенной грусти. Так как личность эта займет известное место в нашем рассказе, то мы считаем себя обязанными сказать о ней несколько слов.

Настасья Сергеевна Завольская была сирота; отец ее, маленький помещик

и неудачный аферист, умер в бытность ее еще в институте, не оставив дочери ничего кроме родительского благословения. Настю, по выпуске, временно приютила у себя тетка, старая дева, которая и сама перебивалась кое-как, а потому и не могла быть серьезною поддержкой для племянницы. Настя не захотела быть в тягость бедной родственнице и, как ни молода была, решила искать места компаньонки или гувернантки. Случай свел ее с Бирюковой; Завольская полюбилась ей, и Надежда Александровна взяла девушку к своим детям. Но официальное положение Насти длилось не долго: ее симпатичная натура привлекла к себе Бирюкову, и молодые женщины вскоре сошлись, как нельзя лучше.

С Осокиным Завольская была тоже на дружеской ноге; прямая, честная личность молодого человека нравилась ей. Правда, сначала образ жизни Ореста удивлял ее, заставлял предполагать в себе что-то неестественное, напускное: «Странно, — думалось ей, — богатый наследник, и тянет лямку не хуже другого бедного чиновника: по вечерам даже работает!» Но, познакомившись с Осокиным ближе, она поняла, что действия его совершенно искренни, что у него есть идея, цель, которым он служит и от которых никогда не откажется. И личность молодого человека все светлее и светлее обрисовывалась в воображении девушки.

Мальчики, завидя дядю, со всех ног бросились к нему; младший, Миша, уселся к Оресту на колени, а старший, Саша, побежал за карандашом в надежде, что дядя нарисует ему лошадь или гусара. Осокин любовался Мишей и, кажется, на время забыл неприятное впечатление, произведенное на него Бирюковым: ребенок был действительно очень забавен и мил.

— А вы-таки поправились в деревне, — заметил молодой человек Завольской, — не то что сестра.

— Забот меньше, — отвечала Настя, принимая от Саши бумагу и карандаш. — Ну что тебе нарисовать: домик? Лошадку? — спрашивала она ребенка.

— Ашадку, — промямлил мальчуган, обнимая девушку и ласкаясь к ней. — Тойко в санках, тетя... и чтобы кучер тоже бый...

— Хорошо-хорошо, — согласилась Завольская, принимаясь за рисование. — Вы у нас обедаете? — обратилась она к Оресту.

— Да.

— Что вы так поздно пришли? Сегодня праздник, утро свободное.

— Тетя, и деевцо наисуй... ёчку, — приставал Саша.

— И елочка будет, подожди.

— К Ильяшенковым заходил, — отвечал Осокин, — давно у них не был.

— Какая красавица у них старшая! — воскликнула Настя, лукаво взглядывая на Ореста.

Тот сконфузился немного.

— Да, — проговорил он, поспешая заняться племянником.

Раздался звонок и, через минуту, вошел доктор, молодой еще человек, с весьма добродушным и выразительным лицом; фамилия его была Каменев. Он поздоровался с Завольской и Осокиным, приласкал детей и, потирая руки, спросил о здоровье хозяйки.

— Здорова, — отвечала Настя, — с дороги только устала немного.

— Ну и хорошо... молодец барыня! — продолжал потирать руки и ходить по комнате Каменев. — А ваша милость? — похлопал он по плечу Ореста.

— А моя милость сожалеет, что давно вас не видела!

— С радостью бы зашел, да времени все не находится: то практика, то занятия.

— Когда же думаете вы держать на доктора? — любопытствовала Завольская.

— Теперь скоро, премудрость главную осилил, — улыбнулся доктор.

— Боис Якович! Тетя мне ашадку исует, — похвастался Саша.

— И мне, тетя, потом наисуй, ласкаясь к девушке, — потребовал Миша. — Дядя, она и мне наисует?

— Иди-ка ко мне — я тебе нарисую, тетя занята, — сказал Осокин.

Мальчик сбегал за карандашом и бумагой и принес дяде.

— А вы, Боис Якович, умеете ашадок исовать? — поинтересовался Миша.

— Нет, дружок, не умею.

— Вы тойко екаство давать умеете?

— Только лекарство, — усмехнулся доктор.

— Здравствуйте! — воскликнула появившаяся вдруг Бирюкова и протянула Каменеву руку. По ее покрасневшему лицу и прерывавшемуся голосу видно было, что она торопилась. — Как узнали вы о нашем приезде?

— Да дворник ваш милым человеком оказался: уведомил... Ну, я и тово... с визитацией.

— Очень любезно. Надеюсь, вы довершите вашу любезность, отобедав с нами?

— Ей-Богу, не могу, — с едва заметным замешательством отвечал доктор. — Тут у меня трудно больной есть... Резался дурак... ну я ему зашил... боюсь, чтобы опять того... Я и то насилу урвал минуту. Ну, а вы-то как себя чувствуете?.. Пилюли принимали? Купались аккуратно?

— Все делала, да пользы что-то не вижу.

— Послушаем... я и стетоскоп захватил... Разрешите?

— Пожалуй, — равнодушно согласилась хозяйка и пригласила Каменева в смежную комнату.

— Какие тут лекарства, — по-французски отнесся к Насте Орест, как только Надежда Александровна и доктор вышли, — когда душа покоя не знает.

— Да, тоскует сестра ваша... Как ни старается она скрыть это, но я-то вижу!

— Мишутка! — подозвал к себе сына появившийся в дверях Бирюков. — Марш ко мне!

Ребенок посмотрел на отца, мгновенно взобрался на колени к дяде и положил голову на его плечо.

— Поди сюда, говорят тебе! — крикнул Владимир Константинович.

Миша крепче прежнего прижался к Осокину и не думал сходить с коленей.

— Иди к отцу, — сказал тот, ссаживая племянника. — Иди же... не хорошо! — уговаривал он его.

Мальчик сделал было несколько шагов, но вдруг заплакал и вернулся.

— Плакса дрянная! — оприветствовал сына Бирюков. — Сашка! — подозвал он старшего. — Хочешь водки?

— Хочу, — отвечал мальчик, подходя.

— Молодчина! — потрепал его по щеке отец, налил ему полрюмки и дал выпить: ребенок закашлялся.

— Что это вы делаете? — вскричала Настя, вскакивая и уводя от него Сашу.

— Ничего, пройдет! — расхохотался Владимир Константинович. — На, вот, закуси, — подал он сыну кусок бутерброда.

Орест только плечами пожал.

— Водка желудок укрепляет, — словно оправдывался Бирюков, — от золотухи доктора всегда водку прописывают.

— Саша вовсе не золотушен, да и вряд ли водка вообще детям полезна, — заметила Завольская. — Спросите Каменева — он здесь.

— Где?

— У вас в кабинете; Надежду Александровну выслушивает.

Владимир Константинович всполошился.

— А что?.. Разве она нездорова?.. — Ангельчик! Милочка! — бросился он к входившей жене и стал целовать ее руки. — Ты больна?..

— Нет.

— А доктор что же выслушивал?

— Ведь ты знаешь, что у меня грудь слаба... ну он и следит за тем, чтобы она совсем не расстроилась.

— Так у тебя теперь ничего не болит?

— Ничего.

— Урра! — крикнул вдруг Бирюков, подошел к закуске, налил себе водки и, провозгласив «за здоровье нашего ангела!», опрокинул рюмку в свою широкую глотку.

Надежда Александровна с сожалением, похожим на презрение, посмотрела на мужа и, подозревая к себе детей, села к столу показывать им карточки.

— А доктор-то где же? — вспомнил вдруг Владимир Константинович.

— Уехал, — ответила жена.

— Ну черт с ним, коли уехал! Надя, знаешь новость: жид Блюмензон издох.

— Да разве я его знаю...

— Помилуй матушка: кто эту ракалию[39] не знал... Ростовщик, который и с живого и с мертвого драл... восемьдесят тысяч чистоганом оставил!.. Вот канальское-то счастье таким болванам, как племянничек его любезный!

— Как вам, однако, мало для счастья нужно! — со злобной ноткой заметил Осокин.

— Восемьдесят-то тысяч мало? Эх ведь как забирает!

— Вы не поняли... Не велико счастье такие деньги наследовать!

— Это почему? Особенности они, что ли?

— Особенности. Это — пот и кровь бедняков, нищета и позор, может быть, целых семейств!

— Фу! как громко! — развел руками Бирюков. — Не отказаться ли ему, бофрерчик, а?

— Я бы, может быть, и отказался, — серьезно сказал Орест.

— От восьмидесяти-то тысяч?.. Ну, уж это ты врешь, позволь не поверить!

Осокин промолчал.

— Упокой его Господи, — хлопнул Владимир Константинович рюмку водки, — подлец был покойник! Не прикажете ли хереску? — подслужился он к Насте.

— Нет, — сухо отозвалась девушка.

— Боитесь, что от ваших коралловых губок винцом будет пахнуть? — подошел он к ней, уже порядочно раскрасневшись.

Завольская молча отодвинулась.

— Как к вам это платье идет — прелесть! Сидит-то как! — плотоядно оглядывая Настю, продолжал заигрывать Бирюков. — Остя! — хотел шепнуть он шурина что-то на ухо, но тот довольно грубо взял его под руку и отвел к обыденному столу. «Будет нахальничать! — вполголоса заметил он зятю. — Вон суп несут».

Владимир Константинович несколько удивленно взглянул на Осокина, но тотчас же расхохотался:

— Хватим-ка, милейший! — пригласил он beau-frere'a.

Но beau-frere не хватил, и хозяин в одиночестве пропустил предобеденную чарочку. Сели за стол. Обед прошел скучно. Все, кроме хозяина, мало ели и больше молчали; зато он ел за четверых и болтал без умолку. Бирюков рассказывал про свою службу в кавалерии: как на своем Демоне перескакивал через целую ротную колонну, как из подков вил веревки, как указательным пальцем перешибал как ножом, три фунта стеариновых свеч. Орест ушел от сестры грустный и расстроенный. «Господи, — рассуждал он, — жить с эдаким животным!» — и он не шутя раздумался над судьбой несчастной Надежды Александровны.

III

В тот же день вечером, под неприветный шум мелкого осеннего дождя, вот что происходило в небольшом деревянном доме одной из посредственных улиц города. В гостиной, на столе перед диваном горела лампа под зеленым абажуром, и стоял чайный прибор; немного поодаль, на высоком табурете с медной доской, шипел самовар, выпуская из-под крышки две белые струи волнующегося пара. На диване сидели две старухи; крайней, ближе к самовару и очевидно хозяйке, было лет за шестьдесят; высокая, полная, с широким, бойким лицом и небольшою проседью в темных, еще густых, волосах, — она составляла резкую противоположность со второй, сухопарой фигуркой, с желтой, птичьей физиономией и узенькими, плутоватыми глазками. Хозяйку звали Татьяной Львовной Осокиной, а ее гостью — Марьей Серапионовной Перепелкиной.

Старухи молчали; видно было, что они уже повыболтались; передача новостей, за неимением материала, прекратилась и уступила место усиленному чаепитию. В комнате раздавалось только шипение самовара, звук ударявших в стекла капель, да изредка, довольно громкое, прикусывание сахара.

Прошло с четверть часа; наконец гостя, допив свою четвертую чашку и опрокинув ее вверх дном, слегка приподнялась на диване и с ужимкой поблагодарила хозяйку.

— А еще? — грубовато спросила ее та. — Пей, Сергеевна!

— Нет уж, увольте, Татьяна Львовна: как перед Богом, не могу-с!

— Другой раз по семи пьешь!

— А сегодня моченьки моей нету! — ухмыльнулась Перепелкина. — Человек ведь я тоже-с... Что я нынче чаю припила — страсть! У Левиных три чашки, — загнула она три пальца, — у купчихи Синеглазовой четыре, у генеральши Булькиной... ну тут всего одну, потому особа важная, сами изволите знать неловко как-то... У Горожанкиных...

— Будет тебе высчитывать... Ну что мне в том, сколько чаю ты выхлеба-

ла? — оборвала гостью Осокина.

— Я ведь это к тому, чтобы вы чего подумать не изволили.

— Не дура же я в самом деле, чтобы обижаться...

— Ты все на свой чиновничий аршин меряешь... Ой, Марья, Марья!

— Потому как я привыкла дорожить вашими милостями, — с кошачьей ужимкой и постоянно подпрыгивая на диване, лепетала Перепелкина, — я всегда опасаясь, чтобы чем ни на есть прогневить вас, матушка вы моя.

— Пустое мелешь!

— Я сызмальства, Татьяна Львовна...

— Да будет тебе, заладила одно, да одно!

Гостья съежилась и платком, свернутым в комочек, утерла свои тонкие, бесцветные губы.

— Ой, Матерь Божия! — немного помолчав, воскликнула она, взглядывая в окно и прислушиваясь к шуму дождя и ветра. — Как пойду-то я от вас: погодушка — светопреставление!

— Авось не растаешь, до извощика-то доковыляешь... рукой подать, а денег я дам.

— Поди, антихристы, все по трактирам да кабакам разбрелись!

— Марфушку дошлем — не велика барыня... Да что об этом толковать... скажи-ка лучше: у Ильяшенковых ты бываешь?

Перепелкина даже привскочила, словно резиновый мячик.

— У генерала-то?.. У Павла-то Иваныча? Да я, матушка вы моя, у них почи-тай свой человек в доме!

— Уж и свой! У тебя замашка всех своими считать; чаю раз-другой в доме напилась — сейчас в свои люди себя и жалуешь!

— Как же это, Татьяна Львовна, возможно-с. Я ведь тоже знаю, где какую линию провести... У Ильяшенковых мне иной раз на дню не единова бывать приходилось. Самой что ни на есть пустой вещички генеральша, без меня, продать не решаются. Чуть долго не найду — сейчас по меня или горничную или лакея шлют... Завсегда тоже угощением потчуют; а о барышнях говорить нечего: Софья Павловна, как приду, так от меня во все время не отходят... все мне свои секреты доверяют и не в чем меня не конфузятся: и шейку при мне моют и юбочки надевают.

— Так эдак, — перебила расходившуюся гостью хозяйка, — ты от них кое-что и вызнать можешь?

— Все, матушка вы моя, до ниточки! — встрепенулась Перепелкина, сразу сообразившая, что тут заработком пахнет.

— Видишь ли... Только смотри, Марья, — остановилась Татьяна Львовна, — уговор лучше денег — замочек на язык привесь!

— Ой, матушка! — даже откинулась гостья.

— То-то! Племянника моего знаешь?

— Ореста-то Александрыча? Раза два у вашей милости видела... еще, извольте припомнить, спор у вас с ними вышел: губернатора племянничек ваш неделикатно так обозвали...

— Так вот в чем дело: нравится Осте ильяшенковская Софья... Хоть он и скрывает, а я уж это по всему вижу. Брату хочется, чтобы Остя женился: думает, семейством обзаведется — ближе к нему станет. Оно и то сказать: родному дяде, богачу, обидно ведь, что племянник, единственный его наследник, от

него сторонится и никогда копейки у него не попросит!

— Как, матушка вы моя, — насторожила уши Перепелкина, — Орест Александрыч дядюшкиными денежками брезгают?

— Ну, это уж их дело, — спохватилась старуха, — заминка у них тут вышла... Конечно, все перемелется... мало ли что между своими бывает... Мне только не хочется, чтобы эдакой, можно сказать, шаг на всю жизнь Остя тятя да ляп порешил. Сама знаешь, как осторожно да осмотрительно судьбу свою надо устраивать.

— Истинно, матушка вы моя: вон тятенька меня за первого встречного выдали, польстились, что чиновник, второй чин имел, — так семь годков фонари у меня с глаз не сходили!

— Хотя брат за приданым и не гонится, а все-таки, по-моему, не след Осте, у которого со временем тысяч на сто состояния будет, на какой-нибудь жениться; поэтому ты разузнай мне доподлинно: сколько за Софьей дают.

— Об этом не извольте беспокоиться: у генерала денег куча! Сами чай извольте знать, с каким форсом живут: и кареты, и коляски, и все такое... Тоже как барышень одевают... Дом на удивленье...

— Положим это еще не доказательство: другой столько пыли в глаза напустит, что подумаешь — миллионер, сундуки от денег ломаются, а все пустое: пофинтит-пофинтит, да щелкопером и окажется. Много тоже на фу-фу живут!

— Нет уж, Татьяна Львовна, я от такого человека знаю, от такого верного, что уж не солжет... Да сами извольте посудить: Покровское — золотое дно... что хлеба одного снимут... Опять же деньги-с... Какими в Питере делами вороти — ума помрачение! Да и теперь не гроши получает!

— Все это говорят, а ты узнай!

— И узнаю... до последнего рублика.

— Потом вот еще: не нравится мне этот Огнев... Прожженная он шельма! Как бы чего доброго Осте ноги не подставил!

— Это Огнев-то? Да что у него есть? Тяжба-то еще не денежки в кармане! Полноте-ка: Софья Павловна в наилучшем виде это разумеют.

— Говорят, однако, что он порядком-таки за ней приударивает, и она будто бы ничего...

— Пустое, матушка вы моя: Софья Павловна тоже не глупеньки, замуж зря не пойдут.

— Замуж, может, она за него и не ладится, а боюсь я, чтобы баловства какого не вышло. Остя молод, да и в чадую... под носом не увидит, округить его немного мастерства надо; отца и матери нет, — так уж мне думать за него приходится. Ты смотри же, Сергеевна, разузнай, да по-божески!

— Татьяна Львовна! Матушка вы моя! За все то ваши милости... Да разрази меня Господь!

— А красива Софья? Давно, признаться, я ее не видала, может, переменилась?

— То есть писаной картинкой назвать можно! Ну вот, как говорят, по последнему журналу, — вскинула руками Перепелкина. — Да такой красавицы поискать... Глаза какие, губки...

— Не тоща она?

— Господь с вами! — даже с негодованием откинулась назад гостья. — Булочка, совершенная булочка!.. А умница-то какая!

— Слышала, что умна... рядиться только любит. Ну да, для богатых грех этот еще не Бог весть какой.

Осокина поднялась с дивана и рукой постучала в стену; явилась здоровая девка, в пестром платке на голове, босая.

— Убирай! Да неужели у тебя башмаков нет, что босая ходишь?

— Обутки-то не напасешься — ходьбы много... На четыре рубля жалованья не разживешься... а башмаки не то два, не то и три стоят... Хорошо и так! — пробурчала она, вынося самовар.

— Мужичка неотесанная! А вот я толченым стеклом пол посыплю — посмотрю, как-то ты голоногая шлепать будешь! — крикнула ей вслед Татьяна Львовна. — Вот до чего дожили! — обратилась она к Перепелкиной.

— Ой уж! — махнула та рукой.

— А платок для чего на голове таскаешь? — снова заметила появившейся за чашками девке Осокина. — Холодно, что ли? Пакость только на голове разводишь! Тут так вот не экономишь, потому что паклю свою чесать не хочется!

— Есть када тувалетами займаться, — огрызнулась Марфушка, — как день-деньской пятки топчешь!

— А вот я тебя прогоню — так будешь тогда пятки топтать! — взбесилась Татьяна Львовна. — Кто тебя, корову эдакую, возьмет!

Но Марфушка, недослушав барыни и ворча себе что-то под нос, вышла из комнаты.

— Ну смотри же, Серапионовна, — помолчав, продолжала Осокина, — всю подноготную выведай... Первое: об Огневе. Потом что дают; и ежели деньгами, то какими билетами, а то нынче и такие есть, что на нем тысяча стоит, а поди продавать — пятисот напрочишься. Второе: по нраву ли старикам Остя... Девчонку спрашивать нечего: ей уж двадцать два стукнуло и, если ты на счет Огнева не врешь, она рада будет чепчик напялить; таких женихов, как мой племянник, и в столицах не обегают.

— Что говорить, матушка вы моя, и простых-то женихов совсем в умалении... И отчего бы это? Мужчин, что ли, меньше родиться стало, или холера их больше берет?

— ... И чтоб, Боже сохрани, до Ости чего не дошло, — все дело испортишь.

— Понимаю, Татьяна Львовна, довольно хорошо понимаю.

— Осторожнее, как только можно; сама выведывай, а чтоб тебе комар носу не подточил — слышишь?

— Ой, ей-Богу, как это вы меня наставляете! Точно уж, прости Господи, я ума решилась! — даже обиделась Перепелкина.

— Потому и наставляю, что дело щекотливое... Денег-то надо? — прищурилась Осокина.

Серапионовна мгновенно потупила глаза и начала вертеть свой носовой платок.

— Сами, Татьяна Львовна, извольте знать сиротство мое: бедность, дети... Иной раз без хлеба сидим...

— А бурнус для чего завела?

— Матушка вы моя! По эдаким господам ходивши, да разве можно в тряпье показываться?.. Никто и в дом не пустит, работы не будет. Тоже ведь и холодно, Татьяна Львовна!

— Ну, будет причитать... На вот... А коли дело сладишь — еще дам, — сказа-

ла Осокина, подавая гостю пятирублевый золотой.

Перепелкина вскочила и, рассыпаясь в благодарностях, припала к плечу благодетельницы; потом аккуратно завязала деньги в узелок платка, подобострастно поклонилась и тихо, по-кошачьи, вышла из комнаты.

IV

Орест Александрович Осокин (как читатель, вероятно, успел уже заметить) имел в перспективе сделаться со временем богатым наследником; но, как это ни странно, перспектива эта не соблазняла его. Выросший в служилой дворянской семье среднего достатка, он не был избалован; с самого раннего возраста, окруженный трудовой жизнью, молодой Осокин чаще видел лишения, чем довольство. Но зато он рано понял духовную красоту нравственных сил, привык ценить высокую идею служения не одним материальным интересам, но чему-то высшему, от злобы дня не зависевшему. Отец Ореста Александр Львович, мировой посредник первого призыва, с честью отслужив в этой должности девять лет после освобождения, при изменившемся взгляде на посредников, вышел в отставку и специально занялся хозяйством. Выбор в мировые судьи обрадовал его, и бывший посредник, с прежнею энергиею взялся за дело. То же служение правде, то же беспристрастие и строгое отношение к закону легли в основание деятельности нового судьи, и немудрено, что Александр Львович, даже за пределами своего округа, стал известен и своими знаниями, и неподкупным служением правде. Заботы о материальном достатке стояли у Александра Львовича всегда на втором плане; он был расчетлив, но не скуп, старался увеличить свои средства, но стремления эти не считал главной целью жизни. Не будь у него двух детей: Надежды и Ореста, он удовольствовался бы самым скромным бюджетом, но воспитание, а затем образование детей требовали расходов.

Жена Александра Львовича, Ольга Николаевна была достойною спутницею своего мужа и в жизни и в воспитании детей. Последнее лежало даже исключительно на ней, так как Александру Львовичу, занятому хозяйством и службою, возиться с этим было некогда. Задача, положенная Осокиной в основу воспитания, была весьма проста: упрочение религиозных истин, развитие в детях честных, стойких убеждений и любви к труду и полное отвращение ко всему тому из-за чего бьется большинство людей, принося в жертву земным благам принципы добра, честь и совесть. И, благодаря заботам матери и примеру отца, дети росли правильным, здоровым ростом; не так как тысячи детей растут, надеясь на будущие средства, приготавливая из себя или нравственных уродов, или обузу для общества и страны. Двенадцати лет Надя отвезена была в один из петербургских институтов, а Орест, десяти лет, поступил в местную гимназию. Осокиным пришлось переезжать в губернский город. Пожив несколько месяцев на два дома, Александру Львовичу удалось, в ближайšie же выборы, попасть в городские мировые судьи, и тогда уже все внимание Ольги Николаевны сосредоточилось на сыне.

Восемнадцати лет Орест окончил гимназический курс с золотою медалью и поступил в Московский университет. Осокины могли порадоваться на сына: из юноши вырабатывалась честная, прямая и любящая натура, характер открытый и стойкий; труды Ольги Николаевны не пропали даром.

В Москве, на одной из лучших улиц, в собственном доме особняке прожи-

вал дядя и крестный отец Ореста, бездетный вдовец, Владимир Львович Осокин. Узнав, что племянник блестяще кончил гимназический курс и поступил в московский университет, он предложил Александру Львовичу, которого очень любил, приютить Ореста у себя; отказать, конечно, было нельзя, и молодой человек поселился в богатых хоромах Владимира Львовича. Но водворение сына в среду дельцов и аферистов не нравилось Осокиным, в особенности Ольге Николаевне. Хотя она и была уверена в твердости убеждений и взглядов Ореста, но, в виду его молодости и малого знакомства с людьми, она боялась, чтобы роскошная обстановка, проповедуемый, как цель жизни, культ золотого тельца, равнодушие к человеческим страданиям и взгляд на неблагоприятные сделки с совестью, как на нечто обыкновенное, не повлияли на чистоту воззрений, которые она с такою любовью и настойчивостью успела привить к Оресту. Перед заботливою матерью вставала вся жизнь Владимира Львовича, полная постоянных удач, вспоминался и источник его богатства. Выручив, через продажу наследственного имения и приданого своей покойной жены около двадцати пяти тысяч, будущий богач вышел в отставку и переселился в Москву. Совершенная противоположность брату, Владимир Львович мечтал только о том, как бы разбогатеть, и поскорее, чтобы успеть насладиться плодами своих трудов. Выбором средств для этого он не стеснялся. Пустив свой капитал в обращение, или по-купечески, «начав торговать деньгами», Осокин устранил из своих операций всякую «сентиментальность» и вскоре удвоил свой капитал. Подоспела турецкая война; Владимир Львович, завязавший уже к тому времени крупные связи, ловко втерся в жидовскую компанию поставщиков и, с опытностью дельца и смелостью азартного игрока, бросился в погоню за наживой. В результате получились двухсоттысячное состояние и хрустальная чистота по суду. Основавшись окончательно в Москве, Осокин пристроился к одному из крупных акционерных правлений, конечно, более для получения приличного гонорара, зажил *gentier*'ом[40] и только изредка принимал участие в делах, чтобы, как он говорил, не отвыкнуть от коммерческой деятельности.

Оресту на первых же порах не понравилась жизнь в дядином доме, хотя кроме предупредительности прислуги и ласки от Владимира Львовича молодой человек другого не видел. Его ни в чем не стесняли, никакими советами или назидательными разговорами ему не надоедали, окружен он был полным комфортом. Но чем долее жил Орест в новой среде, чем чаще возвращался в обществе людей, посещавших Владимира Львовича, тем глубже чувствовал он свое разномыслие с ними и потребность удаления от них. Юношу коробила их *profession de foi*, постоянное служение Ваалу, мысли и стремления, не имевшие ничего общего с теми принципами, с которыми он вырос и которые так прочно усвоил. Как ни сдерживался Орест в разговорах, но юношеский пыл часто брал свое и нередко, между дядей и племянником, возникали споры, кончавшиеся размолвками, наглядно доказывавшими несходство взглядов и убеждений споривших и порождавшими диссонанс в их совместной жизни. Неприятно действовала на Ореста и самая обстановка дома; много вызывала она в нем тяжелых размышлений и неприятных минут, чему способствовала крайняя впечатлительность молодого человека и пылкая его фантазия. Все дошедшее до него из биографии дяди, в виде отдельных эпизодов или налету схваченных рассказов, принимало теперь в глазах Ореста конкретную форму;

окружавшая его роскошь возмущала его. «Слезами угнетенных, сделками с совестью создалось все это! — нашептывал ему тайный голос. — Какую скорбную летопись изображают собою эти дорогие картины, бронза, банковые билеты, акции!.. Сколько слез, людских страданий потрачено на это!..» И каждое лето рвался Орест из этого позлащенного вертепа под сень родительского дома, в тихий приют труда, мира и любви!

За год до окончания университетского курса Орест лишился отца, а еще полгода спустя и матери. Сестра его, Надежда Александровна, почти тотчас же по выходе из института вышла замуж за некоего Бирюкова, богатого кавалерийского офицера, и жила в Петербурге. Похоронив родителей и произведя раздел имения поровну, Орест окончил университет и, вопреки предложению дяди устроить его на теплом месте в Москве, выпросил себе назначение в провинцию. Это послужило началом охлаждения между дядей и племянником, а воспоследовавший затем отказ Ореста от субсидий еще более обострил их отношения. Двадцати пяти лет Ореста перевели в родной Р., куда к тому времени переехала на житье и Надежда Александровна, муж которой, порасстроив свои дела, принужден был выйти в отставку, и теперь мы встречаем Ореста довольно заметным губернским чиновником.

V

Двадцатипятилетняя вдова генерал-майора, Катерина Ивановна Соханская, по мнению светских знатоков, «*faisait la pluie et le beau temps*»[41], в р-ском обществе. Помаявшись несколько лет под ферулой[42] разбитого параличом мужа, Соханская, по смерти его, вздохнула полною грудью и, при помощи оставленного генералом состояния, поплыла на всех парусах. Угнетенная сначала матерью, потом мужем, Катерина Ивановна, очутившись без опеки, вдруг почувствовала, что у нее выросли крылья, и без удержу предалась опьяняющему сознанию своей самостоятельности. Детей у нее не было, забот также; все мысли ее устремились на то, чтобы создать себе образ жизни как можно более веселее, разнообразнее, свободнее. Соханская отправилась за границу; и не прошло двух-трех лет, как из загнанной, вялой женщины Катерина Ивановна превратилась вдруг в смелую, блестящую львицу. Откуда явились у нее и ум, и находчивость, бойкая речь, бьющий в глаза шик! Возвращение молодой вдовы было эпохой в р-ской жизни: дом ее с иностранной легкостью нравов соединял русское хлебосольство; туалет, сплошь и рядом, забивал местных модниц, сарказм Соханской ставил в тупик самых находчивых *beaux-esprits*[43]. В короткое время генеральша снискала себе массу обожателей и тьму врагов: молоденькие женщины и девицы бранили ее с пеною у рта, строгие маменьки находили ее «*sans principes*»[44], запрещали дочерям сходиться с подобною «*devergondee*»[45], власти дулись на слишком резко высказываемую ею правду, а влюбчивые юноши бесились за получаемые ими щелчки. Но все это кипяченье «*a parte*»[46] нисколько не мешало тем же особам прекрасного пола перенимать моды М-ме Соханской, заискивать ее расположения, властям целовать ее небрежно протянутую ручку, а адонисам таить по-прежнему и получать новые щелчки.

Юная генеральша, вероятно по воспоминанию, терпеть не могла брачных уз; много сваталось к ней женихов, и высокопоставленных старцев и красивых юношей — всем один ответ: «*J'ai en horreur les roses de Hymenee!*»[47] И за-

тем, в великому оскорблению общественной нравственности, львица объясняла причину своего отказа, приблизительно в такой форме: (старик) «Ну что дадите вы мне взамен моей свободы?.. Почет? — *Je n'oi que faire!*[48] Состояние? — Оно у меня есть. — Любовь? — Я не могу любить лысого, седовласого, параличного! (Смотря по субъекту) — Что же я выигрываю? — Ничего; а проигрываю массу. — *Je vous tire ma reverance!*»[49], (юноше) «Вы предлагаете мне вечную любовь — *blague que tout ça!*..[50] И за эту мнимую вечность, отдать себя в ваше распоряжение — *merci!* Я в этом кое-что смыслю!.. *L'amour n'est pas si difficile a trouver: ça se ramasse tous les jours*[51] — захотеть только... *Et puis...*[52] Эта вечность — скучно! — *Fichez-moi le camp, s'il vous plaît!*»[53]

Но если Соханская так ненавидела Гименея и всякую зависимость, — зато не прочь была иной раз пошалить чувствами и дать поблажку вдруг народившемуся капризу. Понравился ей Огнев — и несколько месяцев ворковала она с ним, на глазах всего р-ского общества, под батальный огонь судов и пересудов; потом, уразумев брачные замыслы Леонида Николаевича, вдруг оборвала и стала к нему в чисто дружеские отношения...

«*J'en ai assez, mon chou-chou, de ton amour,* — сказала она ему однажды, без всяких предисловий, — *vas le caser ailleurs!*»[54]

И, волей-неволей, влюбленный лев, которому нравились также и генеральские капиталы, должен был отретироваться.

Но все эти уклонения молодой женщины, ее капризы и чудачества, вызывавшее на первых порах такие строгие порицания, вскоре стали в глазах местных диан делом обыкновенным, и р-ский бомонд, подкупленный то шикарной красотой Катерины Ивановны, то ее тонкими ужинами, не только помирился со слабостями Соханской, но даже, по провинциальному обыкновению, начал заискивать у такой женщины, которая держит себя совершенно независимо, и на общественное мнение даже внимания обращать не хочет.

Ильяшенковых тоже увлекло общее течение; чопорная Анна Ильинишна, сначала было заартачившаяся ехать к генеральше с визитом, к этой «*socotte*»[55], вскоре должна была уступить требованиям Павла Ивановича, во что бы то ни стало желавшего видеть ее в своей гостиной, и усиленным просьбам Софи, которой Катерина Ивановна сразу пришлась как нельзя более по сердцу. «Ну что ж, — утешалась спасовавшая Ильяшенкова, — все-таки она генеральша, *de notre cercle*[56], с хорошим состоянием и все к ней ездят».

Огнев, после столь неожиданно выданной ему Соханскою отставки, сумел, однако, отстоять свои права на дружбу; хотя шаловливый божок и отлетел, но удаления между молодыми людьми не было заметно, и они по-прежнему виделись часто.

— *Vous n'etes pas encore fixe?!*[57] — спросила однажды вдова своего экс-возлюбленного.

— Нет еще, но намереваюсь, — был ответ.

— *Depechez-vous...* года пройдут *et Vous ne serez bon a rien!*[58] Однако, интересно было бы знать: *suis-je bien remplacée?*[59]

— Слабое подобие!

— *Voyons pourtant...*[60]

— Софи Ильяшенкова.

— *Pas mal...* И что ж... *ça roule?*[61]

— Что-то не очень!

— Voulez-vous que je vous aide?[62]

— Прошу!

— Tiens... vous êtes dedans, mon cher?[63]

— Почти.

— Allons, je ne suis pas jalouse... Faut bien dorer la pilule, que je vous ai fait avaler.[64] Ваш союзник!

И, с помощью Катерины Ивановны, стал ухаживать Леонид Николаевич за Софьей Павловной, и нельзя сказать, чтобы неудачно: она к нему благоволила; но истинного чувства в отношениях молодых людей и тени не было: все сводилось на одно взаимное кокетство, светскую интрижку, по мнению общества, весьма невинную и позволительную. Самолюбие Софи удовлетворялось вниманием первого р-ского кавалера, завистью оставленных за штатом дам и девиц, а праздная жизнь Огнева создавала себе хоть какую-нибудь цель, стремление к которой было и не трудно и во многих отношениях приятно: все ж таки, после генеральши, Ильяшенкова считалась самой красивой женщиной. К тому же и материальные виды играли тут не последнюю роль: М-ле Софи слышала о большом процессе Леонида Николаевича, а М-г Огнев относился весьма равнодушно к увеличенным молвою, сбережениям Павла Ивановича. Дело останавливалось только за тем, чтобы, с одной стороны, выиграть тяжбу, а с другой — привести в известность цифру приобретений будущего тестя; но процесс затягивался, уяснение капиталов почему-то не совершалось, — и невинная игра в любовь не доходила ни до каких практических результатов.

Появление Осокина на р-ском горизонте, а затем и в доме Ильяшенковых, значительно понизило фонды Леонида Николаевича; для таких ловцов, как почтеннейший Павел Иванович и его не менее почтенная супруга, Орест показался зверем более крупным, чем М-г Огнев: у первого в виду наследство бесспорное (на холодность отношении к дяде-богачу внимания не обращалось, как на обстоятельство преходящее), — у второго какая-то тяжба, с которой еще возись, да и Бог весть чем и когда она кончится, — о выборе, значит, и толковать нечего. Софья Павловна, хотя и была равнодушна к Леониду Николаевичу, но не настолько чтобы, в виду блестящей будущности, ради него она решилась ею пожертвовать. Софи тем легче согласилась с образом мыслей родителей, что личность Осокина ей нравилась: что-то даже похожее на проблеск чувства проскользнуло в сердце девушки, искусственно оболваненное нелепым воспитанием и пошлою средою.

Огнев, несмотря на скрытность Софи, не мог не заметить падения своих фондов; самолюбие его было уязвлено до крайности: первый раз приходилось ретироваться ему, препрославленному льву, не увенчанному венком победы. И перед кем же? Перед свалившейся с неба «ничтожностью», идиотом, который, несмотря на будущее богатство, тянет лямку простого чиновника!

Раздражило Леонида Николаевича заступничество Софи: «Пустил корни!» — со злостью думал он, уезжая от Ильяшенковых и направляясь к Соханской.

— Tiens, vous voilà tout ebouiffé![65] — встретила его генеральша. Она была одна и лениво потягивалась на кушетке в будуаре. — Что случилось?

— Je suis flambe![66] — воскликнул Огнев.

— Процесс?

— От-став-ка!

— Софи?

Лев утвердительно кивнул головой.

— Слышала, слышала! — рассмеялась вдова.

— Откуда?

— Rouah![67] — пожалала она плечами. — Мне да не знать! Вот только что, un quart d'heure tout au plus[68], один из этих «Sacs a papier»[69] рассказывал... Да, mon petit cher[70], дело дрянь... Vous ne roulez pas sur de or, comme ce blanc-bec d'Ossokine![71]

(Соханская ненавидела Ореста за то презрительное мнение, которое он неоднократно высказывал о ее особе).

— Vous riez, Ketty[72], а мне право не до того... Я был бы не прочь...

— Сочетаться законным браком?.. Tater les economies du papa Paul?[73]

— Почему же нет?

— Нет худа без добра: vous n'etes pas fait pour le mariage... Et, croyez moi, c'est une bien vilaine chose...[74]

— Ну, да это ваше обыкновенное мнение...

— Изведенное на опыте, заметьте.

— Бог с ним! Дайте лучше совет, что делать.

— Чтоб задетое самолюбьишко успокоить?.. Tudieu, quel guignon! Une jeunesse, comme Sophie, nous ferme la porte sur le nez![75] Чиновник заслоняет модного льва! Ха-ха-ха!

Огнев сделал нетерпеливое движение.

— Faut pas se facher, petit cher...[76] я ведь это так... Voyons, parlons serieusement[77]: очень она вам нравится?

— Очень!

— Vous voulez d'avoir absolument?[78]

Франт мотнул головой.

— Attendez et esperez[79]: выйдет она замуж, — и трудолюбивый юноша... v'lan![80] — она поиграла двумя пальцами над головой.

(«Ah! je suis cocotte[81], по-твоему, — мысленно обратилась она к Осокину, — ну посмотрим, не будет ли тем же и твоя жена!»)

— Il sera coiffe, — вслух продолжала генеральша, — c'est moi qui vous le dis... [82] Не по характеру Софи такой мямля: elle a le diable au corps cette petite[83], — дайте ей только развернуться!

— Долгая история! — заметил Огнев.

Соханская пожалала плечами.

— Нельзя ли расстроить эту свадьбу? — после небольшой паузы спросил франт. — Ну на самолюбие что ли подействовать, возбудить ревность...

— Oh, les homines! Quelle suffisance![84] Вас ведь не уверишь, что может найтись женщина, которая осмелится отвергнуть ваши искания, — avouez, cheri [85]?

Огнев надулся и встал.

— Это не совет, — проговорил он прощаясь.

— Ну, попробуйте ревность! Attaquez aussi l'amour-propre![86] — расхохоталась ему вслед Катерина Ивановна.

VI

— Ну что? — несколько дней спустя спрашивала Татьяна Львовна Перепелкину. — Навела справки?

— Все, матушка вы моя: ни синь-пороху не забыла! Только, доложу я вам, что и за народ нынче стал, даром словечка сказать не хотят... Тому дай, другому дай... Три рублика рассовала!

— Уж и три! — усмехнулась Осокина.

— Провалиться мне на этом месте! Да нешто повернется у меня язык перед вами сфальшивить!.. Помня все ваши милости...

— Ну ладно, — перебила ее Татьяна Львовна, — выкладывай свои новости.

— Перво-наперво про капиталы я справилась... У генерала двадцать пять тысяч в билетах положено да чуть не пятьдесят по рукам роздано.

— Кому?

— Известно, в неверные руки Павел Иванович денежек своих не пристроит... Князь Полуниин им должны-с, полковник Ивашев и еще другие-прочие, из чиновных.

— А по каким документам?

— Чего это-с?

— Я спрашиваю, подо что деньги даны: под вексель или под закладную?

— Ну, этого, матушка вы моя, не прогневайтесь: умом не дошла...

— Напрасно.

— Да не все ли это одно-с, Татьяна Львовна: ведь отпереться нельзя, потому Павел Иванович дело это по-законному обделали?

— Закладная не в пример лучше: не заплатил должник — имение бери, а с векселями еще ходи, кланяйся.

— Уж известно, матушка вы моя, коли так — генерал под закладную дали.

— Это твое предположение, а надо было наверно узнать.

— Ну, виновата, Татьяна Львовна!

— Стариков видела?

— Еще бы нет — с!

— Что же?

— Известно, спервоначалу поломались: резонты зачали выставлять, что Софья Павловна молоденька, спешить замуж им не для чего — ну и прочее такое. Приметила я, что это они вид один только показывают, чтобы гордость свою потешить, а сами очинно значит, тому рады, — я и примолкла... о старых платьях речь повела, а о деле ни-ни!.. Ну тут уж генеральша не выдержали: сами о племянничке вашем спрашивать зачали... да потом эдак на спинку кресла откинулись, глаза прищурили и говорят мне с фоном таким: «Что ж, мы не прочь, коли мусье Осокин Соничке понравится, а приневоливать не станем, потому не в наших это дворянских правилах».

— Ну и сумничала! — накинулась на гостью Татьяна Львовна. — Ведь наказывала я тебе: выведывай, а своему языку воли не давай! Наказывала я тебе или нет?

— Да, матушка вы моя, что же тут дурного, коли сами генеральша в разговор со мной о таком предмете вступили?

— А то, — разгорячилась Осокина, — что она дочери про это скажет, а та племяннику — ну кавардак и выйдет!

— Ничего, Татьяна Львовна, не выйдет-с, и сомневаться не извольте: с Софьей Павловной мы тоже разговор имели...

— С Софьей?! Да ты видно уж совсем с ума сошла, Марья? Одолжила! Спасибо! И я-то, старая дура, нашла кому эдакое дело поверять!.. Да ты пойми: ведь это не с вашей братъею, подьячими, кашу заваривать... Софья выпоет если Осте — как я оправдаюсь?.. Изволь говорить все, как было, может, ты и невесть каких глупостей натворила!

— Ничего я, Татьяна Львовна, не натворила, — обиженным тоном заговорила Перепелкина, — а видно, чем больше желаешь угодить — тем хуже! Все же для вас старалась!

— Старалась! Софье-то что говорила?

— Да то же самое... Об Оресте Александровиче намекала, — робко ответила Перепелкина.

— То есть, попросту, с предложением сунулась?

— Матушка вы моя! Хотелось угодить вам!.. Очень уж обрадовало меня то, что старики согласились... Думала сею же минутою и с невестой покончить!

— Да разве я не запрещала тебе говорить с нею? Не приказывала ухо остро держать? Ну что ты наделала? На Остю все теперь свалится... За пошлого болвана его примут! — горячилась Осокина.

— На Ореста Александрыча ничего не подумают-с... Я Софье Павловне так и сказала, что это тетенька ихняя, из любви к им...

— Тетенька?! — как ужаленная вскочила Татьяна Львовна. — Так ты и меня приплела? Ах ты, дурища эдакая! Неужели же ты воображала, что тебя, отрепанную чиновницу (Перепелкина при этом вдруг как-то особенно странно выгнулась), я буду посылать с предложением от племянника?.. Да что у него своего языка что ли нет? Уж если бы он такой рохлей уродился — так я-то тогда на что?

Послышался звонок.

— Ступай... может еще Остя... в девичьей побудь... Ну, как я теперь дурь твою поправлю?.. А пятый десяток бабе идет! — укоряла Осокина Перепелкину, которая, опустив голову и сложив руки с платочком на груди, смиренно уплывала из комнаты.

— Где, батюшка, столько времени пропадал? — встретила старуха входившего племянника. — Тетку нынче и навестить не хочешь!

— Что это вы постоянно с претензиями? Ну, времени не выдалось — вот и все! — усмехнулся Орест, крепко целуя Татьяну Львовну в щеку. Он очень любил тетку, хотя и спорил с ней частенько.

— Кофею хочешь?

— Дайте, коли самовар есть.

— А и нет, так важность не велика: не похудеет Марфушка от того, что лишний самовар согреет... Эй! — стукнула она в стену. — Самовар да кофейник, — приказала она явившейся прислуге.

Тетка и племянник уселись.

— Сестра вам очень кланяется, — начал последний, закуривая папиросу.

— А что мне в ее поклонах... сама могла бы приехать, а то и носу не кажет!

— Ну вот, опять претензии! Эк ведь в вас эта формалистика крепко засела!

— Видеть ее хочу... Не мне же, старухе, к ней на поклон ехать?

— Надя больна.

— Чем? Тяжела, что ли? То-то Владимир Константинович весел был...

Орест усмехнулся.

— Не много ему для этого нужно: псарню выстроил, собак выписал — ну и весел!

— Вздор городишь, — с неудовольствием заметила Татьяна Львовна. — Велика важность, что богатый человек псарню выстроил!

— Сегодня псарню, завтра крупный проигрыш — не от того ли племянница ваша дни и ночи плачет?

— Ты все на свой аршин меряешь, — перебила его старуха. — Не все же такие блажные, как ты! Ты вон, Бог знает с чего, с родным дядей на косые встал!

Осокин промолчал.

— Вместо того, чтобы в родственном доме, как у Христа за пазухой жить, чиновничью лямку тянешь, над какой-то там, Господь ее ведает, книгой си-дишь...

— Сижу... и лямку тяну... и доволен — представьте!

— Блажной ты человек!

— Будь по-вашему... Зато, тетушка (он встал и подошел к ней), то, что я зарабатываю — мое, трудом добыто, и краснеть мне за него не придется!

— Так эдак по-твоему всякому, у кого наследство есть, краснеть надо?

— Наследство наследству рознь... Впрочем, оставьте пожалуйста, этот разговор... Сколько раз просил я вас об этом...

— Да ведь мне жаль, что ты, как какой-нибудь подьячий, работаешь... Жаль и брата, которого ты знать не хочешь, — ведь он — дядя тебе и крестный отец, ты один у него племянник, — ему больно это!

— Родственных отношений я не прерывал, да и права на это не имею, тем более судить старика... а жить по его указке, насиловать свои убеждения не могу... Эх, тетушка! — обнял Орест старуху. — Бросьте вы это, милая!

— Гордости в тебе много, Остя... а гордым Бог противится!

Внесли самовар, и Татьяна Львовна занялась кофеем.

— Скажи толком: о чем Надя-то плачет? — после небольшой паузы спросила она.

— Да я же сказал вам! — принимая стакан и садясь, ответил молодой человек.

— Ну, полно вздор говорить... поверю я, чтобы о том, что муж собак держит! Разве от тебя блажи набралась, а то, кажись, не о чем реветь. Владимир Константинович во всем ей угождает, дети здоровые такие. А что он иной раз в карты проиграет, лишнее выпьет — так на то он мужчина, да и состояние позволяет... Другие и не то еще делают!

— Вон вы все на состояние упираете, — с оттенком досады возразил тетке Осокин, — а известно ли оно вам?.. Известно ли вам, что имения его все заложены не только в банке, но и в частных руках, векселей надавал он кучу, а от Надиного приданого уцелело только несколько золотых вещей, да два билета выигрышных займов, которые она для детей припрятала?

Старуха, с кофейником в руке, так и замерла.

— Не может быть! — вскричала она. — Это только твои догадки!

Орест пожал плечами.

— Не догадки, а истина! Я сам готов был сегодня плакать — так бедной сестре весело было!

— Господи помилуй! — всплеснула руками Татьяна Львовна, стукнув кофейником о стол.

— Так пойдет ли на ум, — встав с места и нервно прохаживаясь, заговорил молодой человек, — любящему человеку псарни строить да шампанским глотку наливать, когда Бог весть еще на что детей воспитывать придется! Ваш Владимир Константинович — эгоист, мелкая душонка и больше ничего! Вы его любите за то, что он у вас ручки целует, мелким бесом перед вами рассыпается... И Надя говорит также: «Он добрый... любит меня!» Да какая же это любовь, коли для удовлетворена своих капризов он готов детей по миру пустить, жену в чухотку вогнать?.. Неужели в том обнаруживается его любовь, что после выигрыша он Наде браслет подарит или ложу в театр привезет? Нет, попроси-ка его сестра неделю в клуб не ездить или собак не выписывать, «Стеснение! — закричит — петля!»

— Ой уж, чего ты мне и не насаждал... Голова кругом идет! — сокрушалась старуха.

— А это еще не все: самое-то серьезное впереди.

— Чему уж больше быть — и этого довольно!

— По-вашему — конечно! — нервно усмехнулся племянник. — Какое несчастье может быть выше потери денег! Нет-с, есть горе сильнее разорения: это нравственное горе... Его труднее пережить, труднее поправить! С любимым человеком не страшна беда... и недостатки легче переносятся.

— Да разве Надя разлюбила мужа? — испуганно перебила Татьяна Львовна.

— Да помилуйте: какая же любовь устоит против такой пошлости? Владимир Константинович ежеминутно роняет себя в глазах жены... Она его жалеет, но не уважает; а разве можно, презирая, любить человека?

— Царица небесная! — простонала старуха.

— Вы пожалуйста, тетушка, — помолчав, серьезно сказал ей Орест, — не вздумайте намекать Наде... да и вашим салопницам не сообщайте; я ведь не сплетни ради говорил вам, а для того, чтобы вы пожалели сестру и больше не ошибались на счет ее жизни.

— Хорошо-хорошо, — растерянно проговорила Татьяна Львовна, вставая и выходя из комнаты.

Через четверть часа она воротилась.

— Ты дяде-то писал на рожденье? — спросила она, видимо желая перевести разговор на другую тему. Осокина не могла долго предаваться одной и той же мысли.

— Писал, — угрюмо отвечал Орест.

— Не получил еще ответа?

— Вероятно, и не получу.

— Не может этого быть: брат вспыльчив, но отходчив.

Молодой человек промолчал.

— Ну, где за это время побывал? — к своему облюбленному предмету ладилась подойти Татьяна Львовна; она вспомнила о Перепелкиной и порешила, что надо же от племянника кой-что повызнать.

— У двух-трех знакомых был, — неохотно проговорил тот.

— А Ильяшенковых видел?

— Видел.

— Славная у них эта Софья... все ее хвалят.

Орест молчал.

— Характер у нее, говорят, отличный, ну и красива... Вот бы невеста-то тебе, Остя, — не вытерпела Осокина.

Молодой человек вдруг встал, взял со стула шляпу и подошел к тетке прощаться.

— Это куда? — удивилась та.

— Домой... работа есть... Ну-с, прощайте!

И, облобызавшись со старухой, Орест проворно вышел в переднюю.

— Блажной, как есть блажной! — проворчала ему вслед Татьяна Львовна и, весьма недовольная, пошла к Перепелкиной.

VII

Р-ское дворянское собрание горело огнями. К крыльцу его то и дело подъезжали всевозможные экипажи, выбрасывая из недр своих то воздушных перри и их маменек, то сановитых стариков и разнокалиберную молодежь. Парадные двери поминутно хлопали; рослый швейцар, в треуголке и с булавой, стоявший на верхней площадке широкой, устланной коврами лестницы, то почтительно отдавал честь гостям, то рассеянно глядел в сторону, смотря по тому, какую единицу изображал из себя посетитель. В сенях некоторые из лакеев уже дремали на импровизованных ими ложах из барских шуб. В аванзале письмоводитель губернского предводителя беспрестанно выскакивал из-за ломберного стола, осматривал билеты приезжавших членов, получал деньги с гостей и мелом отмечал на черной стенной доске число дам и кавалеров. Сверху доносились довольно сносные звуки сборного оркестра и слышался отдаленный говор и шарканье танцующих, — вечер начался.

Первая кадриль приходила уже к концу, когда Осокин приехал; он оглядел двигавшиеся пары и, не видя Ильяшенковых, прошел в гостиную. Там картеж был уже в полном разгаре; молодой человек раскланялся с знакомыми, походил около столов, снова заглянул в зал и уселся около окна. К нему, своей скупающей походкой, подошел Огнев.

— *Vous ne dansez pas?*[87] — прислонясь к колонне и принимая живописную позу, спросил он Ореста.

— Я только что приехал, — через плечо ответил ему тот.

— Сегодня надо ожидать блестящего вечера, — лорнируя по сторонам, продолжал фронт. — По моим справкам, *toute la creme*[88] будет в сборе.

Осокин промолчал.

— *Votre soeur vient d'arriver?*[89]

— Да.

— Она будет здесь?

— Не думаю.

— Что ж так? *Les fatigues de la route? Une legere indisposition?*[90]

— Ни то ни другое... просто не захотела.

Фронт почему-то нашел выставленную причину странной и хотел было возразить, но мимо их прошла Соханская и тронула Огнева веером по плечу.

— Сядемте, — показала она ему на уединенный диванчик.

Они сели.

— *J'ai toute une histoire a vous raconter*[91]: является ко мне *une certaine*[92] Перепелкин... *une vieille commere*[93], которой иногда я даю продавать свое

тряпье, и вступает со мной в разговор; je n'etais pas d'hurneur a ecouter les cancans et voulais deja la faire mettre a la porte[94], как вдруг фамилия Ильяшенковых меня заинтересовала. Оказалось, que cette brute voulait me tires les vers du nez, concernant vous et Sophie! J'ai fait semblant de donner dans le panneau[95] и так удачно эксплуатировала cette vieille carcasse[96], что под конец узнала все: тетка Осокина отправила ее собирать справки о приданом, расположении стариков и пр. Я насаждала Перепелкиной une mosse de choses[97] в пользу Осокина и посоветовала обратиться прямо к родителям и Софи.

— К чему это?

— Ah que vous etes bete, mon cher![98] Неужели вы не понимаете, что Sophie jettera feu et flammes[99] при виде подобной свахи?

— Ну и что же?

— Сделает сцену Осокину... тот se mettra en quatre pour prouver son innocence...[100] Слово за слово и доберутся, наконец, до предложения...

— Этого-то и не нужно.

— Как не нужно? Mais votre triomphe depend de leur mariage![101] Или вы, может быть, по-прежнему лелеете votre bete d'idee[102] заслонить дорогу Осокину?

— Лелею.

— Да, ну в таком случае возбуждайте ревность Софи, mettez en execution votre plan de campagne, — усмехнулась Соханская, — mais je vous previens: vous echouerez, mon cher![103]

— Увидим!

Вдовушка пожалала плечами и встала.

— Brisons la-dessus[104]; я вижу, что не стоило и хлопотать: я думала, что вы практичны, а оказывается, что вы только самонадеянны!

Огнев хотел было что-то возразить удалявшейся Соханской, как вдруг к нему подлетала весьма разбитная дама, довольно смазливенькая, хотя совершенно уже поспевшая.

— Леонид Николаевич, — бойко атаковала она р-ского сердцееда, — что же вы не танцуете?

Тот с досадой взглянул на нее и небрежно проговорил:

— Лень!

— Для чего же вы тогда приехали? Tête-a-tête'ами заниматься?

— Только не с вами!

— А вот я кой-кому скажу!

— Говорите.

Дама повертелась немного.

— Ну, если вы не догадываетесь ангажировать меня, я сама приглашаю вас на вторую кадрили.

— А я отказываюсь.

— Что же это: дерзость?

— Нисколько; просто нежелание.

Дама обиделась.

— Так вам положительно неудобно танцевать со мной?

— Положительно.

— И с другими также?

— Не знаю.

— А я — так знаю! С одной особой вам всегда приятно танцевать, несмотря на то, что с другою, прежней, вы любите заниматься tête-a-tête'ами, — громко, так чтобы слышал Орест, сказала дама. — Да вот кстати и la personne en question![105] — посмотрев в лорнет на входную дверь, воскликнула она. — Светило ваше показалось на горизонте... Bonne chance![106] — И, надув губки, дама унеслась в противоположный угол залы.

При последних словах разговора, Осокин также взглянул по направлению к входу и крайне озлобился: семейство Ильяшенковых, окруженное кавалерами, военными и статскими, дамами и девицами, беленькими, розовенькими, голубенькими и т. п., медленно подвигалось вперед, отдавая направо и налево поклоны и перекидываясь с знакомыми короткими фразами. Во главе выступала Анна Ильинишна, в черном бархатном платье и с великою важностью во всей фигуре, а за ней сияла красивая Софья и егозила маленькая Cle-Cle; рыбоподобная Юлия замыкала шествие. Орест раскланялся с Ильяшенковыми и подошел ангажировать Софи. Та, доселе смеявшаяся, при приближении молодого человека поспешила скорчить серьезную мину, и на приглашение его, заметно сухо проговорила:

— Третью кадрили — извольте... кстати, мне надо сказать вам несколько слов... — И гордая красавица отвернулась к подошедшему к ней Огневу.

У Осокина и руки опустились; рассерженный и встревоженный, отошел он в сторону и уселся на диванчике, в самом уединенном углу залы; но и туда долетали до него звонкий смех Софи и неясная болтовня Огнева. Злобная ревность вдруг охватила его: «Когда этот фатишка успел овладеть ее сердцем? — мучительно спрашивал он себя. — Что он интересуется ее — это ясно: иначе она не бросила бы мой букет дома, не обошлась бы со мной так сухо... Все это сделано нарочно, чтобы унижить меня в его глазах... И о чем она намерена говорить со мной?»

— Бофрерчик! — раздалось вдруг над самым ухом Ореста, и тяжеловесная рука Бирюкова опустилась на его плечо, — в михлюндии?.. Или Печорина корчишь?

Молодой человек зло посмотрел на зятя.

— Что у вас за манеры! — раздражительно заметил он ему. — Неужели нельзя обойтись без этих казарменных замашек?

— Тю-тю-тю! Да это уж не михлюндия выходит, а бешенство в самом что ни на есть лучшем виде! Вот эдак же точно злился я, как в карты продуешься или какая-нибудь аппетитная штучка нос натянет!

— Идите вы в буфет, Христа ради! — умолял Владимира Константиновича Орест. — Или в бильярдную, что ли!

— А ты пойдешь?

— Может быть, и приду, — чтобы только отвязаться, пообещал Осокин.

— Так идем сейчас... полек ведь ты не танцуешь.

— Сейчас кадрили будет... мне надо еще в зале побыть... Как разместятся приду.

— Обозреть хочешь?.. Ну, смотри же: я тебя жду.

И Бирюков, пользуясь тем, что был без жены, закатил на весь вечер в буфет и бильярдную.

Оресту очень хотелось узнать, с кем танцует эту кадрили Софья Павловна. Он почти был уверен, что с Огневым, но все-таки какая-то тайная надежда уте-

шала его, что, быть может, он и ошибается. Проиграли ригурнель; ходившие по зале пары разбились, диванчики опустели, кавалеры засуетились, бросившись отыскивать своих дам. Загрохотали стулья, на них явились положенные шляпы, веера; из гостиной стали выползать танцующие пары. Осокин не ошибся: Софья Павловна появилась с Огневым, и заняла место недалеко от Ореста. Она была весела, болтала без умолку и тем еще более бесила моего бедного героя; воображение его до такой степени разыгралось, что он даже подметил как будто насмешливый взгляд, брошенный на него Софи, и затем оживленный разговор с Леонидом Николаевичем и Соханской; Орест не выдержал и ушел в гостиную.

Там встретил его один из крупных железнодорожных деятелей, приятель его дяди, приехавший по делам в Р. и имевший уже случай видеться с молодым человеком.

— Орест Александрыч, вы свободны? — спросил его туз.

— Свободен.

— Так сядем, да потолкуем.

Они уселись.

— Хочется это вам тянуть лямку на государственной службе? Ведь жалованье-то чай маленькое получаете?

— Для меня совершенно достаточное, — нехотя отвечал Осокин.

— Достаточное! — усмехнулся железнодорожник. — Тысчонку какую-нибудь.

— Тысячу пятьсот.

— Ну какие это деньги! А работы-то чай страсть?

— Даром жалованье, конечно, платить не станут.

— Вот что, Орест Александрыч: с дяденькой вашим я давно и близко знаком, о вас только одно хорошее слышу — так хотелось бы мне кой-что получше чиновничьего дела вам предоставить... Поступайте к нам.

— На железную дорогу?

— Да; местечко мы вам тысчонки на две с половиною найдем, работы выше сил не спросим... Соглашайтесь-ка!

— Я от дела не бегаю и трудиться везде готов, но буду ли я годен к той службе, на которую вы меня предназначаете?

— Об этом не беспокойтесь: служба не Бог весть какая, живо к ней привыкнете.

— Потом... вакансии, вероятно, все заняты?

— Для вас найдем!

— Но я не желал бы, чтобы для меня лишили кого-нибудь места.

— И не лишим; мы вам сочиним местечко.

— Как сочините? — изумился Осокин.

Туз рассмеялся.

— Вот и видно, что вы еще совсем молодой человек: все-то вас удивляет! Да что ж тут трудного сочинить местешко в две-три тысчонки, когда мы миллионами акционерских денежек ворочаем? Вздор, сущий вздор!.. А дяденька ваш нам за это спасибо скажет и сам, в свою очередь, нам в чем-нибудь услужит.

— Но, значит, подобное место ни на что не нужно, коли его можно сочинить и уничтожить по произволу?

— А если бы и так — вам-то что?

— А то, — вставая, возразил Орест, — что на таком месте и обязанностей определенных нет; следовательно, зависишь не от дела, а от людей, а это, воля ваша, должность не совсем удобная.

— Господи помилуй! Да что ж из этого? Ваше дело деньги получать, а наше работу давать, — вот и все. Ну, пришла нам фантазия две-три тысячи платить за то, чтобы вы контролером фонарей числились, что ли, — ну и берите! Какие тут могут быть еще тут разговоры?

— Нет-с, благодарю за предложение, а только им я не воспользуюсь; сочиненных мест мне не надо и даром денег брать я не стану.

Осокин повернулся, чтобы идти.

— Куда же вы? — остановил его железнодорожник. — Эдакой горячий! Посидите, потолкуем еще малость.

— Дама меня ждет... Вон и вальс кончили, пора.

— С Богом, коли так! А вы подумайте, — усмехнулся туз и пошел к одному из карточных столов, решительно недоумевая, как могут в наше время существовать глупцы, подобные Оресту: «Из-за десяти рублей в месяц другой пороги обобьет, пол в моей передней от просителей, из крашеного в стойло обратился, а тут двести навязываешь и еще артачится! Ну, добро не надо бы было, а то ведь знаем доходы-то его!»

«Ну нет, голубчик, — в то же время рассуждал Осокин, направляясь в танцевальную залу, — на эту штуку ты меня не подденешь! Тебе дядя мой на что-то нужен, так ты, чтобы подслужиться ему, место мне сочинить хочешь — спасибо!»

Орест отыскал Софью Павловну и, в ожидании ритурнели[107], уселся с нею на одном из простеночных диванчиков.

— Вы хотели что-то сказать мне? — не совсем спокойно спросил он ее.

— Да; для этого почти я и приехала сюда. Если вы припомните, я не хотела быть на бале, но ваш поступок заставил меня изменить решение. Признаюсь, не ожидала я от вас такой... (она остановилась немного) неделикатности.

Молодой человек вспыхнул и в недоумении посмотрел на свою даму.

— Неделикатности? — переспросил он.

— *Ou si vous aimez mieux*[108], неумения жить в свете.

— Не понимаю.

— Есть вещи, М-г Осокин, в которые ни в каком случае вмешивать не следует... Своим необдуманном поступком вы компрометировали не только себя, но и меня.

— Вас? Компрометировал я?.. Да, сделайте же милость, говорите яснее! — вскричал Орест.

Тон, которым были произнесены эти слова, до того звучал искренностью, что Софи невольно и пристально взглянула на своего кавалера.

Подали сигнал.

— Мы где садимся?

— Где хотите.

— Мне все равно; останемтесь, пожалуйста, здесь.

Осокин предупредил своего визави и кадрили началась.

— Вам известна некая Перепелкина? — после первой фигуры спросила девушка.

— Раза два видел... у тетки.

— Вы давали ей какие-нибудь поручения?

— Ни одного.

— Странно! — усмехнулась Софи, и стала делать фигуру.

— Софья Павловна! — умолял ее Орест, садясь на место. — Скажите прямо, в чем дело... к чему эти светские извороты?

Ильяшенкова в упор посмотрела на него.

— Эта Перепелкина делала мне от вашего имени предложение, ни более ни менее, — медленно отчеканила она.

Осокин вытаращил глаза.

— Предложение? От моего имени?.. — пробормотал он.

— Да, *une proposition en forme*. [109]

Молодой человек только руками развел.

— Теперь скажите пожалуйста, — продолжала Софи, — имела ли я право обидеться? Какая-то Перепелкина — сваха М-р Осокина!.. *Vous me traitez pour une bourgeoise... pour Dieu sait qui?.. Merci, monsieur!* [110]

— Но этого быть не может!

— *J'espere que vous n'irez pas jusqu'a me traiter de menteuse?* [111] — гордо заметила девушка.

— Ах, да не в том дело! Все это ужасно странно... Помилуйте: я во всю жизнь двадцати слов с нею не сказал!

Ильяшенкова, в свою очередь, удивленно посмотрела на Ореста. Сделали третью фигуру.

— С чего ж тогда вздумала она принимать такое горячее участие в ваших интересах? — усмехнулась Софи.

— Не понимаю!

— Согласитесь однако: странно, что женщина, с которой вы еле знакомы, берется для вас за такое щекотливое дело... Ведь если даже допустить, что она рискнула на это без вашего полномочия, — все-таки она должна была иметь кой-какие данные...

— Данные?

— Да; ну что это может вам доставить удовольствие, например, — лукаво и как-то сбоку взглянула девушка на своего кавалера.

Тот несколько смешался и поспешил заняться танцами.

— Тут какое-нибудь недоразумение, — после небольшой паузы, сказал Осокин, — я постараюсь его выяснить и затем немедленно сообщу вам о результате.

— Пожалуйста, потому что история эта, признаюсь, мне не совсем приятна... *Von gre — mal gre* [112] *входить в интимный разговор с торговкой, Dieu sait pourquoi...* [113]

(Софья Павловна теперь уже очень хорошо знала, что Орест решительно не причем во всем этом деле, что тут орудовала одна тетка, но о ней она и словом не упомянула. «Пусть наведет справки и сообщит мне, — тогда, может быть, выяснится и то, насколько он заинтересован мною»).

— А мне еще неприятнее, — возразил ей молодой человек, — что вы, Софья Павловна, могли заподозрить меня в авторстве такой нелепости... я полагал, что вы лучшего обо мне мнения!

Он поблагодарил даму, отвел ее на место и, крайне озлобленный и заинтригованный, отправился в бильярдную. Там дым ходил волнами; на диване

сидело несколько зрителей, большею частью пробавлявшихся пивом и коньяком с зельтерской водой; около бильярда сновал Бирюков и еще какая-то личность, немного сердитая на вид. Неподалеку от них, на окне, стояла бутылка шампанского и два, в половину налитые, стакана. Осокин поместился в уголку, за маленьким столиком, спросил себе чаю и задумался над случившимся с ним казусом. «Все дело испорчено! — отчаивался он. — Софи не уверишь, что я не причастен ко всей этой пошлости! И с чего только эта дура Перепелкина вязалась? Разве тетка поручила ей?.. Очень возможно. Перепелкина таскается к ней чуть не каждый день... деньги нужны... а у старухи страсть устраивать свадьбы... Прощлый раз она даже намекала мне на это... Тетка, решительно тетка, всему виной! — остановился Орест на этом выводе. — Ну, поблагодарю же я ее завтра!»

— Видел, какую оттяжку я изобразил? — спросил Бирюков шурина. — Через весь бильярд! — Петрунька! Помели кий Сергею Николаичу.

— Не надо, — возразил партнер и, перекинувшись через борт, стал прицеливаться.

— Эй, помелите — кикс иначе будет! — смеялся Владимир Константинович. — Шар-то ведь пятнадцатый, тяжел!

— Не говорите, пожалуйста, под руку, — заметила сердитая личность.

— Право помелите, жалеть будете! Ну вот, — захохотал Бирюков, — говорил вам!

Партнер действительно скиксовал; зрители рассмеялись.

— С вами играть невозможно! — рассердился он.

— Уж и невозможно! Я, что ли, виноват, что кий помелить не захотели!

— Ну да играйте!

— Поиграем-с... Мы вот тринадцатого в угол закантапошим, а затем и под вашего пятнадцатого подползем... Каков выход-то? — самодовольно обратился Владимир Константинович к зрителям.

— Великолепный! — восхитился подошедший в это время Огнев.

— Ah! Bonsoir![114] — протянул ему руку Бирюков. — Не хотите ли шампаней?

— Нет, merci. Ну-ка хватите пятнадцатого, — сказал Леонид Николаевич, надевая pinse-pez и усаживаясь на диван.

— Сейчас.

Владимир Константинович помелил кий и левую руку, с наскоку перегнулся через борт и, ловко сделав шар, подошел под следующего.

— Маска, черт возьми! — вскричал он и, прищурившись, начал вертеться и нагибаться, чтобы лучше рассмотреть положение шаров. — Не пройдет... Вот канальство-то!

— А у вас в нем партия? — поинтересовался Огнев.

— Шесть дома будет... Сергей Николаич и оружие сложит.

— Вы бы абриколью[115], — посоветовал один из зрителей.

— И то правда! — и Бирюков стал целиться.

— А вам бы помолчать не мешало! — заметила сердитая личность услужливому господину. — Мы ведь не на щепки играем! Коли вам угодно советовать, так и платите за меня.

— Какой вы, однако, придира! — воскликнул Владимир Константинович. — Велика важность, что красненькую в кои века загубите! Я, как в полку слу-

жил, по пяти тысяч в вечер проигрывал, да и тут не придирался.

Он прицелился и сделал шара.

— Карета готова! — победоносно возгласил он. Сердитая личность положила кий и вынула бумажник.

— А еще разве не сыграем? — спросил Бирюков.

— Достаточно, — коротко ответил партнер.

— Эх, Сергей Николаевич! Кутнули на четвертную, да и на попятный!

Сердитая личность молча бросила на бильярд деньги и вышла.

Владимир Константинович сунул их в карман и спросил себе ужин и еще бутылку шампанского. Огнев предложил ему сыграть партию.

— Куда вам, птенцу, играть со мной! Я вам с удара партию пропишу!.. Сколько хотите вперед?

— Ничего.

— Как ничего? — расхохотался Бирюков. — Да я вам двадцать сам дам! Петрушка, считай двадцать.

— Не хочу я ни очка, — сказал Огнев.

— Да что у вас пицчат деньги, что ли?

— Пицчат.

— Нет шутки в сторону, возьмите хоть десять.

— Сказал вам: ни очка!

Владимир Константинович пожал плечами, опустил десятирублевый золотой в лузу, хватил залпом стакан шампанского, и игра началась.

Осокину с самого прихода Огнева поведение его показалось странным: гордый эдакой фатишка, любитель дамского общества — и вдруг сидит в бильярдной, ухаживая за Бирюковым, — что бы это значило? Он спросил еще чаю и стал наблюдать. Просидев две партии, Орест убедился, что Огнев действительно заискивает в его зяте и даже нарочно проигрывает ему деньги, Владимир же Константинович совершенно доволен подобным вниманием и от своего партнера в восхищении. Все это показалось Осокину донельзя противным, и он поднялся в танцевальную залу, чтобы отправиться домой, но в дверях столкнулся с Каменевым.

— Вы уже восвояси? — спросил его тот.

— Да; а вы что запоздали?

— Задержали на практике... Смерть как есть хочется! Зайдемте... — доктор указал на буфет.

Они зашли; Каменев закусил и по обыкновению потер руками.

— Вот что, — отводя Ореста в сторону, сказал он, — как бы вы того... Владимира Константиновича урезонили... совсем ведь он сестру вашу в гроб уложит!

— Эх Борис Яковлевич! Ну что с ним поделаешь! Ведь его и палкой не проймешь! Единственное средство — прогнать подальше!

— Знаете, все эти слезы, бессонные ночи и здоровому вредны, а у Надежды Александровны нервы расстроены до невозможности... Оттого и грудь болит и сердцебиение...

— Опасности, однако, нет? — тревожно спросил Осокин. — Вы откровенно мне скажите, Борис Яковлевич.

— Покамест нет, но знаете, тово... может явиться осложнение... Чертовски близко принимает она все к сердцу... все эти мужнины глупости... Пора бы и

плюнуть.

— Это-то верно, да подите уговорите ее!

— Знаете, тяжело ведь видеть, как эдак, тово... тает такая прекрасная женщина! Ведь она — редкая женщина, ваша сестра! — увлекся вдруг Каменев.

Орест вздохнул.

— Полумеры тут не годятся... надо придумать, что-нибудь радикальное, и я подумаю! — крепко сжал он руку доктора и вышел из буфета.

VIII

На другой день, прямо со службы, Осокин поехал к Татьяне Львовне.

— Ну, тетушка, — чуть не с порога крикнул он ей, — благодарю покорно: устроили племянника!

— Что с тобой? Рехнулся ты что ли? — немного смешалась старуха.

— Я-то не рехнулся, а вот те, кто Перепелкину посылал — здоровы ли?

— Не кипятись... поздоровайся сперва!

Орест поздоровался.

— Вы мне теперь все испортили, дорогу к Ильяшенковым закрыли... Кто просил вас вмешивать эту дуру?

— Не кричи, а лучше сядь и выслушай.

Племянник сел.

— Слушаю.

— Перепелкиной я не поручала делать предложения; это она сама в дурацкой своей голове придумала.

— Как же она смела?.. Значит, за чем-нибудь да вы ее послали?

— Посылала... и для тебя же.

— Удивительно! — пожал плечами молодой человек.

— Хотела помочь тебе, видя твою любовь к Софье.

— Да из чего, скажите на милость, вывели вы подобное заключение?

— Ну, Орест Александрович, ты, пожалуйста, не финти и меня не морочь! — указательным пальцем помахала перед ним Татьяна Львовна. — Как ты не скрытничай, а любовь что шило — в мешке не утаишь!

— Да к делу же, тетушка! — нетерпеливо перебил ее Осокин!

— Вот и велела я этой дуре под рукой[116] справиться, сколько за Софьей дадут...

— Так и есть! — вскочил племянник. — Для вас деньги прежде всего!.. Да почем вы знаете: может быть их-то мне и не нужно? Ну-с, интересно очень знать, — иронически продолжал он, — как ваша уполномоченная приступила к подобному разговору... чай, в шею ее оттуда прогнали?

— Ничуть не бывало: старики очень серьезно толковали с нею и сказали, что не прочь иметь тебя зятем.

— Врет ваша Перепелкина, а вы ей верите!

— Что другое, а лжи я в ней не замечала; об заклад побьюсь, что она сказала правду.

— Да что в стариках толку, коли Софья Павловна будет не согласна? А это наверно так и случится, потому что глупость Перепелкиной рассердила ее, а меня она считает ее сообщником!

— Софья тебе это рассказала?

— А то кто же? — и Орест передал тетке разговор свой с Ильяшенковой.

- Плюнь на все... ведь ты же не влюблен? — подсмеялась Татьяна Львовна.
— Да стыдно ведь быть замешанным в такую пошлость!
— На меня свали; скажи, что, жалея тебя, я все это сделала.
— Да ведь она спросит, откуда вдруг эта жалость явилась?
— А ты ответь, что любишь — вот и сказ весь! — брякнула старуха, уже начинавшая тяготиться всей этой канителью.

Племянник махнул рукой и зашагал по комнате. Приехала Бирюкова.

- Наденька! Душа моя! — горячо обняла Татьяна Львовна гостью. — Ну, каково съездила?.. Как здоровье?.. Что детки? — засыпала она ее вопросами.

Надежда Александровна по возможности удовлетворила тетку; начались поцелуи, новые расспросы.

- Братец-то твой, — после первых минут свидания возвестила старуха, — пока ты в деревне была, влюбиться успел!

Бирюкова вопросительно взглянула на Ореста.

- В Софи Ильяшенкову?

— Похоже на то! — слегка конфузясь, отвечал молодой человек.

- Ты что же мне-то не сказал, не стыдно это тебе? — упрекнула брата Надежда Александровна.

— Нельзя было, милая: мешали все... То Владимир Константинович, то доктор.

- Уж ты откровенности от братца не жди, — заметила племяннице Татьяна Львовна, — и я-то догадалась, потому что стара, опытности понабралась.

— Ошибаетесь тетушка: сестре я бы непременно все рассказал, и при первом удобном случае.

- А от меня почему скрывал? Чужая я тебе, что ли?

— Расскажи-ка вам — вы бы Бог вещь чего наделали! Уж коли, ничего не видя, посольство придумали! — усмехнулся Осокин.

- Нечего зубы-то скалить, — обиделась старуха, — пора бы и кончить! Надя, чаю хочешь?

— Нет, ma tante[117], мне скоро надо будет ехать, визиты кой-какие сделать.

- Ну, пирожка съешь.

— Пирожка, пожалуй.

Татьяна Львовна пошла распорядиться.

- О каком посольстве ты говорил? — спросила Бирюкова, когда они остались с братом вдвоем.

Орест в коротких словах передал сестре все случившееся с ним в собрании.

— Все это неважно... как-нибудь устроим. Ты мне вот что скажи: действительно ты любишь Софи? Не каприз это?

- Нет.

Надежда Александровна вздохнула; молодой человек вопросительно взглянул на нее.

- Мне кажется, ты не будешь счастлив с нею.

— Отчего?.. Девушка она умная, добрая... испорчена, правда, немного воспитанием.

- Слишком много, Остя!

— Если на выезды ты намекаешь — так ведь обстановка этого требует... А натура у нее право не светская: гораздо глубже. Она способна не только увлечься высокою идеей, но и проникнуться ею. Она с сердцем девушка, Надя!

Бирюкова промолчала.

— Допустим даже, — продолжал Осокин, — что воспитание было уродливое, но разве любовь не делает чудеса? Не может она разве сгладить все искусственно привитое и вызвать к жизни те силы, которые таятся покамест под спудом?

— Конечно, — рассеянно согласилась Надежда Александровна.

Вошла Татьяна Львовна, а за нею Марфушка с пирогом и тарелками.

— Сюда! — скомандовала она ей. — А ножи где? Пальцами, что ли, есть будем?

— Дайте срок — будут и ножи, — огрызнулась Марфушка, — руки-то у меня одни!

— Ну-ну, заткни глотку!

Марфушка швырнула последнюю тарелку и удалилась.

— Нет ли у тебя девки какой на примете, — обратилась старуха к племяннице, — сладу с этой коровой, прости Господи, не могу дать!

— Теперь нет, а хотите — поищу.

— Пожалуйста, поищи.

— Вот бы вы Перепелкиной поручили — чего лучше! — подшутил Орест.

— Будет уж тебе тетку на смех поднимать! Ешь лучше пирога-то!

Марфушка принесла ножи и вилки, с грохотом свалила их на стол и, стуча своими мясистыми пятками, вышла.

— Экой мужлан сиволапый! — проводила ее Татьяна Львовна.

Брат и сестра, пробыв еще несколько минут, уехали вместе; Бирюкова предложила Осокину довезти его — тот согласился. Дорогою они возобновили прерванный разговор.

— Так ты еще не знаешь, насколько расположена к тебе Софи?

— Нет.

— Допустим, что она примет твое предложение... Не приходило тебе в голову, что в согласии ее может играть роль будущее твое наследство?

— Она знает об отношениях моих к дяде.

— Отношения эти ничего не доказывают, временная холодность и больше ничего; Ильяшенковы прекрасно знают, что дядя, как человек суеверный, завещания никогда не напишет, а по закону ты — единственный наследник, — следовательно, в глазах их, ты богатый жених, а так как они редки...

— То Софи имеет в виду мое будущее богатство?

— Боюсь!

Орест нахмурился.

— Конечно, это только мое предположение, — ласково заметила Надежда Александровна, — но я нарочно обращаю на это твое внимание... Не торопись, голубчик, помни, что тут дело идет о всей твоей жизни! Изучи Софи хорошенько, осмотришь, прежде чем решиться... чтобы не пришлось расплачиваться так же дорого, как мне за один необдуманый шаг?

Она вздохнула и провела рукою по глазам.

— Мне тридцати лет еще нет, — продолжала Бирюкова, — а уж жизнь моя кончена; даже если бы и проявилась во мне жажда к ней — так и тут я должна только томиться ею, а не мечтать о ее утолении... Положение мое, Остя, — замкнутая ограда, в стены которой я напрасно буду толкаться, отыскивая выход — его нет для меня!

Отнесись Осокин внимательнее к последним словам сестры — он подметил бы в них не одни жалобы на семейное ее горе, а и смутное желание чего-то лучшего, вместе с сетованиями на невозможность удовлетворить этим стремлениям; но молодой человек слушал рассеянно и, по свойственному всем влюбленным эгоизму, думал в эти минуты только о себе, о том, как бы то счастье, которое он полагал в браке с Софи, не выскользнуло у него из рук.

— Надя, милая, придумай, как бы вывернуться мне из того глупейшего положения, в которое поставила меня тетка, — сказал Орест, видя, что экипаж подъезжает к крыльцу его квартиры, — пожалуйста!

— Непременно; и постараюсь как можно скорее, — успокоила брата Бирюкова.

IX

Вечер в собрании доставил большое удовольствие Леониду Николаевичу: любезное обхождение с ним Софи, на глазах Осокина, размолвка ее с ним, по его мнению, обещали многое. С свойственной ему самонадеянностью, Огнев вообразил, что теперь ветер окончательно подул в его сторону и ему остается только пользоваться благоприятными обстоятельствами. Возвращаясь к своему прежнему намерению, над которым еще так трунила Соханская, возбудить ревность в сердце Софьи Павловны, Леонид Николаевич счел настоящий момент самым подходящим и решился воздвигнуть батареи против ни в чем не повинной Бирюковой. Знакомый с нею, но не близко, Огнев, чтобы сойтись, начал действовать на супруга: угощал его шампанским, проигрывал ему на бильярде и в карты, слушал терпеливо его хвастливые рассказы и так ловко эксплуатировал слабые стороны Владимира Константиновича, что весьма скоро привел его в восторг и стал в его доме совершенно своим человеком.

Надежде Александровне очень не нравились посещения Леонида Николаевича: она и прежде не очень-то долюбливалась этого господина, а теперь, когда семейное горе и материальные заботы поглотили все внимание молодой женщины, чужой человек, с своими светскими любезностями, был положительно ей в тягость. Очень неприятно удивилась она когда, на другой день после бала в собрании, Огнев, приехавший, как она думала, только с утренним визитом, по просьбе Бирюкова, остался у них обедать, а вечером уселся с ним в карты. Довольно сухо обошлась она с гостем и, когда тот уехал, спросила мужа: «С чего вдруг завязалась у них такая дружба?»

— Славный он парень, — отвечал Владимир Константинович, — таких здесь не много. Поневоле будешь дорожить подобным знакомством.

— Он и прежде бывал у нас, но ты не оставлял его на целый день? — возразила Надежда Александровна.

— Бывал!.. Разве в несколько визитов можно узнать человека?

— А, так ты его теперь узнал?

— Да.

— Где же это вы сошлись так?

— В собрании; я целый почти вечер проболтал с ним и скажу тебе: такого милого, деликатного и благородного малого я еще не встречал!

— Играли на бильярде?

— Играли.

— И конечно, он проиграл? — насмешливо спросила Бирюкова.

— Почему же конечно?

— Да потому что проигрывающие всегда нам милее выигрывающих!

— Бог с тобою, Надя! Ты все стараешься, как бы мне шпильку впустить! Ну что мог он проиграть мне? Десять-пятнадцать рублей! Какая, подумаешь, уйма денег! Для меня, который по десяти тысяч в вечер спускал!

— Когда же это было? Я что-то не помню!

— А когда в гусарах служил... Пришлют, бывало, двадцать-тридцать тысяч — ну и живешь неделю-другую — дым коромыслом!

— Нолик-то откинь — вернее будет!

— Ты думаешь, я лгу? Вот тебе честнейшее слово, что правда!.. Да и для чего мне лгать?

Милейший Владимир Константинович говорил совершеннейшую правду: лгать нужды ему никакой действительно не было, тем более, что супруга его уже давно отвыкла верить ему на слово, но он до такой степени изолгался, что и сам не замечал удалений своих от истины и действовал в этом случае совершенно механически, с невинностью младенца.

На другой и третий день повторилась та же сцена: как стукнуло восемь часов — раздался звонок, явился Огнев, и Бирюков уселся с ним в пикет. Надежда Александровна не вышла; напрасно супруг посылал за нею, сам бегал упрашивать ее — Бирюкова отговорила мигренью и легла в постель. Утром Владимир Константинович выразил жене свое неудовольствие.

— Помилуй, Владимир, ведь это несносно: каждый день чужой человек.

— Ангельчик ты мой, да ты пойми, какую он мне пользу приносит: играя с ним, я не только не проиграю столько, сколько в клубе, а еще выиграю может быть... Такого благороднейшего игрока, как Огнев, я и не видывал!

— Почему же ты не играешь у него? — пожалала плечами Бирюкова.

— Нельзя, дружок: он говорит, что в его квартире что-то переделывают — принять негде.

— Ну, хоть в кабинете усаживайтесь, а то, право, это и меня и детей стесняет... им и побегать негде.

На этом пока и порешили; новые друзья завладели кабинетом, а зал и гостиную предоставили в распоряжение Надежды Александровны.

Все это происходило в отсутствие Осокина: по делам службы ему пришлось отправиться в уезд на несколько дней. Когда он вернулся, две вещи неприятно поразили его: короткость, с которою держал себя Огнев в доме Бирюковых, и крайне печальное, измученное лицо сестры. Встревоженный не на шутку, он на время позабыл и свою любовь и поручение, данное им Надежде Александровне, а хлопотал только о том, как бы узнать причину такой внезапной перемены в здоровье Бирюковой. Он обратился к ней с расспросами, но ничего не добился: сестра объявила, что здорова, что в семейной жизни ее, кроме посещения Огнева, нового ничего не произошло и вообще как-то старалась замять разговор о своей болезни. Неудовлетворенный, Орест полетел к Каменеву.

— Перемены к худшему я, того, не заметил, — отвечал врач, — душевное расстройство, вероятно.

Все это показалось Осокину очень странным, и он решился наблюдать; появление Огнева в доме сестры крайне интриговало молодого человека.

Между тем Надежда Александровна не забыла о поручении брата: она заез-

жала к Ильяшенковым, и случай доставил ей возможность переговорить с Софи наедине. Не вдаваясь в подробности и не высказывая того, что она посвящена в тайну брата, молодая женщина выведала кой-что от девушки и тотчас же заметила склонность ее к Оресту; обнаруженное же в разговоре ее с братом, неудовольствие Бирюкова объяснила себе светскою щепетильностью девушки и желанием ее вызвать молодого человека, подобным маневром, на объяснение. В этом смысле она и передала Оресту свои наблюдения.

— Бояться тебе нечего, — закончила она, — ступай к Ильяшенковым и, если ты уже решился, пользуйся первым удобным случаем и откровенничай.

— И ты ручаешься за успех?

— Уверена!

— А насчет Перепелкиной?

— Она-то и будет предлогом: уверяя Софи в непричастии к этому делу, тебе трудно будет скрыть то обстоятельство, вследствие которого вмешалась тет-ка.... Ты его не скрывай... оно и будет твоей исходной точкой.

Пока брат с сестрой советовались, в доме Ильяшенковых шли разные толки. Посещение Перепелкиной, таинственная беседа ее с господами при закрытых дверях, затем визит Бирюковой не укрылись от внимания прислуги. Девичья, всегда чуткая до разных новостей, сразу провидела во всем случившемся что-то особенное, а приказ, отданный Павлом Ивановичем камердинеру, принимать Ореста во всякое время, убедил всех, что дело пахнет свадьбой и что которая-нибудь из барышень скоро делается госпожой Осокиной. Поднялись споры: сначала о том, на долю которой из девиц выпадет этот счастливый жребий, а потом о наружности жениха и его состоянии. Павел Иванович и Анна Ильинишна также не были чужды тому напряженному состоянию, которое силою обстоятельств овладело их внутренними комнатами. Сановитый генерал и его аристократическая супруга начинали уже беспокоиться о том, что бы это значило, что вот прошло уже несколько дней, как Перепелкина закинула им такой крючок, а дело не из короба ни в короб; даже и жених показаться не думает!.. Наконец, в один прекрасный вечер, опасения их рассеялись: раздался звонок и Осокин, собственной персоной, вошел в гостиную Ильяшенковых.

На счастье молодого человека хозяева были не одни: два чиновные старца увеселяли их игрой в винт, Юлия и Cle-Cle вышивали в пальцах, а Софья Павловна в зале разливала чай. Такого удобного случая Орест и ожидать не мог; он поспешил им воспользоваться и, наскоро отделавшись в гостиной, подсел к Софи.

— Что вас давно не видно? — спросила девушка.

— Я уезжал по службе...

— Сестра ваша была у нас, — пристально взглянула Софи на молодого человека; тот немного сконфузился. — Je trouve qu'elle a maigri votre soeur.[118]

— Она не совсем здорова.

Софи отпустила чай.

— Хотите? — предложила она стакан Осокину. Тот поблагодарил и, боясь чтобы девицы своим приходом не помешали ему объясниться, решился прямо приступить к делу.

— Я исполнил ваше приказание, Софья Павловна, — не совсем твердо выговорил он.

— Какое? — с прекрасно разыгранным изумлением спросила девушка.

— Я навел справки, доказывающие мою невинность... по делу г-жи Перепелкиной.

— А!

— Мою взбалмошную тетку интересовало ваше мнение обо мне; она и поручила Перепелкиной узнать его... Та же, Бог весть с чего, позволила себе...

— С чего же ваша тетка, — улыбнувшись, перебила его Софи, — так интересуется мною и моими мнениями?

— Может быть, благоприятным ответом она думала доставить мне удовольствие, — несмело ответил Орест.

— Вот как! — протянула Ильяшенкова, и легкий румянец заиграл на ее щеках. — Я и не знала, что вы дорожите моим мнением!

— Софи! Еще чашечку, — влетела Cle-Cle, — я выпью ее здесь, — вдруг надумалась она, быстро взглянув на сестру и Осокина, и уселась около самовара.

Орест был готов побить ее в эту минуту.

— Vous êtes en comproté ce soir?[119] — обратилась Cle-Cle к молодому человеку.

— Из чего вы это заключаете?

— Вы точно чем-то недовольны. Может быть.

— Можно узнать чем?

— Нет, нельзя.

— Tiens, Cle-Cle[120], — сказала Софи, передавая сестра чашку. — Что вы не курите? — спросила она Осокина.

Молодой человек закурил. Разговор не клеился.

— Decidément M-r Огнев est d'une impertinence![121] — воскликнула Cle-Cle. — Как целую неделю носу не показать?

Фамилия Огнева неприятно кольнула Ореста; он нетерпеливо ждал, что скажет Софи.

— Il nous fondre assurement[122], — равнодушно заметила Софи, поймав напряженный взгляд молодого человека. — Опять какая-нибудь муха укусила!

— За что же ему гневаться, — вмешался Осокин, — в собрании вы были с ним так любезны...

— Да, сначала... но потом мы поссорились.

— Можно узнать причину?

— Я сказала ему, что не уважаю его материальных взглядов, его ничегонеделания и страсти к приобретению благ земных.

Cle-Cle! показала в дверях Юлия.

— Пойдем же, кончим.

Клеопатра допила чашку и, к великому удовольствию Ореста, ушла в гостиную.

— Вы отпустили мне мое прегрешение, Софья Павловна? — свернул молодой человек на прежнюю тему.

— Как же было не отпустить? Вы убедили меня в своей невинности et apres tout je ne suis pas rancuneuse.[123]

— Так что я могу задать вам маленький вопрос?

— Говорите.

— То, чего не узнала Перепелкина, вы мне скажете?

— Мои opinion sur vous?[124]

— Да.

— А оно очень вас интересует! — усмехнулась девушка.

— Очень.

— Мнения о вас я самого лучшего.

Орест вспыхнул и, в порыве радости, поцеловал руку Софи; та смутилась немного и с беспокойством огляделась по сторонам.

— Merci, — прошептал молодой человек.

— За что же? — удивилась девушка.

На этом разговор оборвался; чай отпили, и Софья Павловна отправилась в гостиную (В ее расчеты не входила слишком быстрая экспансивность). Осокин посидел около часа, но убедясь, что tête a tête продолжения иметь не будет, откланялся и побежал к сестре сообщить о случившемся,

Х

Леонид Николаевич, верный своей цели возбудить ревность Софьи Павловны, неустанно продолжал посещать Бирюковых. Но другая неделя приходила уже к концу, а он все-таки не замечал сильного, как он ожидал, проявления неудовольствия со стороны М-ле Ильяшенковой. Они встречались в обществе, говорили друг с другом, и ничто не показывало, что Софья Павловна сердита на него за его ухаживание (Огнев конечно позаботился уже о том, чтобы протрубить знакомым Ильяшенковых о своей будто бы новой страсти) или желает привлечь его снова на свою сторону. Родители, и те показывали вид, как будто игнорируют редкое посещение Леонида Николаевича; одна только Cle-Cle заметила ему однажды, что он забыл их, но и то сказано это было как-то вскользь, в виде светской любезности.

Надежда Александровна, как мы видели, очень недолго любила р-ского льва; она постоянно избегала его и редко выходила из своей комнаты, когда Огнев являлся к ним в дом. Сначала подобная тактика сердила избалованного Леонида Николаевича, но потом прирожденная самонадеянность стала напевать ему другое: «Избегает — следовательно, боится, а боится — значит, неравнодушна ко мне» — и, заинтересовавшись легкой, как он думал, и не лишеной пикантности победой, Огнев позабыл на время коварную Софью Павловну. Бирюкова, как дама светская, не захотела понятно облечь свое неблагоприятие к Леониду Николаевичу в грубую форму; избегая его, она все-таки изредка принимала его. К этому побуждали ее с одной стороны нежелание показать самонадеянному донжуану, что она боится его, а с другой неотвязчивые приставания Владимира Константиновича не третировать друга его «en canaille»[125]. Подчиняясь этим двум стимулам, Бирюкова находила уже совершенно излишним занимать непрошенного гостя, быть любезной или насиловать свое расположение духа; вот почему, в разговорах с Огневым, она по большей части была скучна, молчалива и рассеянна. Леонид Николаевич, считавший себя «irresistible»[126], не преминул тотчас истолковать все эти симптомы в свою пользу и бесповоротно решил, что Надежда Александровна сильно увлеклась им, и что только сознание долга и женская стыдливость мешают ей высказаться. Одно обстоятельство еще более укрепило его в этой мысли: раз, как-то перед обедом, Огнев встретился с Каменевым почти у самого крыльца Бирюковых, и они вошли вместе. Хозяйка, здороваясь с молодыми людьми, почему-то покраснела и как бы на минуту смешалась; это заметил

Огнев и тотчас же заключил, что смущение Надежды Александровны произошло от свидания с ним при постороннем человеке и что она втайне негодует на незваного посетителя. Убедившись в непогрешимости своей пронизательности, Леонид Николаевич не устоял против малодушного желания съездить к Ильяшенковым и, ловко бросив Софье Павловне несколько прозрачных намеков на отношения свои к Бирюковой, порисоваться перед девушкой своей новой удачей и пренебрежением к прекрасным глазкам своего недавнего кумира. Но визит Огнева почти не произвел впечатления: слова молодого человека укололи только светское самолюбие Софи, не подействовав нисколько на ее душевный строй: у нее был уже свой план, окончательно обдуманый, свой путь, на который она уже вступила.

Перемена в сестре крайне озабочивала Ореста; как ни был он занят своим делом и как, вследствие этого, не наблюдал плохо, но, бывая постоянно у Бирюковых, не мог не заметить, что в доме у них творится что-то неладное, и что многое от него укрывают. Дружба Владимира Константиновича с Огневом, его частые визиты, нервное и грустное расположение духа сестры — все это наводило его на многие и тяжелые размышления. Осокин начинал уже предполагать, не влюбилась ли Надежда Александровна в Огнева, и насчет этого ему очень хотелось порасспросить ее, но сестра заметно уклонялась от душевных разговоров и даже, в последнее время, перестала говорить с братом о его собственной любви. Оставалась одна Настя; но пытаться ее молодой человек находил неудобным и неделикатным и даже оскорбительным для Надежды Александровны.

Между тем Леонид Николаевич, следуя своему неизменному правилу «ковать железо, пока горячо» и, вполне рассчитывая на победу, решил воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы в конец разрушить слабое, по его мнению, сердце Бирюковой. Случай этот вскоре представился. Не застав однажды Владимира Константиновича дома, Огнев получил от швейцара записку, в которой Бирюкова просила дождаться его возвращения. Леонид Николаевич снял шубу и прошел в кабинет. Надежде Александровне доложили, и она, не сочтя приличным оставлять гостя одного, вышла к нему. Эту вежливость хозяйки Огнев перетолковал, конечно, по-своему и, просияв от восторга, обратился к ней с следующими словами:

— Чему, Надежда Александровна, обязан я тем, что вы приняли меня в отсутствие Владимира Константиновича?

— Его записке, Леонид Николаевич; я не сочла себя вправе манкировать обязанностями хозяйки.

— Вы так все это время были неблагоклонны ко мне, что мне простительно было задать вам этот вопрос.

— В чем же вы заметили мою неблагоклонность? — усмехнулась молодая женщина.

— Во всем... А между тем, я, кажется, ничем не заслужил ее: кроме горячей преданности и глубокого уважения к вам...

— С чего, скажите пожалуйста, — перебила гостя Бирюкова, — пришло вам вдруг в голову признаваться мне в своих чувствах?

— В печальной жизни вашей, Надежда Александровна, истинные друзья далеко не лишнее... и если сердце, готовое идти за вами в огонь и в воду...

— Пожалуйста никуда не ходите, — насмешливо остановила его хозяйка, —

ждите лучше мужа и садитесь в пикет!

Франта слегка передернуло: он начинал уже злиться; но идти прямо напролом не решался: с Бирюковой губернский лев держался осторожно.

— Не думал я, чтобы искренние слова мои были приняты с такой иронией!

— А как же иначе? Вы, Бог весть с чего, говорите нелепости о моей жизни, предлагаете свое сердце, когда я в нем не нуждаюсь, — согласитесь, что ведь это смешно, Леонид Николаевич!

— Вы жестки ко мне... но как бы вы меня не поняли — я решился открыть вам тайну, которую до сих пор скрывал даже от самого себя.

Молодая женщина взглянула на гостя с удивлением.

— Вы, кажется, совсем уже заговорились, — сказала она, не спуская с него глаз.

Огнев не вытерпел и впал в обычную дерзость.

— Некоторое время можно скрывать чувства, — продолжал он, — но потом они неминуемо должны обнаружиться... Еще несколько месяцев тому назад я думал, что неспособен любить, но теперь убедился в противном: я люблю всеми силами души — и в этом чувстве для меня и жизнь и смерть!

Последние слова Леонид Николаевич произнес как то особенно театрально.

— Ну и поздравляю! — с холодной усмешкой, спокойно сказала Бирюкова, хотя лицо ее передергивало, и она нервно кусала губы.

— Может быть, не с чем, Надежда Александровна! — с напускной грустью заметил Огнев. — Может быть, взамен блаженства, меня ожидают вечные терзания, может быть, та женщина, которую я боготворю, ответит мне одним презрением!

— А, так вы находите, что есть за что?

— Надежда Александровна! — порывисто вскочил франт. — Неужели вы не догадываетесь, что эта женщина — вы, что я вас люблю!

Бирюкова вдруг побледнела, потом вспыхнула; но ни единым словом не изменила себе и, с ледяным спокойствием, взяв со стола колокольчик, позвонила. Огнев вытаращил глаза. Вошел лакей.

— стакан воды Леониду Николаевичу, — с едва заметным волнением приказала она, и, не взглянув на гостя, вышла из кабинета.

«А, дьявол тебя возьми!» — в бессильной злобе прохрипел одуроченный лев и, делать нечего, выпил принесенную воду.

XI

О поступке Огнева было тотчас же передано Надеждой Александровной брату и мужу. Орест очень обрадовался, что подозрения его, на счет отношения сестры к губернскому франту, рушились таким блестящим образом, но вместе с тем его крайне взбесила манера, с которою принял это известие Владимир Константинович. Бирюков никак не хотел поварить, чтобы его друг, благовоспитанный Леонид Николаевич, мог решиться на подобную дерзость и всю эту историю отнес к расстроенному воображению жены, которой во что бы то ни стало хотелось выжить Огнева из их дома, в ущерб его, бедного супруга, спокойствию. Но на этот раз Надежда Александровна, поддерживаемая братом, настояла таки на своем: она объявила мужу, что если он находит приличным принимать, после подобного поступка, г. Огнева, — то она ни в каком случае не может и не желает этого допустить, и если негодяй этот явится к ним в дом — она немедленно переселится к брату и объявит родным о невозможности жить с подобным мужем. Бирюков, сильно рассчитывавший на поправление своих запутанных дел весьма вероятной подачкой Ореста, при получении будущего наследства, моментально смолк и, скрепя сердце, вынужден был передать Огневу решение Надежды Александровны, конечно, всячески постаравшись позолотить эту горькую для самолюбия франта пиллюлю.

Все эти передряги естественно не могли не влиять на здоровье Бирюковой, тем более, что супруг ее день ото дня все более и более расширял круг своих неблагоприятных деяний.

Раз как-то вечером, вскоре после происшествия с Огневым, Осокин сидел в спальне Надежды Александровны; ей в этот день что-то особенно не поздоровилось, и она легла в постель. Бирюков с самого утра уехал на охоту, Настя была у детей, и брат с сестрой оставались одни. Больная была очень грустна и изредка нервно всхлипывала.

— Ну могу ли я чувствовать к этому человеку что-либо кроме презрения? — продолжала она начатый разговор. — Ты помнишь, как он вел себя в прошлой истории... самолюбьишка-то даже нет! Теперь тайком с этим мерзавцем видится! Что же это за мужчина, который за честь жены не только не может — не хочет даже вступить! А его последний поступок... рассказывать-то даже гадко!

— Что такое? — спросил Орест.

— Третьего дня получила я с почты тысячу с чем-то рублей; из этих денег пятьсот надо было тотчас уплатить процентов по закладной, а на остальные надо жить три месяца. Я заперла их в шкатулку и ключ положила к себе в карман; сегодня иду за деньгами — шкатулка отворена и пуста: супруг мой деньги вытащил и все дочиста проиграл вчера в карты!

Она не выдержала и заплакала.

— Чем теперь проценты платить?.. Чем жить? — заговорила она, помолчав. — А низость-то какая!

— Кому он проиграл... Огневу? — спросил Осокин.

— Говорит, что нет... В клубе кому-то... Пристал сегодня ко мне с разными ласками (ты знаешь его манеру), чтобы я выпросила у дяди тысяч хоть пять на уплату долгов — я, конечно, отказала, и он, чтобы утешиться, уехал на охоту!

— Надо, однако, Надя, выйти каким-нибудь образом из этого положения...

Пятьсот рублей на уплату процентов я смогу найти, но ведь необходимо подумать, на что жить... Бриллианты твои целы?

— Давно пропали в залоге! — махнула рукой Бирюкова.

— А твоя усадьба в какой сумме заложена?

— В пяти тысячах.

— Когда срок платежа процентов?

— На днях; вот из этих пятисот рублей, которые Владимир Константинович проиграл, надо было и за Грязи внести.

Орест размышлял.

— Вот что, Надя, — после небольшой паузы сказал он, — на твоего мужа рассчитывать нечего: служить он не способен, да и не хочет, а постоянно перевертываясь, вы дойдете до нищеты; надо на что-нибудь решиться.

— Да на что же, Остя?

— Брось все и переезжай в Грязи... Денег на время я тебе достану, а ты сейчас же переговори с Татьяной Львовной и затем обратись к дяде... Он любит тетку... И я с ней поговорю...

— Но ведь это разрыв, Остя!

— Пожалуй... А что же придумать другое?

— Страшно! — закрыв лицо руками, содрогнулась Бирюкова.

— А перспектива нищенства, чахотки — не страшна?

— Стыдно просить... да вряд ли дядя и даст.

— Попытаться необходимо: время не терпит. Ты — не я; я трудиться могу, а ты связана детьми и ничего заработать не можешь. Ну, не удастся у дяди — можно будет Владимира Константиновича в опеку взять...

— Скандал! — ужаснулась Надежда Александровна.

— Хуже скандал будет, когда все у вас продадут, и ты с детьми вынуждена будешь руку протягивать.

— О Боже мой! — простонала бедная женщина, бросаясь брату на шею. — Помоги, Остя, родной мой! — залилась она слезами.

— Полно... успокойся... Бог милостив. Устроим как-нибудь, — утешал ее Орест, — денег я достану... хоть из-под земли вырою! Только не плачь... для детей поберегись...

— Ох, детки, детки! — воплем вырвалось у Бирюковой и, распустив руки, она упала на подушку. Из стесненной груди вылетало несколько хриплых стонков, по всему телу пробежала судорога, другая, третья — и больная разразилась вдруг сильным истерическим плачем.

Орест совершенно растерялся; он впервые присутствовал при подобной сцене. Бледный как полотно, бросился он на колени перед сестрой, целовал ее руки, называл самыми нежными именами; потом схватил стоявшую в стакане воду и начал брызгать ею в лицо больной. Надежда Александровна сделала движение рукой, как бы отмахиваясь, но припадок не прекращался. Осокин, весь дрожа, отыскал колокольчик и начал звонить изо всех сил... Вбежала горничная.

— Настасью Сергеевну сюда! — крикнул он охрипшим голосом. — Да капель, что ли, каких!

— Господи, что это такое? — бросился он на встречу Завольской.

Та поспешно отыскала спирт, капли и стала хлопотать около Бирюковой.

— Я за Каменевым съезжу, — вполголоса предложил Орест.

Настя одобрительно качнула головой.

— Не надо! — хотя слабо, но настойчиво сказала больная. — Проходит...

— Все бы лучше, — заметил брат.

— Нет! — с небольшим раздражением возразила Надежда Александровна. — Настя, милая, дайте мне воды.

Осокин подал.

— Мерси! Теперь почти прошло... слабость одна... Я постараюсь уснуть. Остя, заезжай через часок.

— Я здесь останусь, Надя, с Настасьей Сергеевной посижу.

— Ну, хорошо. Что дети, спят?

— Уже с полчаса как уложили.

Осокин вышел, а через несколько минут явилась и Завольская.

— Как вы встревожены, — воскликнула она, взглядываясь в его бледное лицо, — не хотите ли чего-нибудь?

— Нет, благодарю... я уже воды выпил... О Боже мой! — всплеснул он руками, тяжело опускаясь на диван. — Счастье еще, что около нее есть такое доброе сердце, как ваше!

Он вдруг схватил руку девушки и крепко, несколько раз, пожал ее; яркий румянец вспыхнул на щеках Завольской.

— За мою бедную сестру! — с чувством проговорил он.

Слезы блеснули в глазах девушки.

— Вы... добрее меня! — тихо сказала она, стараясь скрыть свое смущение. Но молодой человек не расслышал этих слов: подперши голову руками, он думал тяжелую, скорбную думу.

— Орест Александрович, — после паузы несмело начала Завольская, — извините, что я вас беспокою...

— Чем? — быстро повернулся к ней Осокин.

— ...Я ведь к вам на днях собиралась...

— Ко мне? — изумился Орест.

— Да; мне надо переговорить с вами, просить вашего совета, а здесь, вы сами знаете, это почти невозможно; вот только сегодня выдался такой случай.

— Да что такое?

— Помогите мне в деле, которое для меня крайне тяжело, а для сестры вашей, смею думать, имеет некоторое значение.

— Господи! — встревожился Осокин. — Еще! Говорите ради Бога!

— Вы знаете, как привязана я к Надежде Александровне... да оно и не могло быть иначе, потому что сестра ваша действительно чудная женщина: из наемницы она сделала меня членом семейства, своим другом; такие вещи нами, чернорабочими, не забываются! Их ценят и помнят до гробовой доски!.. Представьте же себе, как тяжело решиться мне, сознательно, сделать неприятность Надежде Александровне! И в теперешнее время, когда она страдает, когда я знаю, что присутствие мое в ее доме было бы не лишним. А между тем обстоятельства сложились так, что я не могу поступить иначе — и чем скорее, тем лучше!

Молодой человек в недоумении глядел на Настю.

— Вы хотите покинуть сестру? — воскликнул он.

— Не хочу, а должна.

— Должны?! (Осокин задумался) Владимир Константинович? — вдруг дога-

дался он.

Завольская утвердительно кивнула головой.

— Господи! — вскричал взбешенный Орест. — И суда нет на такого негодяя!

— Самое трудное — скрывать от Надежды Александровны настоящую причину отъезда, а самое тяжелое — быть заподозренной в бессердечии и неблагодарности. Ну, да вы понимаете мое незавидное положение!

— Понимаю, Настасья Сергеевна... Но понимаю и то, что сестра, расставшись с вами, лишится единственной опоры...

— Что же делать? Научите меня, ради Бога!

— Возможности нет вам оставаться здесь?

— Нет... По крайней мере, при теперешнем положении дел.

— Куда хотели вы ехать?

— Я рассчитывала на вас, на доброту вашу, — краснея, проронила девушка.

— И прекрасно сделали, потому что для вас я готов сделать все от меня зависящее.

Завольская еще более покраснела.

— Место я постараюсь вам найти, но как уладить ваш отъезд, чтобы сестре и вам это было бы не так тяжело?.. Вот что: сегодня же я напишу некоторым из моих знакомых, а вы сделайте милость, пообождите немного и не начинайте ничего без моего ведома: сдается мне, что может быть дело обойдется и без вашего отъезда.

— Это невозможно, Орест Александрыч!

— Ну, там увидим!.. Так так?

— Благодарю Вас... от всего сердца!

Она робко протянула ему свою дрожавшую руку.

— Отныне будут у меня две заботы, — улыбнулся Осокин, пожимая руку девушки, — устроить, по возможности лучше, сестру и вас.

Из спальни раздался звонок, и сначала Настя, а потом и Орест вошли к Надежде Александровне.

XII

Зима описываемого нами года стала быстро и прочно; на другой же день, после первого снега, дорогу укатали, и образовалась отличнейшая первопутка. М-me Соханская, великая, как нам известно, охотница до всевозможных parties de plaisir[127], смутила молодежь, та, в свою очередь, знакомых дам и девиц — и первый пикник был решен. Сначала думали устроить его по подписке, но один из местных богачей, князь Сильванский, старый холостяк, пригласил общество в свою подгородную усадьбу и обещал повеселить дорогих гостей. Ильяшенковы, понятно, были тоже из участвовавших; Осокин добыл тройку и предложил ее девицам. Предложение было принято и любезный кавалер, как водится, приглашен был в спутники. Старики Ильяшенковы с Юлией должны были ехать в своих санях, а Софи и Cle-Cle с Орестом.

Владимир Константинович, несмотря на то, что проигрался в пух, снарядил прекрасную тройку и чуть не сплошь разукрасил ее разноцветными кокардами и бантами. Крупный разговор, который имели с ним жена и Осокин, по поводу последней его проделки, как и следовало ожидать, скользнул по нем даже не рассердивши его и он, со свойственной его натуре дряблостью, не обращая внимания на то, что и Надежда Александровна и шурин явно показывали ему полнейшее пренебрежение, на другой же день после болезни жены стал ухаживать за нею и униженно молить о прощении, Бирюкова, чтобы отвязаться, дала поцеловать ему руку, но от предложения участвовать в пикнике наотрез отказалась. Просьбы брата также не подействовали на нее, и только благодаря авторитету Каменева, объявившему о необходимости развлечься, Надежда Александровна согласилась, пригласив доктора сопутствовать ей в предстоявшей прогулке.

В назначенный день, около часу, все общество собралось в зале дворянского дома; дамам был предложен чай и кофе, мужчинам легкая закуска; обо всем этом позаботился любезный предводитель. Потом расселись в сани, и поезд из десятка-другого экипажей, при веселом смехе и оживленной болтовне, гремя бубенчиками, тронулся в путь. День был морозный, ясный; солнце ярко светило с голубовато-бледного, безоблачного неба, и лучи его искрились по молодому, чистому снегу мириадами алмазных точек. Подъехав к заставе, колокольчики отвязали; передняя тройка прибавила ходу, следующие последовали ее примеру, и вся вереница саней, со звоном и шумом, блестя наборной сбруей и лакированными дугами, осыпаемая снежною пылью, быстро помчалась вперед.

Софи и Cle-Cle сидели рядом, Осокин напротив; молодой человек не сводил глаз с оживленного, покрасневшегося лица Софи, с ее стройной фигуры, закутанной в изящную бархатную шубку. Какой-то смелой, захватывающей за сердце, красотой блистала девушка и как мизерна казалась Оресту сидевшая рядом с ней Cle-Cle, маленькая, сухонькая, съезжившаяся от мороза, с лицом спрятанным в муфту! Ни разу еще до сих пор не производила Софи такого полного впечатления на молодого человека, ни разу не чувствовал он в себе такого сильного прилива страсти как в настоящие минуты; теперь, окруженная этою безграничною ширью, на этой лихой тройке, осыпаемая снегом, с внезапно пробудившеюся удалью в сверкавших глазах, Софи казалась ему во сто раз прелестнее, чем в душной зале, в каком-нибудь эфирном платье, в обще-

стве млеющих пред нею кавалеров. И страстно хотелось Осокину преклониться пред этой поражающей красотой и вымолить хотя теплое слово, ничтожную ласку...

— Как жаль, что нельзя выехать из ряда! — воскликнула Софи.

— А что? — спросил Орест.

— Ужасно люблю сильные ощущения! Мне кажется, что тройка наша не довольно скоро подвигается.

— Вас захватывает быстрая езда?

— Да; в этом бешеном беге, как то вольнее дышится!

— Обгоняй! — крикнул Осокин ямщику и шепнул ему что-то на ухо. Тот живо подобрал вожжи и, ловко объехав несколько передних саней, лихо вылетел вперед и понесся действительно сломя голову.

— Чудо как хорошо! — весело вскричала Софи.

— Не понимаю, — пробормотала Cle-Cle, отнимая от лица муфту, — что тут чудного? Ветер режет лицо, лошади осыпают снегом... А на вас рассердятся, после небольшой паузы, — заметила она Оресту.

— За что?

— За то, что вы нарушили светскую вежливость и едете впереди даже губернатора, распорядителя праздника.

— Ах, Боже мой, — перебила сестру Софи, — не ехать же нам шагом потому только, что у его превосходительства лошади плетутся нога за ногу!

— Пошел! — крикнул ямщику Осокин. — Доехав до усадьбы, мы дождемся губернатора, Клеопатра Павловна, и пропустим его вперед, успокойтесь.

— Невежливости вашей мы все-таки этим не поправим, — сказала Cle-Cle и поторопилась уткнуть нос в муфту.

Вдали показалась усадьба Сильванского; на горе, боковым фасадом упираясь в крутой берег реки, стоял большой каменный дом, в средневековом стиле, с башнями по углам, и целым верхним этажом, залитым огнями, выглядывал из-за слегка посеребренного первым морозцем сада, живописно спускавшегося по отлогостям горы. Длинная березовая аллея вела к дому. Подъехав к ней, Орест велел ямщику остановиться; уже темнело, и бледноватый серп луны все яснее и яснее проступал на густевшей синеве ночного неба; мороз крепчал, и едва заметный ветерок начинал заигрывать в верхушках старинных берез, по временам сдувая с ветвей мелкие снежные блески. В ожидании отставших, ямщик сошел с козел, осмотрел лошадей, от которых пар так и валил, и начал топтаться на месте, постукивая одной ногой о другую. Осокин закурил папиросу.

— Мерси, Орест Александрович, вы доставили мне большое удовольствие, — сказала ему Софи. — Давно я так хорошо не каталась.

Орест просиял.

— Зато Клеопатре Павловне я, кажется, не угодил? — улыбнулся он.

— Совершенно! — ответила Cle-Cle. — Впрочем, у вас нет таланта, угождать всякому.

— Отсутствие подобного таланта — достоинство, по-моему, — подхватила Софи. — Это значит только, что М-г Осокин неспособен быть и нашим и вашим!

— Положительно не могу... и очень рад, что вы, Софья Павловна, меня так поняли!

Поезд приблизился, и ямщик Ореста, пропустив вперед половину саней, въехал в ряд. Несколько любопытных взглядов, в том числе Леонида Николаевича и Соханской, брошено было на Осокина и его спутниц, многое множество предположений родилось в головках дам и девиц. Но вот мелькнули мимо путешественников белые каменные ворота и из-за угла блеснул яркий свет громадного рефлектора, освещавшего подъезд. Первые сани остановились и два лакея, во фраках и белых жилетах, отстегнув полсть, высадили губернатора и избранную им даму, М-ме Соханскую; за губернатором стали опоражниваться и другие экипажи. Гости входили в большие сени, из которых направо и налево приготовлены были дамские и мужские уборные. Представительный Сильванский принимал гостей на верхней площадке парадной лестницы, ярко освещенной и уставленной экзотическими растениями. Бальная зала горела огнями и на украшенной зеленью и цветами эстраде стоял оркестр, капельмейстер которого, с смычком в руке в ожидании сигнала, не спускал глаз с дверей небольшой круглой аванзалы, где собирались приехавшие. Но вот хозяин подал руку губернаторше... капельмейстерский смычок рассек воздух, грянул польский — и гости попарно стали входить в зал; затем начались танцы.

Первый вальс и предобеденную кадрили Орест танцевал с Софи; давно уже не помнил он себя до такой степени счастливым. Софи была любезна, весела и, скажем от себя, действительно увлечена в этот вечер молодым человеком. Когда начали шестую фигуру, Осокин попросил у нее позволения сесть за обедом рядом с ней и, получив разрешение, просто растаял от восторга. Но счастье его достигло крайних пределов, когда М-г Огнев, безуспешно рисовавшийся перед Софи в течение всей кадрили, по окончании ее подлетел к Ильяшенковой с любезностями и разными сетованиями: Софья Павловна так холодно приняла светского льва, так сухо отказалась танцевать с ним, что тот, с перекошенным от досады лицом, из приличия пробормотал что-то невнятное и полетел к Катерине Ивановне.

— У них опять на лад пошло! — пожаловался он.

— Вижу и удивляюсь вашей навязчивости.

— Хочу расстроить свадьбу!

Генеральша рассмеялась.

— Чему же вы смеетесь, Ketty? Не вы ли сами наболтали разных разностей Перепелкиной, с целью поселить раздор между Софи и Осокиным?

— Это правда, но вы видите результат: полное соглашение! Я сделала это, желая угодить вам и вроде пробы — не более... А ваши пресловутые пробуждения ревности и самолюбия — к чему привели они? К полному фиаско?.. De grace, — заметив его желание оправдаться, перебила его молодая женщина, — n'allez pas me debitter des mensonges[128] — я ведь им не поварю... Помните лучше, что говорила я вам в самом начале: пусть женятся, а там...

— Но уступить дорогу какому-нибудь Осокину!

— Се «какой-нибудь» aura les roches pleines, cher ami, tandis que vous...[129]

Катерина Ивановна печально развела руками. Франт бесился.

— Que faire, chou-chou, — утешала его Соханская, — il aura le bouton et vous la rose[130] — так видно судьбе угодно!

— Хоть бы этот проклятый процесс поскорее выиграть!

— Ах! — комично вздохнула Соханская. — Хотя бы эти проклятые двести

тысяч мне поскорее выиграть!

Огнев зло посмотрел на нее.

— Не сердитесь... Бросьте все это до времени, а затем мы сообща будем действовать et je vous jure que l'affaire marchera toute seule...[131] Я ведь тоже имею свои причины насолить Осокину.

Пока шел этот разговор, Орест, совершенно довольный и счастливый, бродил в ожидании обеда по парадным комнатам княжеского дома, приглядывался к карточным столам и совершенно нечаянно добрался до зимнего сада. Белый матовый свет мягко лился из его растворенных дверей, сглаживая резкие контуры темно зеленых пальм, громадных лавров и миндальных деревьев и широколистных арумов. Посреди галереи, из большого, изящно убранного ноздреватым камнем и ползучими растениями, аквариума бил фонтан, мелко пылью осыпавший свесившиеся по сторонам ветви апельсиновых и помаранчевых деревьев. Из-за групп зелени сквозили белые шары ламп, а по углам сада, перед чугунными диванчиками, стояли небольшие мраморные столики. Все было тихо; бальный шум доносился сюда лишь в виде неясного гула и только слабо журчал фонтан, равномерно роняя в бассейн свои светлые, прозрачные капли. Осокин сел на стоявшую в нише скамейку и погрузился в мечты: «Вот бы куда привести Софи, в этот таинственный полусвет, под благоухающую сень этих чудных растений, и под мягкий ропот этой падающей воды отдать ей свое сердце навсегда, на всю жизнь!.. О, как чудно прозвучали бы мне, в этом райском уголке, слова любви с ее дорогих для меня уст!»

И, как бы в ответ на грезы Ореста, из противоположного конца сада вдруг долетел до него грустный, словно сквозь слезы, полусшепот:

— Но разве нельзя остаться вам здесь? Нельзя разве? — спрашивал женский голос.

— Нет! — глухо отвечал мужской. — Те роковые слова, которые только что сорвались у меня с языка, та недостойная мужчины слабость, которую я обнаружил в разговоре с вами — мой приговор... Ни одного дня не должен я более оставаться здесь!

Осокин затрепетал, и вся кровь мгновенно прилила к сердцу: в разговаривающих он узнал сестру и Каменева! Первым движением молодого человека было тотчас же встать и удалиться, но надежда на то что, быть может, он ослышался, остановила его.

— На кого же вы оставляете меня? Что меня ожидает? — восклицала Бирюкова.

— Надежда Александровна! Счастье наше сомнительно; остановимтесь же вовремя... Поверьте: присутствие мое здесь не принесет вам ничего, кроме горьких минут... За одну улыбку воображаемого счастья вы легко, может статься, заплатите мучениями целой жизни — за что же?.. Теперь чувство наше чисто; мы хоть и плачем над ним, но стыдиться нам нечего!

Сомневаться было невозможно; с жгучей болью в сердце быстро вышел Орест из сада. «Так вот, — мучительно думал он, — где разгадка того, что я так напрасно силился узнать, вот где корень болезни моей бедной сестры!» — и, подобно клубку, конец которого вдруг отыскался, стали разматываться перед ним те мелочные обстоятельства и случаи, которым прежде он не придавал значения.

Размышления Осокина были прерваны приглашением к обеду. Он пошел

отыскивать свою даму, предварительно постаравшись отогнать от себя тяжелые мысли; сначала это удавалось ему плохо, впечатление было еще слишком свежо, так что Софья Павловна даже заметила его озабоченное состояние, но потом, взглянув на сестру, которая мастерски надавала на себя личину веселости, он мало помалу успокоился, а близость любимой женщины и мечты о собственном счастье скоро вытеснили из его памяти грустную сцену в саду.

После роскошного обеда гости разбрелись по комнатам с чашками чая и кофе; образовались кружки, некоторые уселись за карты. К Оресту подошла сестра; увидев ее, молодой человек не мог подавить в себе тяжелого чувства: оно так вдруг и нахлынуло на него, с прежнею силою, при появлении Бирюковой.

— А тебя можно поздравить, — с улыбкою проговорила она, тронув брата за плечо и отводя его в уединенный угол гостиной. — Ты счастлив!

— Да, Надя... И желал бы, чтобы и другие, милые моему сердцу, были так же счастливы!

Бирюкова вздохнула и провела рукою по глазам.

— Не для меня счастье, Остя! — печально вымолвила она — и слезы посыпались в ее голосе.

— Надя, Надя! — в волнении схватил Осокин обе руки сестры. — У тебя другое горе есть, сильнее, чем семейное! Ты не хочешь высказаться... Я ведь вижу... Из-за таких людей, как твой муж, не мучатся, не страдают — их презирают только!

Бирюкова слегка изменилась в лице; «Он что-нибудь заметил!» — мелькнуло у нее в голове.

— Не понимаю я, о чем ты говоришь, — холодно возразила она. — Какое же горе может быть сильнее того, которое я испытываю? Муж — негодяй, средств нет, сердце разбито — чего же еще?

Орест с грустью взглянул на сестру; он ясно видел, что откровенности от нее не дождешься, что даже намека одного было достаточно, чтобы изменить тон ее разговора. Он тотчас же прекратил его и, воспользовавшись первым подвернувшимся предлогом, отошел от Надежды Александровны. Проходя в танцевальную залу, Осокин обернулся и, увидав Каменева подходившего к Бирюковой, горячо пожелал, чтобы отъезд доктора, решенный в саду, состоялся к действительности и как можно скорее.

В зале раздавался гул смешанных голосов, женский смех, шум шагов и передвижаемых стульев. Разносили конфеты и фрукты. Заметив Софи в одном из кружков около эстрады, Орест направился к ней, пробираясь между ходившими дамами и наставленными в беспорядке стульями, как вдруг на самой середине был остановлен милейшим Владимиром Константиновичем, который уписывая за обе щеки громадную дюшессу, левой рукой предложил шурину помещавшуюся на ней кучку конфет; тот вытаращил глаза: «Вот медный-то лоб!» — подумал он и отказался.

— Что же так? — усмехнулся Бирюков. — Или и без конфет много сласти выпало тебе сегодня на долю?

— Не понимаю я ваших острот! — пожал плечами Орест и повернулся, чтобы идти.

— А дамочка-то, ух канальство! С какими калеными глазами! — остановил его зять. — Так вот и пышет!

— Какая дамочка? — нетерпеливо спросил Осокин, порываясь уйти.

— А вон та, к которой ты пробираешься! — бесцеремонно кивнул головой Бирюков в сторону Софи.

— Вы — совершенный невежа! — взбесился Осокин.

— А ты может думаешь, что все дураки, не видят!

Орест отвернулся и пошел прочь.

Около Софи заметил он незнакомую девицу, Огнева и некоторых других кавалеров. Леонид Николаевич сидел немного поодаль и, развалившись, корчил из себя Печорина: зевал, чистил Бог весть для чего, привешенным к часовой цепочке ножичком, свои и без того выхоленные ногти и саркастически улыбался, вслушиваясь в любезности увивавшихся около Софи юношей. При приближении Ореста, он взглянул на него и, вспомнив, что с ним сегодня еще не здоровался, не совсем решительно проговорил:

— Bonjour![132]

Осокин отвернулся и молча прошел мимо скучающего франта. Тот не совладал с собой и сконфузился. Софи, от внимания которой редко что укрывалось, заметила это и подозвала Ореста.

— Садитесь, ласково предложила она ему, — и, в ожидании танцев, поболтаем.

Осокин сел.

— Vous venez de donner une petite leçon?[133] — улыбнулась она, очень хорошо зная, как приятны будут Оресту эти слова.

— Я просто не хотел ответить на его поклон.

— За что?

— Monsieur est trop mal eleve![134]

Софи более не настаивала.

— Ne ferons nous pas un petit tour?[135] — спросила сидевшая около Ильяшенковой девушка.

— Pourquoi pas,[136] — ответила Софи.

— А кстати, у меня и план готов, — сказал Осокин. — Вы видели зимний сад?

— А разве есть?

— Прелестный... Желаете, чтобы я был вашим чичероне?

— С удовольствием. Мery, serez-vous de la partie?[137] — обратилась Софи к своей соседке.

— Volontiers[138], — отвечала та и поднялась с места.

Орест предложил руку Софи, один из юношей ее спутнице, и молодые люди тронулись.

— Вы опять не в духе? — заметила Софи своему кавалеру.

— Что делать: обстоятельства так складываются! — вздохнул молодой человек.

— Вы, однако, капризны!

— Я уверен, что вы извините мой каприз, когда узнаете его причину.

— А в чем она заключается?

— Мне ужасно хочется танцевать с вами эту, кадрили, а между тем...

— Но я танцую с вами следующую...

В это время они вошли в сад и разделились на пары; Софи с Осокиным осталась у фонтана, а юноша с своей дамой отправился далее.

— Вы не поняли меня, Софья Павловна, — с волнением проговорил

Орест, — мне хотелось бы весь вечер танцевать с вами... не отходить от вас...

Софи вспыхнула и в смущении опустила на близ стоявшую скамейку.

— Когда на днях, в первый раз после разговора в собрании, — с жаром продолжал молодой человек, — вы с прежнею снисходительностью отнеслись ко мне — я ожил... Сегодня я не знаю, что со мной... я сам удивляюсь своей смелости... Простите, но я выскажусь: я люблю вас, Софья Павловна!

Кровь ударила в голову Осокина и, весь замирая, с лихорадочным трепетом, взглянул он на Софи. Она сидела склонив голову и, закрывшись веером, тяжело и часто дышала. Волнение охватило и ее: ноздри ее расширились, черные глаза сверкнули из-под длинных опущенных ресниц, но она молчала и только нервно перебирала отделку своего черного шелкового платья.

— Софья Павловна! — подсел к ней рядом Орест и робко, дрожащей рукой прикоснулся к руке девушки. — Отдайте мне эту руку... отдайте на всю жизнь!

Головка Софи медленно повернулась и она, вся дышащая жизнью, озаренная торжеством, устремила на него свои глубокие, горевшие страстью, глаза.

— И вы не оттолкнете ее? Никогда? — медленно, прерывающимся голосом уронила она.

— Никогда! — воскликнул Осокин и, в беспредельном упоении, поднес руку девушки к своим горячим, трепещущим губам.

XIII

Ильяшенковы собрались в обратный путь немного ранее прочих гостей; Анна Ильинишна жаловалась на мигрень, а Павел Иванович, кончив свою партию, находил, что у Сильванского делать было больше уже нечего. К Ильяшенковым присоединились еще два благоразумные семейства и четыре тройки, со звоном и громом, съехали со двора княжеской усадьбы, увозя своих седоков, довольных и недовольных впечатлениями пережитого дня.

Ночь была светлая, и тонкая пелена молодого снега ярко белела при лунном сиянии. Длинные темные тени деревьев ложились через дорогу и, переплетаясь разнообразными узорами, принимали самые фантастические очертания. Окрестность тихо дремала, окутанная морозною мглой, и в этой строгой тишине как-то неприятно звучал резкий звон колокольца, скрип полозьев или отрывистое карканье взбуженной вороны.

Осокину счастье как-то особенно благоприятствовало в этот вечер: не успели отъехать и версты, как Cle-Cle объявила, что ей холодно и пересела в кибитку своей приятельницы. Заметила ли она, что в санях Ореста она лишняя, или просто показалось ей скучным слушать чужой разговор, не принимая в нем участия, только будущие жених и невеста остались одни. Осокин тотчас же воспользовался этим и приступил к разговору, который во весь вечер тяжелым камнем лежал у него на душе.

— Софья Павловна, — начал он, — вы не рассердитесь, если вместо поэзии, которой полно мое сердце, я на несколько минут обращусь к вам немного прозаически?

Софи посмотрела на него как-то сбоку и ответила:

— Нисколько... и в доказательство того, что я не сержусь на вас — прошу отныне называть меня не Софьей Павловной, а просто Софи... *Sophie tout court*... *Cela vous va?*[139] — кокетливо улыбнулась девушка.

— Еще бы, — в восхищении воскликнул молодой человек и потянулся за

ручкой, спрятанной в муфту.

— *Voyons un peu: quelle prise allez vous me debiter?*[140] — ежась от холода и вкладывая руку обратно, спросила Ильяшенкова.

— Если вы, *M-lle Sophie* (Орест никак не мог решиться выговорить просто Софи), согласились отдать мне ваше сердце, то вы конечно намерены разделять мои убеждения, не так ли?

Девушка несколько встревожилась, но утвердительно кивнула головой.

— Главными из них, — понижая голос, продолжал Орест, — я считаю откровенность и прямоту действий; и вот почему мне хочется, прежде чем я буду говорить с вашими родителями, объясниться с вами, чтобы на будущее время в отношениях наших не было ничего недосказанного. Вы считаете меня богачом?

Быстрый пытливый взгляд сверкнул из-под густых ресниц девушки; она как бы задумалась на минуту, но тотчас же оправилась и весьма равнодушно проговорила:

— Я этим не интересовалась.

Радость отразилась на лице Осокина; маневр Софи ускользнул от его внимания.

— Но вы должны были слышать о моем будущем наследстве?

— Слышала, но к чему этот разговор?

— А к тому, *M-lle Sophie*, что я не имею права оставлять вас в неведении: своего у меня только небольшое родительское имение и служба; всего тысяч около двух с чем-то дохода.

— Разве дядя лишил вас наследства?

— Нет; и даже не лишит — в этом я уверен, но я сам откажусь от него.

Софи в неопisanном изумлении посмотрела на молодого человека.

— Как?! Вы откажетесь?.. Да вследствие чего же? — вырвалось у нее.

— Вследствие того, что состояние это нажито по-моему не совсем правильно, — тихо проговорил Орест.

Софи обдумывала.

— ...По моим убеждениям я не могу принять его... Эти деньги будут жечь мне руки...

«Бред пылкого, честного юноши, — рассуждала в это время Софи, — но, к сожалению, перешедший границы... Это донкихотство, которое я не могу допустить и не допущу! — А если это — твердое убеждение, которое не сломишь?.. Вздор! К чему ж тогда моя красота, мои ласки? Разве не в моей власти сделать их всеильными?»

Все это молнией сверкнуло в голове девушки, и когда Осокин возобновил разговор — план ее был уже составлен, и кроткая улыбка блуждала на ее коралловых губках.

— Я протянула вам руку, Орест, — мягким, ласкающим голосом сказала она, — не для того, чтобы идти врозь с вами... Не богатства искала я в вас, а человека, который бы любил меня, который...

— И вы нашли его, Софи! — в безумной радости прошептал Осокин, страстно припадая к руке девушки. — Твой я, твой на всю жизнь! — задыхаясь, добавил он.

— И я — твоя, тихо склонилась к нему Софи.

XIV

На другой день утром, когда по обыкновению девицы Ильяшенковы явились в спальню Анны Ильинишны поздороваться с матерью, генеральша встретила Софи следующим нравоучением:

— *Ma fille, quoique vous avez vos vingt-deux ans*[141] — вы должны знать что, пока вы в девицах, мать отвечает за вас перед светом. Вчера вы вели себя неприлично, *comme une demoiselle sans education*[142], и я, скрепя сердце, должна выразить вам свое неудовольствие.

Софи очень хорошо знала, что мать думает иначе, что вся тирада эта высказана Анной Ильинишной только ради сохранения своего родительского достоинства, и что вслед за ее ответом неминуемо последует торжественный поцелуй в лоб, а потому и решила не прерывать ее речи, потешить мать на последках.

— Ты настолько хорошо воспитана, — продолжала старуха, — что должна знать, что принято в обществе, и что нет. *Hier vous avez fait infraction a ses lois*: [143] целый день не разлучались с Осокиным! *Je vous demande un peu: est-ce qu'une fille bien nee se mettra ainsi a la risee de tout le monde?*[144]

Софи молчала и только кусала губы: ее ужасно сместила серьезность, с которой мамаша разыгрывала эту комедию.

— *Et vous, Cle-Cle*, — обратилась Ильяшенкова к младшей дочери, — *vous vous etes permis une chose sansnom*[145]: пересест в чужой экипаж и оставить *votre soeur*[146] наедине с молодым человеком!

— Ямщик был! — возразила Клеопатра.

— *Vous dites des sottises!*[147]

— Не мерзнуть же было мне, *maman*, в открытых санях!

— *Mais vous deviez faire attention aux consequenses, a ce que dira le monde!* [148]

— *Le monde n'aura rien a dire, maman*,[149] — вмешалась Софи, которой уже надоела эта сцена. — Я — невеста М-г Осокина!

Краска удовольствия проступила на лице Анны Ильинишны, но это однако не помешало ей выдержать до конца свою роль и притвориться удивленной:

— Ты — невеста?.. Без моего согласия?... *Je n'en reviens pas!*[150] — театрально всплеснула она руками.

— Вчера, по приезде, хотела я сообщить вам, *maman*, о предложении Осокина, но вы были так утомлены, что я боялась вас беспокоить.

— В таких важных случаях бояться нечего: это был твой долг, и ты должна была его исполнить, — наставительно заметила генеральша. — Дать слово, не посоветовавшись со мной!.. Без моего благословения! — восклицала она.

— Я была уверена, что выбор мой не встретит порицания с вашей стороны.

— Это почему?

— Потому, *maman*, что вы слишком хорошо знаете людей и не допустили бы до сближения с вашей дочерью человека недостойного.

— Д-да... *c'est comme ça?*[151] — важно протянула Анна Ильинишна.

— Я прошу вашего благословения, *maman*, — чтобы сразу кончить эту комедию, объявила Софи и опустилась перед матерью на колени.

Ильяшенкова благословила дочь, прочла ей небольшое наставление, и

невеста, приняв всеобщее поздравление, отправилась к отцу. Дорогой Cle-Cle сказала Софи:

— А я ведь нарочно вышла из ваших саней... Видя ухаживания Осокина, я хотела доставить ему случай скорее сделать первый шаг.

— И опоздала, — рассмеялась Софи, — *la glace était déjà rompue!*[152]

С Павлом Ивановичем разговор у невесты был до крайности прост и краток: порадовавшись выбору дочери и благословив ее, генерал тотчас же перешел на практическую почву:

— Умная и ловкая женщина, — сказал он, — всегда сумеет забрать нашего брата в руки — это аксиома. Помни, что со временем Осокин будет богат и что с первого же дня тебе необходимо подчинить его своему влиянию.

Он снова перекрестил дочь и, поинтересовавшись приездом жениха, хотел было уже садиться за письменный стол, но Софи остановила его:

— Мне хотелось бы, папа, чтобы ты разъяснил мои сомнения на счет одного обстоятельства... — и невеста вкратце передала отцу о предположенном Осокиным отказе от наследства.

Павел Иванович расхохотался.

— Есть о чем беспокоиться! Да видано ли это, чтобы кто-нибудь отказывался от денег, да еще от таких денег! Люди, чтобы добыть несколько сот рублей, режут себе подобных, жизнью своею рискуют, а тут, без хлопот, плывут они в руки и вдруг... Ха-ха-ха!.. Орест Александрыч молод еще, фанаберия в голове его бродит, — ну, да и наследство еще в будущем, а как поднесут ему на ладошке тысяч эдак полтора — тогда увидим, как-то он ими побрезгует! Полно, милая моя, не беспокойся и прими еще раз мое сердечное поздравление!.. Откажется!.. Ха-ха-ха!

Павел Иванович торжественно поцеловал дочь в лоб и не менее торжественно умолчал о приданом.

В час пополудни того же дня Осокин в праздничном наряде стоял на коленях рядом с Софи и принимал благословение стариков Ильяшенковых; в три — о помолвке знал уже весь город, а через месяц назначена была свадьба, в великолепии которой никто не сомневался.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Около года прошло после женитьбы Ореста; снова наступила зима, снова начались светские развлечения. В городе, за это время, не случилось ничего достопримечательного. Зато в жизни некоторых лиц нашего рассказа произошли перемены.

Надежда Александровна, получив от дяди и брата субсидию, разошлась с мужем и жила с детьми в Грязях. Благодаря хлопотам Татьяны Львовны, Владимир Львович согласился дать денег на выкуп усадьбы племянницы, а Орест секретно передал сестре, на ведение хозяйства, полученные им от крестного отца в виде свадебного подарка, три тысячи рублей, от которых он, не желая ссориться, не отказался, но которые обратить в свою пользу не пожелал.

Владимир Константинович, сначала не хотевший было давать жене паспорт, принужден был к тому Осокиным, который пугнул его наложением опеки, а потом соблазнил сотнею — другой рублей, которые бывший вивер, конечно, не отверг. Бирюков собрал свои вещи, весьма водевильно разыграл сцену прощания и полупьяный, захватив с собою любимую борзую Стелльку, укатил в свое ярославское имение, доживать в одиночестве свой бурный век. С его отъездом не состоялась, понятно, и предположенная Настей перемена места: она по-прежнему осталась у Надежды Александровны, к великому удовольствию сей последней и к своему собственному. Каменев исполнил свое намерение, сдал экзамен на доктора медицины и поселился в Петербурге.

М-те Соханская пробыла полгода за границей и вернулась в Р* с приятными, как сама она рассказывает, воспоминаниями о некоем итальянском графе, с которым познакомилась на водах и потом «бешено» прожила два месяца в Париже.

М-г Огнев давно уже не у дел, и потому решительно не знает, куда девать свое свободное время, которого, как нам известно, у него всегда много. Губернский лев до сих пор не может забыть своего фиаско с Бирюковой и той холодности, которою наградила его Софи в последнее время перед своим замужеством. Он и теперь не прочь бы поухаживать за нею, но на беду не вхож к ним в дом, да и Осокин — не Владимир Константинович, которого можно умаслить проигрышем или бутылкою-другой шампанского.

Одна Татьяна Львовна по-прежнему видится с Перепелкиной, бранится с Марфушкой, но ей не отказывает и очень сокрушается о том, что Ильяшенков до сих пор ничего не дал за дочь, а блажной ее племянник не только постряс свой капиталец для покрытия свадебных расходов, но, словно принц какой, отказался от трехтысячного дядина подарка и швыряет деньги в такую бездонную кадку, как Бирюков (о Владимире Константиновиче она была уже очень невысокого мнения). Татьяне Львовне очень понравилась новая племянница своею почтительностью, хотя, конечно, в расположении к Софи играло не малую роль и то обстоятельство, что она, Татьяна Львовна, так сказать первая обратила на нее внимание и наметила как невесту, годную для Ореста.

Молодые, по наружности, жили согласно, но взаимные их отношения были

далеко не одинаково искренни: Осокин относился к жене с тою же горячностью, как и в первые дни после свадьбы; он все более и более привязывался к молодой женщине и всею душою был предан ей; Софи же, по удовлетворении страстной горячки, становилась все холоднее и уже равнодушнее начала относиться к ласкам мужа. Этому главным образом способствовало то, что надежда ее на перевоспитание Ореста все слабела и слабела. Осокин глубоко любил жену, но ставил высоко и свои убеждения, и никакие ласки Софи не могли изменить его взглядов или заставить отклониться от усвоенных им принципов. Три тысячи, посланные дядей, от которых Орест отказался в пользу сестры, послужили началом скрытого разлада между супругами; от них-то, как говорится, весь сыр-бор и загорелся. Софи страшно оскорбилась, увидя, что ни ласки ее, ни просьбы не подействовали на решение мужа; надежда на то, что будущее наследство гораздо крупнее этих трех тысяч и что отказаться от него будет далеко не так легко, как от свадебного подарка, ввиду твердого характера Осокина, становилась все более призрачной и мучительное беспокойство овладевало молодою женщиной: «Не любит он меня, — рассуждала Софи. — Если бы любил — все бы сделал, чтобы только утешить... Он — деспот... Ему только на своем поставить!»

Софья Павловна, как и многие жены, не постаралась изучить как следует своего мужа; внутренних его достоинств, которые бы могли составить счастье другой женщины, она не смогла оценить; кроме того, понятия ее о любви были довольно своеобразны: «не удовлетворяет всем ее прихотям — значит, не любит!» Ко всему этому скромная жизнь Ореста казалась ей тяжелою; невозможность выезжать так же часто, как прежде, блистать новым и богатым туалетом у себя дома, раздражала Софи и уязвляла ее светское самолюбие. Часто и долго плакала она после встречи в обществе с другою какою-нибудь молоденькою дамою, в эффектном наряде, приехавшею на рысаках с чиновным, но не старым еще, мужем. Невыносимы были также ей слухи о новых партиях, делаемых ее сверстницами, которые, по ее мнению, не стоили ее ботинка, а между тем выходили за людей богатых и красивых. Но все эти страдания Софи становились для нее еще тяжелее от того, что она должна была не только скрывать их от мужа, но еще, для приобретения над ним влияния (Софи все еще надеялась!), подделываться под его тон и взгляды и сплошь и рядом высказывать совершенно противоположное тому, что у нее было на душе.

Неестественность эта не укрылась от Ореста, но он далек был от того, чтобы угадать настоящую ее причину. Сначала, веря в безграничную любовь к нему Софи и замечая скучающее и недовольное ее лицо, он относил это к неудовлетворенному желанно ее быть постоянно с ним, но потом, когда Осокин стал наблюдать за хандрой Софьи Павловны попристальнее — он с горестью увидел, что и в его обществе лоб жены не разглаживался и расположение духа ее нисколько не менялось к лучшему. Тогда он прибегнул к различным средствам: давал Софи книги, читал ей вслух, доставал разные работы, возил в театр, делал вечеринки; но за чтением Софья Павловна дремала, книги на первых же страницах желтели от пыли, начатые вышивания отдавались на попечение горничной, а вечера Ореста, по словам Софи, в такой маленькой квартире лишены блеска и сливок общества, были крайне скучны и отзывались чем-то мещанским. Осокин из кожи лез, чтобы только как-нибудь угодить жене, но, к сожалению, это редко ему удавалось: Софи, воспитан-

ная на широкую руку, не привыкшая ценить деньги, считала всякую трату их ничтожною, и потому предъявляла мужу часто такие требования, на которые тот, несмотря на все желание, никак не мог согласиться вследствие самых простых экономических расчетов. С другой стороны, подарки мужа, цены хотя и высокой для его состояния, но жалкой для избалованной его супруги, хотя и принимались ею, но не доставляли ни малейшего удовольствия. И то и другое бесило Софи и наводило ее на многие и тяжелые размышления: «Ну нельзя было бы получить денег — тогда и говорить бы нечего, — рассуждала она. — А то кто же виноват в том, что мы чуть не бедствуем? Ведь только руку протянуть, и деньги будут!.. Бог весть с чего отшатнулся от дяди, подарок его отдал сестре, да еще замышляет отказаться от наследства!.. Да со мной-то, что тогда будет?.. Господи! И зачем я за него вышла!»

Слова эти хотя и вырвались у Софи невольно, но они не удивили ее и не заставили ее раскаяться: они представлялись совершенно последовательным выводом из ее рассуждений. С своей точки зрения, Софи считала себя вправе высказать подобное сожаление: в самом деле, шла она замуж, хотя и по любви, но никак не в пастушескую хижину, не на кринку молока и кусок хлеба. Молодая женщина понимала любовь, но не обставленную трудом и лишениями, а окруженную блеском, комфортом, удовлетворением малейших прихотей. Все это, казалось, она нашла в Осокине и полюбила его... но в том-то и заключалась ее ошибка, что увлеклась она не им, а тем идеалом, который был ею создан и под мерку которого, по мнению Софи, подошел Орест. Покуда держался идеал в своей золотой оболочке — держалась и любовь, покойна была и душа Софи; стала исподволь обламываться та дорогая штукатурка, которая так манила ее, проглянул человек, достоинств которого она не могла оценить — и страстный каприз начал охладевать, испаряться, а на место его явились скука и позднее раскаяние.

Осокин, хотя и весьма далек был от тех чувств, которые волновали душу его жены, не мог однако не согласиться с своим тайным голосом в том, что семейная его жизнь устроилась не совсем так, как он желал и предполагал. У Ореста тоже был свой идеал, но диаметрально противоположный идеалу Софи: он искал в жене, кроме чистой, неподкупной любви и дружбы, еще тождественности во взглядах и убеждениях, прочных задатков супружеского счастья. Всего этого, казалось ему, он мог ожидать от своей невесты: увлеченный страстью, он слепо верил рассуждениям Софи о тихой жизни, ее бескорыстии и любви к уединению, а разговор на возвратном пути с пикника, о замышляемом им отказе от наследства, окончательно разрушил все его сомнения насчет характера Софьи Павловны. Конечно, другой на его месте, более умудренный опытом и знанием людей человек, не так легко поддавался бы разглагольствованиям Софи, скоро разгадал бы ее подделку под его тон и взгляды и, во всяком случае, со всех сторон постарался бы изучить характер своей будущей жены, но Осокин, как мы и выше видели, не был таким человеком. Одностороннее воспитание, направленное исключительно в сторону пуританизма, отдалило его от жизни, а удаление это в свою очередь помешало ему изучить людей и практическую ее сторону. Эта-то неопытность, да вдобавок непонимание одним другого, разница в воспитании и были причинами, которые мало помалу, но верно, начинали подрывать семейное счастье молодых Осокиных.

В аристократическом кружке города Р. задуман был спектакль любителей; предполагали дать «Ошибки молодости» Шеллера и два водевиля. Роль княгини, по внушению Соханской, предложили Софье Павловне, а роль управляющего — Огневу. М-ме Осокиной очень хотелось явиться на сцену в черном бархатном платье, но его у нее не было. Павел Иванович не считал нужным включать его в список приданого, — пришлось обратиться к мужу. Орест крайне огорчился невозможностью исполнить желание жены:

— Дорогая моя, — сказал он, обнимая и лаская ее, — пойми, ради Бога, как горько мне отказать тебе, в просьбе... все помыслы мои направлены к тому, чтобы малейшая прихоть твоя исполнялась, но не могу я, ангел мой, решиться на подобный расход... Не могу, а не то, что не желаю!

«Все это одни слова, чтобы прикрыть свою скупость и деспотизм! — промелькнуло в голове Софи. — Захотел бы, так купил!» И, изменив своему обычному притворству, она надулась.

— Ты думаешь мне приятно досаждать тебе? — взяв у жены руку и целуя ее, ласково продолжал Осокин (он подметил неудовольствие Софи). — Да если бы была возможность — я бы озолотил тебя!

«Как лжет-то! — уже со злостью подумала Софья Павловна. — Точно не от него зависит!»

— Но будь благоразумна... состояние у нас весьма ограниченное... Подойди, дружок, я подсчитаю тебе наши доходы...

Софи, занятая мыслью о бархатном платье, готова была послать к черту все всевозможные расчеты, но, не желая сердить мужа, встала и подошла.

— Вот, дорогая моя, — взяв карандаш и бумагу, посвящал ее в хозяйственные тайны Орест, — с усадьбы — 500–600 рублей, и то в урожайный год, с капитала — рублей 200, жалованья — 1500, всего 2200–2300 рублей... Из каких же денег, Сонечка, заводить платья в двести рублей? Не в долги же лезть?.. Будь умница... рассуди серьезно... ведь у нас дети могут быть — на что мы их воспитывать-то будем!

«Дети!.. Вот еще глупости выдумал! — снова мелькнуло в голове Софи. — Лучше бы сам-то умницей сделался: сошелся бы с дядей — и делу конец!»

— Ты сердись на меня! — грустно сказал Осокин, не получая ответа. — Бог с тобой, Соня!

Он бросил на стол бумагу и карандаш и стал ходить по комнате.

— Не сержусь я на тебя, — возразила Софи, — но признаюсь, неприятно мне отказать от спектакля... Ты сам знаешь, как мало я выезжаю!

— Да разве нельзя эту роль исполнить в шелковом платье?

— Конечно можно, если ты захочешь, чтобы твоя жена была одета хуже других!

Фраза эта покорила Ореста: от нее повеяло чем-то мелочным, даже пошленьким.

— А для тебя главное — затмить других своим туалетом? — не выдержал Осокин.

Софья Павловна тотчас же остереглась.

— Чтобы доказать тебе противное — я сейчас же напишу Ketty об отказе.

Осокин задумался; ему очень неприятно было огорчить жену, и вместе с тем решиться на такой крупный расход он боялся.

— Прости меня, — спустя минуту подошла Софи к мужу и поцеловала его в

щеку, — я увлеклась ребяческим желанием участвовать в спектакле, необразив, что ты и так на меня порядком тратишься... Ведь я ничего не внесла в твой дом кроме расходов.

Оресту вдруг почему-то стало ужасно совестно; он молча заключил жену в свои объятия, а в тот же день вечером Софи любовалась прекрасным бархатом, подаренным ей мужем, и втайне радовалась влиянию, которое, казалось ей, она приобрела над Орестом.

История с бархатным платьем, рассказанная Софьей Павловной Катерине Ивановне под первым впечатлением и до удовлетворения ее просьбы, сразу поставила опытную вдову au courant[153] семейной жизни Осокиных. Правда, она и прежде замечала некоторый разлад между супругами: Орест, например, не хотел знакомиться с Соханской, а жена его довольно часто навещала ее; делалось ли это тайком от мужа или с его согласия — было, в сущности, все равно: обман или вынужденное разрешение одинаково показывали неискренность отношений молодых людей. Но до спектакля Софья Павловна многое скрывала; невозможность явиться в пьесе настоящей княгиней, в бархатном платье, взорвала ее и она не утерпела, чтобы не сдать с души волновавшие ее чувства; слово «деспот» было произнесено. Катерина Ивановна вполне согласилась с правильностью взгляда своей подруги, довольно картинно вызвала в свой памяти воспоминания о гнете, который она перенесла и который предстоял Софи, и весьма тонко намекнула на громадность ошибки, сделанной сею последнею, в смысле предпочтения Осокина Огневу.

— *Chere amie, c'est un baron feodal que votre homme...*[154] Хорошего от него ничего не ждите... *Et puis cette idee...*[155] постоянно отталкивать руку, дающую золото, — *cela n'a rien de consolant pour une jeune femme comme vous!*[156]

Интересная вдова таки постаралась в этот визит настроить Софи на свой лад и, если бы не подарок Ореста, снова возбуждивший, как мы выше видели, надежды молодой женщины, домашний мир Осокиных был бы нарушен в весьма непродолжительном времени.

II

Разрыв с мужем, которого так опасалась Надежда Александровна в разговоре с братом, удивил ее тем, что прошел для нее почти без всяких особенных потрясений: она ожидала совсем другого. Правда, много способствовали этому удачное разрешение материального вопроса и дружба брата, который, вызвав, наконец, сестру на откровенность, прямо объявил ей, что сочувствует любви ее к Каменеву, и будет всячески стараться устроить развод ее с Бирюковым: «Владимир Константинович, — сказал он ей, — всегда пойдет на сделку, — были бы только деньги... Ну, достанем их как-нибудь!» Не лишним оказалось, конечно, и присутствие Насти: эта простая, милая девушка своим искренним ухаживанием немало облегчила тяжелые минуты Бирюковой.

Отъезд Бориса Яковлевича, перемена образа жизни, материальные заботы — все это не могло не подействовать на слабое здоровье Надежды Александровны; но вмешательство близких людей, а главное надежда, поданная ей Орестом, оживили бедную женщину: возможность счастья блеснула перед ней и она поправилась. Конечно, она не замедлила сообщить обо всем Каменеву, тот ответил, и между ними завязалась переписка, которой пока довольно было для освещения той будничной жизни, которую вела Надежда Александровна, тем более, что известия, получаемые ею от Бориса Яковлевича были самого успокаивающего свойства: экзамен его сошел блистательно, а каждая строчка его письма дышала такою беспредельною любовью, такою чистотою чувства, что Бирюковой отрадно было сознавать, как все выше и выше поднимался в ее глазах дорогой для нее человек, и мечтать о счастье сделаться когда-нибудь его женою.

Между тем как Надежда Александровна, живя в деревне, предавалась своим мечтам, и надеждами на будущее скрашивала свое грустное настоящее, зловка ее, Софья Павловна, чуть не каждый день ездила на репетиции и своею игрой приводила в восторг всех р-ских театралов. Муж, занятый службою, редко сопутствовал ей, и Софи очень была рада, в отсутствие его, порасправить хотя немного свои крылышки, потерявшие отчасти свою гибкость от недостатка практики и перемены жизни. К тому же мысль употребить все старания, чтобы окончательно поработить Ореста и, заставив его полюбить себя еще более чем прежде, безгранично властвовать над ним, все более и более овладевала Софи. Уступка Ореста в покупке бархатного платья показалась ей хорошим предзнаменованием. Софья Павловна не поняла побуждений, вследствие которых Осокин согласился на ее просьбу; она видела только, что каприз ее исполнен, что мужу больно отказывать ей, и вывела из всего этого заключение, что надо этим пользоваться и забирать Ореста в руки.

Участие Огнева в той же пиесе, в которой играла и Софи, и проистекавшие из этого частые встречи с ним и разговоры не могли быть приятны Осокину; этим она решилась воспользоваться и, заронив ревность в сердце мужа, потом по мере надобности пугать его этим страшным призраком. Задавшись такою целью, Софи переменила и обращение свое с Огневым: мало помалу она перешла с ним на прежний фамильярный тон и раз-другой позволила себе и пококчетничать. Этого, конечно, довольно было для самонадеянного франта, чтобы сразу заставить его позабыть все прежние его неудовольствия на Софи и снова возгореться пламенным желанием ухаживать за нею.

День спектакля был совершенным торжеством для Софи: эффектная роль, осмысленная, бойкая игра, туалет — все сгруппировалось для того, чтобы выставить в полном блеске и без того красивую женщину. Вызовам, рукоплесканиям, комплиментам не было конца. Осокин был в восторге; как безумный влетел он в антракте на сцену, целовал руки жены и радовался как ребенок. Софи тотчас же надумала воспользоваться подобным его настроением: она отвела Ореста в сторону и ласково, заискивающим тоном, сказала ему:

— Знаешь что, Орест... ссора твоя с Огневым ставит меня в крайне неловкое положение: все спрашивают, что вышло между вами... я не знаю, как и отвечать.

Осокин нахмурился.

— Ссоры у меня с ним никакой нет, а попросту я не хочу кланяться подобному мерзавцу.

— Против тебя лично он ничего не сделал, ты же первый ответил дерзостью на его поклон.

— Но эта дерзость в то время была одобрена тобой?

— Я и теперь скажу, что с Огнева иногда не мешает побить спеси; но с тех пор прошло уже довольно времени... можно бы и оставить это... И для Нади было бы лучше, чтобы весь этот вздор поскорее забылся, а то теперешние отношения ваши дают только пищу для сплетен и больше ничего.

— Чего ж ты от меня требуешь? — серьезно спросил Орест.

— Огнев желает выразить тебе свое глубокое сожаление о сделанной им глупости...

— Не глупости, а оскорбления, — поправил Осокин. — За подобные вещи мужья, конечно не Бирюковы, кровно расплачиваются!

— Ну, о оскорблениях... Он сделает тебе визит и...

— Визит?!.. Нет, уж этого не будет! Извинение его я принять могу, а от посещения прошу уволить!

— Подумай, Орест: ведь могут сказать, что оттого ты не принимаешь Огнева, что история его с Надей все еще не кончена или, чего доброго, — здесь ведь мастера на выдумки, что ты из-за меня его опасаясь!

Софи улыбнулась и нежно посмотрела на мужа; но взгляд этот пропал даром.

— Пусть говорят, что хотят, а Огнева я не приму. Тебе я не навязываю своих мнений: ты можешь по-прежнему продолжать знакомство и с ним и с Соханской, хотя странен немножко такой разлад между мужем и женой в оценке личностей.

Он поцеловал руку Софи и пошел со сцены, далеко уже не такой веселый и счастливый, каким входил на нее; желание жены видеть Огнева у себя в доме почему-то беспокоило его. Ему вдруг припомнилось, что то же или почти то же почувствовал он в собрании, когда Огнев весело болтал с Софи, когда разбитная дама указала на нее, как на предмет страсти губернского льва. «Но ведь это ревность! — мысленно воскликнул Осокин и сам ужаснулся, как мог он дать волю своим размышлениям, позволить возникнуть в своем сердце таким подозрениям. — Кто дал мне право унижать женщину, ни в чем неповинную?.. Какая низость!» И ему действительно сделалось стыдно самого себя за свои нечистые помыслы; он постарался отогнать их и, с полнейшим вниманием, стал слушать пиесу.

Софи нисколько не рассердилась на мужа за его отказ принять визит губернского льва: «Все к лучшему, — рассуждала она. — Мы будем встречаться у Ketty, и эта таинственность еще сильнее возбудит ревность Ореста».

Но молодая женщина и не догадывалась, что план, созданный ею, как нельзя более приходился на руку Огневу и Соханской, и что именно этою-то таинственностью она попадала в ловушку, которою те не замедлят воспользоваться.

По уходе Осокина к жене его подошел Леонид Николаевич. Софи похвалила его игру.

— Я сам чувствовал, что у меня хорошо выходит, — отвечал он.

— Вот как!

— Да, потому что я вошел в роль; вы, Софья Павловна, хоть кого наэлектризуете!

Осокина слегка покраснела.

— *Trêve de compliments!*[157] — улыбнулась она. — Я уже довольно их наслушалась.

— К сожалению, это не комплимент, а горькая правда! — вздохнул Огнев.

— *De quel ton vous me dites cela!*[158]

— Лучше было бы не наэлектризовываться! А то что же? Кончится сегодняшний вечер, а с ним и мое мимолетное счастье!

— Как заметно, что вы часто упражнялись в разных *declarations*[159]! — иронически заметила молодая женщина.

— Если б вы знали, Софья Павловна, как я был обрадован переменой вашего обращения со мной: мне так тяжело было переносить ваше пренебрежение!

— Право? — усмехнулась Осокина.

— Вы мне не верите... Вы думаете, что перед вами прежний фат, — вы как-то дали мне это название — *qui passe son temps a debiter des compliments banals a toutes les femmes*[160], — нет, Софья Павловна, брак ваш сильно встряхнул меня. *Comme c'est juste*[161]: тогда только и оценишь, как следует, когда потеряешь!

— *Voyons un peu*[162], М-г Огнев: к чему эти иеремиады?

— Они вырвались помимо моей воли... Простите!

Он церемонно наклонился.

— Ну что ваш процесс? — после небольшой паузы, переменила разговор Софи.

— Тянется.

— Есть надежда на благоприятное для вас окончание?

— Даже большая, как пишет мой адвокат... *Mais pardon...*[163] вы исполнили мою просьбу?

— Какую? — небрежно спросила Осокина.

— Относительно вашего мужа?

— А!.. Да, исполнила.

— *Et votre mari?*[164]

— *Ne veut pas vous recevoir!*[165]

Франта передернуло.

— *Je m'attendais a cela...*[166] Он не может простить мне моего ухаживания за вами!

— Напрасно вы так думаете: муж мой не настолько мелочен, и в доказательство этого я играю и говорю с вами.

— Через полчаса это будет уже в прошедшем! — вздохнул Огнев.

— Даже ранее, — улыбнулась Софи, — я сию минуту ухожу в уборную: моя роль актрисы кончилась.

Она подала Огневу руку, которую тот осмелился хотя и слегка, но выразительно пожать.

— *Mes affaires vont mal*, — улучив минуту, пожаловался Леонид Николаевич Соханской, — *cet ours ne veut pas me recevoir!*[167]

— *Raison de plus*[168], чтобы Софи захотела вас видеть! Потерпите немного, и мы все это устроим... Сколько я могла заметить, Софи что-то затевает и, если я не ошибаюсь, оборвется на своих затеях?

III

Две недели прошло со дня любительского спектакля, и в домашней жизни Осокиных не случилось ничего достопримечательного. Софья Павловна скучала, ездила к Соханской, где почти всегда, как бы невзначай, встречалась с Огневым, навещала родителей и Татьяну Львовну и весьма ловко запускала им крючочки насчет деспотизма и нелепых идей мужа, разыгрывая из себя будущую мать, сильно беспокоящуюся о печальной участи своих детей. Татьяна Львовна, и без того сокрушавшаяся о блажи Ореста, принимала сторону политической племянницы, утешала ее, как могла, но вместе с тем, выпевала ей и то, что имела на сердце против Павла Ивановича.

— Остя — блажной, слов нет, — говорила она, — но и папенька твой не особенно хорошо поступает: как, скоро год минет, а он хоть бы вот эстолько за тобою дал! Ведь, не рассердись Соня, а люди говорят, что все-то приданое твое в кулаке унести можно — ну хорошо разве это?

Софья Павловна и сама прекрасно понимала, что это не хорошо; что гораздо приятнее бы было заполучить от папаши хотя малую толику, эдак тысяч двадцать примерно, но вместе с тем она знала и то, что Павел Иванович себе на уме и что почти бесполезно заводить с ним подобную материю. Татьяна Львовна, однако, убедила племянницу попытаться счастья — и вот, однажды Софи заметила старику, что в городе чуть не в один голос кричат о его скупости и дурной привычке не держать данного слова.

— Репутация моя, Софья Павловна, сделана, — гордо возразил Ильяшенков, — и не в шестьдесят слишком лет заботиться мне о городских сплетнях. Два-три негодья не подорвут составившегося обо мне десятилетиями хорошего мнения! Что я сказал — от того не отказываюсь: умру — все ваше.

Тем разговор и кончился; почтеннейший Павел Иванович вновь посулил дочери журавля в небе, а дать синичку в руки считал преждевременным: очень уж сжился его превосходительство с сей милой пташкой.

В то время как *madame* Осокину и тетушку Татьяну Львовну беспокоили корыстолюбивые мысли, в душе моего бедного героя шла тревога совершенно иного рода: он видел, что Софи скучает, недовольна своим положением — и горькая дума о том, что он «выдыхается» для жены, чаще и чаще начала приходиться ему в голову. Сердце его сжималось, разочарование, тоска неразделяемого чувства, скорбь по недостигнутому идеалу, сознание, что любовь, та лучезарная любовь, которая так еще недавно пригревала его своими лазурными

крыльями, отлетает от него, теряет свои блестящие краски, холодили ему сердце, отравляли его спокойствие. Дорого дал бы теперь Орест за то, чтобы повторились эти, канувшие в вечность, блаженные минуты, когда с прелестных уст Софи страстным полусшепотом срывались слова любви, когда дрожащая, стыдливая прятала она свое горевшее лицо на его взволнованной груди!

Екатеринин день, кроме большого числа именинниц, принес сливкам русского общества еще немаловажное развлечение: не успел дежурный телеграфист переписать пришедшую на имя Осокина из Москвы, депешу, как об этом уже был осведомлен начальник станции, а затем, по заведенному в губерниях порядку, содержание телеграммы, конечно по секрету, было передано его близким — и чуть не полгорода узнало о том, что дядя Ореста при смерти, гораздо ранее, чем молниеносный рассыльный позвонил у дверей осокинской квартиры.

Весть о безнадежном положении Владимира Львовича не могла не потрясти впечатлительную душу Ореста, но не менее встревожила она и Софью Павловну, хотя и совершенно в ином смысле: теперь-то, перед отъездом мужа, приходилось ей испробовать свою силу над ним, и... или лечь костями, или торжествовать победу.

Орест сам избавил жену от неприятных лавирований и тяжелой обязанности первой поставить вопрос о наследстве: собравшись в присутствие, он обратился к ней с следующими словами:

— Дорогая моя, смысл телеграммы таков, что мне нечего ждать выздоровления дяди... Уезжая, приготовившись ко всему дурному, я опять напоминаю тебе о том, что я говорил накануне нашего обручения: «Не приму я этого наследства». Тогда ты изъявляла готовность следовать моим взглядам, сочувствовала им, — не сомневаюсь, что и теперь, Соня, ты разделяешь мои убеждения?

Вопрос поставлен был ребром; Софи чувствовала это и, Боже мой, сколько разнообразных планов мелькнуло в ее голове, сколько противоположных ощущений потрясло ее взволнованную душу!

— В то время, Орест, — отвечала она не совсем спокойно, — я была еще неопытна; я не могла сознавать всей непрактичности твоего намерения. Передо мной была только идея, которую я приветствовала потому, что она была высока и честна. Но, сделавшись женщиной, раздумавшись над жизнью, где деньги играют главную роль, приготовившись, быть может, быть матерью, я взглянула на это иначе: хороша твоя идея, Орест, но будущие дети мне дороже ее; не поворачивается у меня язык дать теперь свое согласие на их бедность!

Осокин был неприятно изумлен; даже нетерпение выразилось на его лице.

— По-твоему, Софи, — горячо возразил он, — наши будущие дети рискуют быть бедными, если не кутать их в бархатные шубки, не водить в брюссельских кружевах? Если на их крестины не созвана будет толпа народа и несколько бутылок шампанского не оприветствуют их появление на свет?.. Нет, не так понимаю я бедность; наши дети не пойдут протягивать руку, не будут страдать от голода или дрожать от стужи — и слава Богу! Им легче, чем другим, избрать прямую дорогу, дорогу чести и труда! Пусть в примере, который им дадут отец и мать, они приучаются к труду и поймут, что назначение человека — не блистать роскошью, не добывать деньги сомнительными путями, а работать на пользу свою и общую, созидать свое благосостояние не на

плутнях и так называемых, торговых оборотах, а путем честным, трудовым... Пусть наградою будет им не лживая похвала накормленных ими гостей, не уважение к их богатству, а спокойная совесть, сознание своей правоты и чистота убеждений!

«Это просто пункт помешательства! — думала Софи. — Да его не сдвинешь с этой мысли!»

— Орест, — ласково сказала она мужу, — все, что ты говорил — прекрасно; но, друг мой, нельзя разве воспитать детей и приготовить из них полезных деятелей, не отказываясь от того, что посылает нам Бог?

— Нет! — быстро перебил жену Осокин. — Бог дал нам сердце и разум; с помощью их выработал я свои убеждения... К чему ж тогда добытая мною нравственная сила, если при первом удобном случае я не задумаюсь ею пожертвовать?

— Но, милый мой, — вкрадчиво заметила Софи, — кто дал тебе право судить так строго заблуждения других? Почему ты знаешь, что состояние, от которого ты теперь хочешь отказаться, не нажито подобно сотне других?

— Что оно нажито подобно тысяче других — об этом я и спорить не стану, Соня; но если прежде я бежал из дядиных раззолоченных палат потому, что в них мне душно было — не след мне теперь изменять своим убеждениям и сознательно, дрожащей рукой передавать тебе и детям деньги, от которых все время отрекался!

Он взял шляпу, поцеловал жену и отправился хлопотать об отпуске. С его уходом Софи сбросила маску: «Все пропало! — отчаянно воскликнула она — и соболиные брови ее сердито сдвинулись. — Что сделаешь против мании? Это какое-то сумасшествие, против которого бессильны и моя любовь и мои ласки!.. О, Боже, мой, для чего понадеялась я на свои силы, выйдя замуж за этого человека! Вот оно, мое влияние... много принесло пользы!.. Это камень, а не человек... его ничем не растрогаешь, ничем не усыпишь... Он всем жертвует для своих бредней: и женой, и детьми, и своим собственным спокойствием!»

И роскошное здание, которое еще так недавно и с таким наслаждением рисовала себе Софья Павловна, тот блеск, перед которым она заранее уже щурилась, — вдруг все это рухнуло в несколько минут, погрузив ее во мрак, в котором она уже не различала ни одной светящейся точки!

Но трудно оторваться человеку от облюбленной и выношенной им мысли; услужливая надежда не оставляет его и тогда, когда, казалось бы, все уже кончено и приходится только покориться выпавшему на его долю жребию. Софья Павловна, скорее, чем всякий другой, готова была уцепиться за малейший ее призрак и бороться с препятствием до истощения сил. Она велела кликнуть извозчика и, с нервной торопливостью, помчалась к отцу.

Павел Иванович внимательно выслушал дочь и, с полною верою в свой авторитет, возгласил:

— Успокойся, я его урезоню.

Но самонадеянность его превосходительства сразу оказалась несостоятельною; хотя Павел Иванович и старался выгородить Софи, мотивируя свой визит желанием проститься с зятем, но Орест понял, что это ложь, что тут действовала жена, и потому крайне огорчился и озлобился.

— Напрасно взяли вы на себя труд уговаривать меня, Павел Иванович, —

немного резко сказал он тестю. — Я стараюсь поступать по возможности обдуманно... и если я уже решился на что-нибудь, не вам разубедить меня.

— Однако, мой милейший, — возразил Ильяшенков, — я отдавал вам дочь не для того, чтобы она терпела нужду. Я — отец и следовательно имею некоторое право...

— Наделять ее — да! — перебил Осокин. — И никто вам в этом не помешает, но моих убеждений, моих взглядов — вы не судья! Софи не малолеток; она не была им и тогда, когда вы отдавали (он подчеркнул это слово) ее замуж. К сожалению, то, что теперь так рельефно выясняется, мне надо было раньше видеть, раньше понять, что и в любви ко мне Софи, и в расположении вашем ко мне играла роль не моя личность, а мое будущее наследство!

— Орест!.. Орест Александрыч! — воскликнули вместе жена и тесть.

— Да, наследство! — с легкой дрожью в голосе продолжал Осокин, и красные пятна выступили на его щеках. — Горько, тяжело сознавать, что все, чем я жил до сих пор, было сон, мечты... Невыносимо пробуждение! Но ребячество и утешаться несбыточным, когда видишь, что истина предстала во всей наготее!.. Соня! — в отчаянном порыве схватил он руку жены. — Зачем хитрила ты со мной?.. Зачем, в ответ на мои искренние слова, внесла ты в наши отношения ложь, постыдную игру?.. Не во сто ли раз честнее было признаться в своей слабости, в том, что шаг, который я предлагал, тебе не по силам? Тогда ты бы разбила только мое чувство — теперь же ты разрушила всю мою жизнь!

Он бросился в кресла и закрыл лицо руками. Софи молчала, и только бледность щек свидетельствовала о ее внутренней тревоге.

— Не понимаю, к чему все эти громкие тирады, — усмехнулся Павел Иванович, — когда дело идет только о том, чтобы отказаться от заблуждений и тем внести мир и тишину в свое семейство!

— От заблуждений! — вскочил Орест и быстро взглянул на жену и тестя. — Да, — немного помолчав, грустно проговорил он, — вы правы; для практических людей это — заблуждение... Так вот, — горько улыбнулся он, — чем должен был держаться мир в моей семье — договорились!

— Однако, — нахмурился Ильяшенков, — вы уже слишком... Этот тон...

— Тон? — воскликнул молодой человек. — Вам не нравится мой тон?.. Не салонным ли языком прикажете вы выражаться человеку, у которого вдруг, в один момент, рухнуло все будущее, исчезли вера и надежда?.. Поймите, ваше превосходительство: вы убили меня... Вы опошили в глазах моих то, чем я дорожил более всего на свете: любовь моей жены!

Павел Иванович молча пожал плечами и взялся за шляпу.

— Бедная! — тихо сказал он дочери и торжественно поцеловал ее в лоб. — *Bon voyage!*[169] — обратился он к зятю.

Тот поклонился и, не отвечая ни слова, проводил тестя.

По отъезде его, муж и жена несколько минут молчали; Орест ходил по комнате грустный и взволнованный, Софи сидела бледная, задумчивая. Обоим было тяжело. Но то, что творилось в душе их, было далеко не одинаково: Осокин плакал о своей погибшей любви, страдал на развалинах своего счастья; Софи мучило ее бессилие над мужем, оскорбленное самолюбие, неудавшаяся карьера. Один терзался из-за благ нравственных, другая — из-за благ вещественных!

— Орест, — пересиливая себя, почти ласково сказала Софи мужу, — ты мо-

жет быть заметил, что я не сказала ни слова во время вашего разговора... я это сделала нарочно, считая неуместным спорить с тобою при свидетелях, хотя бы то был и мой отец. Теперь, когда мы одни, сядь и поговорим.

Осокин сел.

— Ты оскорбил меня совершенно незаслуженно; мою любовь ты представил в виде какой-то постыдной сделки... Ты унизил меня в том, что священнее всего для женщины!

Она остановилась немного и исподлобья посмотрела на мужа: тот сидел нахмуренный, подперши рукою голову, и легкая краска пробежала по его лицу при последних словах жены.

— Я не ответчица за слова отца, — продолжала Софья Павловна, — и, возражая ему, тебе не следовало задевать меня... Ну, да не в том дело... Женщина, которая любит, не оскорбляется часто даже и побоями... В чувствах моих к тебе уверять я не стану; веришь ты им — хорошо, сомневаешься — слова мои не убедят тебя... Возвращусь к нашему разговору: ты все обдумал, не боишься, что совесть упрекнет тебя впоследствии, что будущие дети может быть иначе взглянут на твой поступок?

— Не боюсь! — поднял голову Орест и прямо взглянул в глаза жены.

— Послушай, — с скрытою досадою сказала она помолчав, — ты утверждаешь, что любишь меня, но сколько я слышала и насколько понимаю любовь — человек, истинно любящий, жертвует всем для любимой женщины... на преступление даже идет... А ты...

— А я не хочу его совершить — правда!

Глаза Софи сверкнули гневом.

— Но то, что ты называешь преступлением, в глазах всего света, получение наследства и только!

— Соня! — встал с места Орест. — Будет нам препираться! Наши взгляды расходятся: ты любишь золото, я — правду. Сбрось с себя то, что привито к тебе плохим воспитанием и примкни ко мне искренне и тесно! Исправляться, друг мой, никогда не поздно!

Он взял руку жены и выразительно пожал ее, но рука дрожала, а лицо Софи то бледнело, то вспыхивало.

— Что с тобой? — спросил молодой человек.

— Что со мной? — оттолкнув руку мужа и задыхаясь от волнения, вскричала Софья Павловна, — я вдумываюсь в ваши слова... А... так я люблю золото, а вы — правду!.. Но, правдивый, честный человек, разве так платят женщине за ее любовь?.. Деспотизмом и полнейшим ее подчинением всем вашим маниям и капризам? Вы советуете мне исправиться... да я исправлюсь! Я вылечусь от этой любви, которой вы не стоите! Я охотно уступлю вам, когда нужно, но безответно исполнять ваши причуды не намерена! (Голос ее перерывался от сильного горлового спазма) — Не беспокойтесь, — остановила она мужа, который, весь бледный, наливал воду в стакан, — я не впаду в истерику... это удел слабых женщин, а я, слава Богу, еще сильна... Ступайте, делайте, что диктуют вам ваши принципы — со временем я выскажу и свои!

И вся дрожащая, разгоревшаяся, блистая дерзкой красотой, молодая женщина вышла из комнаты.

Пошатнулся Орест от обрушившегося на него удара, но не пошатнулись его убеждения. Он велел подавать экипаж и, со смертию в душе, отправился

встречать кончину близкого ему человека.

IV

Между тем, как Павел Иванович, пожимая плечами, рассказывал своим присным о слабоумии зятя, Татьяна Львовна охала и служила молебны о здравии брата, а Софья Павловна рвала и метала от злости, город Р. переходил от изумления к изумленно: не успела еще весть о предположенном Осокиным отказе от наследства облететь главные пункты сплетни, как новость совершенно однородная, только с другою развязкою, взволновала умы р-цев: Леонид Николаевич Огнев выиграл процесс.

Такое происшествие произвело положительную революцию в аристократических слоях: прежние враги губернского льва вдруг почему-то стали показывать ему величайшую нежность, строго нравственные папаши и мамыши, считавшее Огнева во время оно шалопаем и дерзким волокитой, начали с ним заигрывать, а в головках скучающих барынь и жаждущих венца барышень образ Леонида Николаевича внезапно окружился самым блестящим ореолом. Небывалые качества начали приписываться счастливцу, самые ошибки его облеклись в форму достоинств, а цифра выигранного им состояния, в устах городских кумушек росла как снежный ком. В один какой-нибудь день Огнев сделался и богачом, и редким служакою, и настоящим львом с золотыми когтями, и примерным во всех отношениях человеком. Подумаешь: как деньги-то украшают слабого смертного! В глазах Софи Леонид Николаевич выиграл чуть не пятьдесят процентов; как прежде слегка относилась она к его ухаживаниям, так теперь боялась его пренебрежения. Правда, сильный переворот произвела в ней история с Орестом: золотой идол оказался глиняным чурбаном, а оскорбленное самолюбие, разбитые надежды и злоба на мужа нашептывали ей мысль об отмщении. Тонкая нить, связывавшая супругов, оборвалась; страстный каприз Софи, поддерживавшийся радужными мечтами о богатстве, с исчезновением их, канул в вечность, оставив по себе, в виде воспоминаний, только горькие сожаления, да позднее раскаяние. От Ореста ждать было более нечего; в глазах Софьи Павловны он представлялся уже не иначе, как бесполезною вещью, на которую нет цели обращать даже внимание: «Не любить же в самом деле такого идиота, — рассуждала она, — и, выслушивая его дурацкую мораль, дойти до того, чтобы ходить в ситцевых платьях и ездить на извозчиках! Теперь у нас, по его милости, две с чем-то тысячи в год... это со службой... А выгонят его или опять найдет на него блажь и он сам выйдет — останется около тысячи. Извольте тут жить! Да тогда он меня на рынок пошлет, стряпать заставит!» И услужливое воображение мгновенно рисовало ей картины будущего, одна другой печальнее; злость закипала в душе молодой женщины, и бывали минуты, когда она искренне ненавидела бедного Ореста.

Ну, а что же поделывал в это время счастливец Леонид Николаевич? Не забыл ли он, в чаду опьянения, прелестной Софьи Павловны? Напротив. Выигрыш процесса еще более усилил в нем желание обладать ею, а сообщенные Соханскою подробности об отъезде Ореста значительно облегчали ему это дело. Не теряя времени, он условился со вдовушкою на счет свидания с Осокиной, и в назначенный день и час явился в квартиру Катерины Ивановны. Ее, как он и ожидал, не было дома; Софи же застал скучающею, раздраженною,

полулежащею на кушетке, с «Journal pour rire»[170] в руках; палевое, отделанное кружевами, легкое шелковое платье мягко драпировало роскошные формы молодой женщины, а черные волосы, хотя и небрежно, но живописно убранные, казались еще темнее от ее слегка побледневшего, утомленного лица. Лениво приподнялась Софи при входе гостя и с очаровательной улыбкой протянула ему руку.

— Enfin je vois l'astre, autour duquel le groupe en ce moment toute la haute volée de R.![171]

— Новое светило очень радо случаю позаимствоваться блеском от старого! — любезно возразил франт, целуя руку молодой женщины.

— Старое светило давно уже не блестит! — усмехнулась Софи. — И ваши надежды совершенно неосновательны!

— Зато оно не потеряло способности пригревать!

— Вы думаете?

— Уверен!

Огнев положил шляпу и сел возле Осокиной.

— Et madame Sockansky n'est pas visible?[172]

— Ketty vient de me quitter... встретилось что-то спешное... je ne saurais vous dire... Elle va revenir tout a l'heure.[173]

— Votre sante madame?[174] — поинтересовался Леонид Николаевич. — Я слышал о постигшем вас несчастии...

— Положим, что оно еще нас не постигло... да, наконец, я понятия даже не имею о дяде моего мужа. Ma sante va bien — merci.[175]

— Несчастье это очень сродни тому счастью, жертвою которого я сделался на днях, — рассмеялся Огнев.

Софи немного смутилась; она затруднялась, какой смысл придать этой фразе: хитрит ли Леонид Николаевич, показывая вид, что ему неизвестна ее семейная драма, или в самом деле он ничего о ней не знает.

— Если оно так велико, как рассказывают, — возразила Софья Павловна, — то, пожалуй, вы и жертва: счастье давит вас своею тяжестью.

— Ну, нет, — улыбнулся Огнев, — такого приятного давления я не боюсь... Тем более, что состояние, полученное мною гораздо менее того, которое мне приписывают.

Софи ужасно хотелось спросить: «Однако?.. Цифру-то, цифру скажи!», но удержалась. Зато Леонид Николаевич, которому внове очень хотелось блеснуть свалившимся с неба богатством, не утерпел:

— Я получил симбирское имение, тысяч эдак во сто примерно, — c'est le prix qu'on me donne déjà[176], — небрежно заметил он, — ну, за провладение — доходы прежних лет, лесная дача еще есть... на самой Волге... Капиталец достался, в разных бумагах, около пятидесяти тысяч... Enfin je ne suis pas pauvre, Dieu merci![177]

Он с наслаждением потянулся, поиграл часовою цепочкой и положил ногу на ногу. Софи совершенно согласилась с Огневым в том qu'il n'est pas pauvre [178] и с злостно подумала, что будь муженек ее не такой крупный болван, каким он был на самом деле, она тоже была бы «aster» и так же сумела бы растянуться, от полноты счастья, как и Леонид Николаевич.

— Vous etes aussi a la veille. Je de tirer un bon numero![179] — сказал тот, пылливо взглядывая на Осокину.

— Je l'ignore[180], - совершенно невинно отвечала Софи, принимая кокетливую позу.

Огнев хотел было продолжать этот разговор, с целью вызвать Осокину на откровенность, но чувственность, под влиянием которой он и приехал и которая разожглась в нем еще более от близости к этой красавице Софи, заставила его прекратить бесполезные словоизвержения и перенести разговор на более приятную для него почву.

— Et apres tout ce qui arrive, — сказал он, приподнимаясь, — je ne suis pas heureux![181]

— Vraiment?... Vous etes difficile![182]

— Дайте вашу ручку, Софья Павловна, et je vais vous dire...[183]

Осокина небрежно дала ему руку.

— Не ценят этой ручки! — горячо проговорил лев, целуя ее. — О, если бы она была моя! Да, Боже мой, каких жертв не принес бы я, чтобы только заслужить ласку ее обладательницы!

Он крепко сжал ее и снова поцеловал, учащенно в несколько приемов.

Раздался звонок, и Софи отдернула руку. Вошел лакей с письмом на серебряном подносе.

— Ко мне? — быстро спросила молодая женщина. Последовал утвердительный ответ.

Осокина встала, взяла письмо и, отпустив лакея, начала нервно срывать конверт.

— Черная печать! — заметил Леонид Николаевич. — От вашего мужа, вероятно?

— Да, — растерянно отвечала Софи, торопливо пробегая строки Ореста.

Огнев пристально поглядел на нее: волнение молодой женщины и та лихорадочная поспешность, с которою она бросилась на письмо; не укрылись от внимания губернского льва. «Видно, еще надеялась! — подумал он. — Ну, что-то она вычитает, а утешительного, кажется, немного!» — радостно прибавил он, заметив, что на лице Осокиной появились морщинки и оно то бледнело, то краснело. «Этакая красавица! — плотоядно оглядывал он ее, любясь с видом знатока ее возбужденною красотою, той жизнью, полною огня, которая проглядывала в каждой черте ее лица, в каждом движении. — Если б только она полюбила меня!»

— Pardon[184], Леонид Николаевич, — пряча письмо в карман и употребляя всевозможные усилия, чтобы сдержаться, проговорила Софи, — дядя моего мужа скончался, и это несколько взволновало меня.

Она села на кушетку и, вынув платок, несколько раз обмахнула им свое горевшее лицо.

— Следовательно, уже не долго вам томиться одиночеством? — после небольшой паузы заметил фронт.

Глаза Софи гневно сверкнули из-под внезапно сдвинувшихся бровей.

— Несколько дней, — довольно спокойно ответила она, но нервное раздражение слышалось в ее голосе.

— Как же успеет ваш муж, в такой короткий срок, привести в порядок дела, свести счета? Ведь состояние далеко не маленькое, и хлопот должно быть много.

Злоба кипела в душе молодой женщины; почти задыхаясь, она сказала Ог-

неву:

— *Brisons cela...*[185] дел моего мужа я не знаю, да и *a vrai dire*[186] не особенно ими интересуюсь.

Леонид Николаевич наклонился и, взяв со стола альбом, принялся его рассматривать.

Прошло несколько секунд.

— Софья Павловна, — обратился к ней Огнев и, тихо взяв ее руку, страстно взглянул ей в глаза, — вы несчастливы?

Софи несколько смутилась и сделала движение, чтобы высвободить руку.

— Ну за что, за что? — удерживая ее, нежно нашептывал франт. — Ведь я люблю вас!.. Вы — первая женщина, заставившая биться мое сердце!

— После целого ряда других! — усмехнулась Осокина.

— То были развлечения, *des passades...*[187]

— А Бирюкова?

— *Un ecart... par depit...*[188] Я удалился от вас с разбитыми надеждами, со слезами в горле, но любить вас не переставал ни минуты! Сознайтесь: вы были крайне ко мне жестоки!

Он придвинулся к ней и робко, с нерешительностью страстного возбуждения, хотел обнять Софи за талию; но та быстро встала и, вся пылающая, дрожа от волнения, перешла на другой конец комнаты.

— *Je ne veux pas que vous m'aimiez de la sartē!*[189]

Огнев тоже поднялся, отыскал шляпу и, раскланиваясь, холодно произнес:

— *Adieu, madame.*[190]

— Это что значит?

— Делать мне здесь больше нечего... вы поиграли со мной, как кошка с мышью — ну и довольно... долее быть вашею игрушкой я не хочу.

— Какой игрушкой?

— Вам, может быть, весело мучить человека, который и без того исстрадался? Или вы думаете легко было мне перенести предпочтение, оказанное вами вашему теперешнему мужу, видеть ласки, которые вы ему расточали, быть свидетелем вашего счастья?.. Нет, Софья Павловна, не дай Бог кому-либо пережить все это!

Леонид Николаевич снова раскланялся; Софи стояла в раздумье, и нервный трепет пробежал по ее телу.

— *Madame, j'ai l'honneur de vous saluer!*[191] — повторил франт.

— *Vous me blessez, monsieur*[192], — прерывающимся голосом остановила она его, — я не хочу, чтобы вы третировали меня как... как всякую из ваших многочисленных побед!

— Я люблю вас, Софья Павловна, — схватил Огнев обе руки Осокиной и крепко сжал их, — а не ухаживаю за вами — поймите это! Я — весь ваш!.. Все блаженство мое в том, чтобы вы позволили мне жить для вас, для вашего счастья!

Он страстно глядел ей в глаза и наслаждался ее волнением, ее замешательством; но оно было непродолжительно: Софи вскоре овладела собой и, высвободив свои руки, довольно спокойно возразила Леониду Николаевичу:

— И я расположена к вам... как к другу...

— *Adieu, madame,* — холодно проговорил он. Осокина пристально взглянула на него.

— Bonjour, monsieur,[193] — ответила она и отвернулась к окну. Огнев уехал.

В письме своем Орест уведомлял жену о смерти дяди и о том, что все оставшееся после него состояние он предоставил сестре, Надежде Александровне Бирюковой.

V

Молва о необычайном поступке Ореста, с быстротою молнии, облетела весь город и произвела совершенный кавардак в умах донельзя изумленных рцев. «Это дурак какой-то!»... «Un maniaque!»[194]... «Взбалмошный человек!» — повторялось на разные лады, во всевозможных кружках и центрах, вызывая самые разнообразные суждения и предположения. Всем хотелось доискаться настоящей причины такого невероятного события, объяснить чем-нибудь его неестественность. Как ни прост был принцип, руководивший Орестом в его отказе от наследства, но именно вследствие своей простоты он не укладывался в р-ские головы. Общество, из среды которого вышла Софи, которое ее воспитало и с которой оно было вполне солидарно, не могло не смотреть на действие Осокина так же, как и супруга последнего. По его понятиям, молодой человек сделал капитальную глупость; затем начались догадки, каким путем дошел он до совершения этой глупости: то говорилось, что он начитался разной новейшей ерунды, вредно повлиявшей на его слабые мозги, то, будто бы он страсть как пил по ночам и, допившись до белой горячки, впал в особого рода меланхолию. Местные старушки, крестясь, передавали друг другу об его атеизме и неуважении к крестному отцу и вообще к старшим, а сановитые старики считали молодого человека существом положительно вредным, поелику он вносил в общество самые крайние социалистические стремления и революционерство. Власти, а в том числе и ближайшее начальство Ореста, прежде столь благоволившие к нему, вдруг шарахнулись в сторону и начали на него коситься. Генеральские руки хотя и подавались опасному человеку, но уже не так часто и не всей пятерней, а перстами, с известным пренебрежением и рассеянностью. Любезный тон, мягкое хихиканье и превосходительная фамильярность перешли в сухую начальническую речь, надменное позирование и явное невнимание. Насколько выиграл Огнев в общественном мнении — настолько проиграл Осокин, и ни одного человека не нашлось в целом городе, который бы понял принцип Ореста и сочувственно отнесся к нему!

Впрочем, оговорюсь: нашелся такой человек, но не в Р., а в деревне: то была Настя. Радуюсь от души за Бирюкову, которой неожиданное наследство развязывало руки не только в материальном, но и в нравственном отношении (Завольская допускала, что с деньгами не трудно добиться развода), она благоговела перед поступком Осокина, силой его души и характера. Молодой человек и прежде нравился Насте, теперешние же его действия окончательно вскружили голову бедной девушке. Напрасно убеждала она себя в том, что Орест для нее не существует, и потому, что принадлежит другой, и потому, что ни разу, даже и прежде, кроме обыкновенной мягкости и любезности ничего ей не показывал, — уважение росло, голова и сердце усиленно работали и, помимо воли Насти, любовь, тяжкая, неразделяемая, закрадывалась ей в душу, медленно впускала в нее свое ядовитое жало.

И начались для Насти бессонные ночи, неведомая ей дотоле тоска, мучи-

тельные думы. Изменился, как бы по волшебству, ее душевный строй; иначе взглянула она на жизнь и неприветно отозвалась она ей...

Но еще суровее отнеслась жизнь к Осокину: любовь, счастье, надежды — все рушилось для него в один миг, исчезло как струйка дыма. Теперь Оресту все стало ясно: и мелкая любовь Софи, и та постыдная комедия, которую она с ним разыгрывала. «На мое наследство били!» — бешено восклицал он. «Для того и в тон мне пели, и маску надевали, но ошиблись друзья!» — с злорадством добавлял он, представляя себе разочарование жены, тестя и всех их присных.

И гадко вдруг стало у него на душе при воспоминании о разговорах с Софи в зимнем саду, на тройке, в последовавшие затем блаженные дни... «И все это было обман, притворство! — схватившись за голову, стонал он. — Ни одного проблеска истинного чувства, ни одного слова правды!.. Соня, Соня! Того ли я от тебя ожидал! Мог ли я предполагать, что под такую привлекательную внешностью таилось столько лжи и лукавства!»

Орест не обольщал себя мечтами о том, что все это может еще поправиться; он ясно видел, что жизнь переломилась, что возврата нет. Вернувшись из Москвы, он наглядно убедился в этом: Софья Павловна встретила мужа весьма холодно и тотчас же ушла к себе; Осокин тоже удалился в свой кабинет, сел за стол и, после нескольких тяжелых секунд раздумья, проговорил: «Все конечно!»

Тогда он вспомнил о сестре и все свое внимание устремил на упрочение ее счастья. О материальной стороне он позаботился еще в Москве, исполнив все формальности по передаче наследства и уведолив о том Надежду Александровну; о нравственном же ее спокойствии он хотел переговорить с нею лично и для этого, на другой же день приезда, отправился в Грязи.

Свидание их было самое трогательное. Надежда Александровна не знала, как выразить брату свою благодарность, целовала его руки, плакала навзрыд, чуть не молилась на него; скорбела об его семейном разладе и сильно настаивала на том, чтобы он оставил себе хотя половину наследства. Поступала она в этом случае совершенно искренне, так как вообще была большая бесребреница, а если и радовалась теперь улучшению своих средств, то только за детей, да еще потому, что это давало ей возможность, по уверению Ореста, склонить мужа на развод. Осокин от дележа, конечно, отказался наотрез и свел разговор на тему более близкую сестре: на Каменева. Решено было предложить Бирюкову известный куш и затем, в случае его согласия, приступить к делу. Сообща написали ему письмо, и Орест взялся немедленно его отправить. «Хоть сестру сделаю счастливою, если себя не умел устроить!» — с грустью думал он, оставляя усадьбу Надежды Александровны.

Семейная жизнь Осокина была окончательно расстроена: Софи теперь уже не скрывала своей холодности к мужу, распорядилась своей особой вполне самовластно и даже как-то свысока обращалась с Орестом. Сцен или каких-либо объяснений между супругами более не произошло, да они были бы и совершенно излишни, так как в минуту отъезда Осокина взаимные отношения молодых людей вполне выяснились. Виделись они только за обедом и в это время, ради приличия перед прислугой, обменивались несколькими фразами; затем Софья Павловна обыкновенно отправлялась куда-нибудь, а Орест или корпел над бумагами в кабинете, или бесплодно тужил о своей судьбе, уничтожая папиросу за папиросой. Родные Софи смотрели на Осокина не только с прене-

брежением, но даже с сожалением, до того обидным, что он перестал к ним ездить. Татьяна Львовна, и та, окончательно решила, что племянник ее сбрендил, и серьезно уверяла, что его надо лечить и как можно скорее. По службе Орест тоже на каждом шагу натыкался на неприятности; начальство к нему переменилось, сослуживцы его, в разговорах с ним, приняли какой-то особенный тон. Осокин видел, что в глазах всех он что-то такое странное, от чего сторонятся, чего избегают, над чем смеются. Он понял, что теперь он не их, что поступком своим он оторвался от той почвы, на которой крепко сидят его родня, знакомые, сослуживцы, что это обращение их с ним — кара за его смелые действия, и Оресту, при всем раздражении и боли от этих булавочных уколов, было весело взглянуть несколько сверху на этих нравственных пигмеев и еще решительнее утвердиться на избранном им пути.

Время шло, и положение Осокина становилось все более и более неловким; ему невыносима становилась семейная жизнь, в сущности не более, как светская комедия, эта драпировка в плащи Ромео и Юлии, когда на душе было пусто и скверно. «К чему тянуть эту канитель и потешать собою других? — рассуждал он: — Ведь все кончено!.. К чему привязывать насильно Софи к домашнему очагу?» — И Орест, которому претили эти неразъясненные окончательно отношения, решил, что бы то ни стало объяснить с Софьей Павловной. Случай не замедлил представиться.

Однажды вечером Софи оставалась дома; погода была адская и она не решилась выехать. Орест воспользовался этим и вошел в ее будуар. Очертив в нескольких словах их настоящую жизнь, он спросил жену, что думает она делать, так как продолжать подобное существование, по его мнению, положительно невозможно.

— Je n'en sais rien![195] — еле выговорила Софья Павловна и взялась за лежавшую возле нее книгу.

— Но жить под одной кровлей с человеком, которого не любишь... не уважаешь...

— Vous voulez me mettre a la porte?[196] — прищурилась на него Софи.

— Нисколько... да я и права не имею: вы моя жена.

— Хороша жена, — расхохоталась молодая женщина, — которую жертвуют. Бог знает для каких бредней, qu'on traite comme je ne sais qui![197]

— Вам самим угодно было порвать наши отношения.

— A la bonne heure![198] Я всему виною: j'ai rompu la ficelle![199] Ха-ха-ха! Voyons un peu qu'allez-vous me debiter encore?[200]

— Rien.[201] Дело не в том, кто виноват, а в том, как разрешить наши отношения; обращением своим со мной вы показываете, что для вас я — человек не только посторонний, но даже, который вам в тягость.

— Не прикажете ли мне пылать к вам страстью?

— Оставьте шутки — право они не у места; я завел этот разговор не для того, чтобы упражняться в красноречии, а чтобы окончательно выяснить наши отношения.

— Vous trouvez qu'elles ne sont pas encore claires![202]

— Итак... мы разошлись? — категорически спросил Орест и почувствовал, как какая-то острая боль кольнула его вдруг в сердце.

— Je pense![203] — небрежно ответила Софья Павловна, искоса взглянув на мужа и покачивая ножкой.

Злость закипела в душе Осокина: так бездушна показалась ему в эту минуту Софи, но он сдержался и только с легким дрожанием в голосе сказал:

— Как же вам будет угодно распорядиться?

— Я подумаю.

— Помните одно: я вас ни в чем не стесняю, ничего вам не навязываю. Все, что в доме, по-прежнему, к вашим услугам.

Орест повернулся и пошел из комнаты; вдогонку ему слышались слова жены:

— Merci за великодушие... mais je tâcherai de ne pas abuser de votre aumône!
[204]

Осокин постоял-постоял, крепко стиснул руки и, с жгучей болью в сердце, отправился в кабинет зарабатывать эту aumône.

А что же думала в это время Софья Павловна? О, она еще ранее мужа выговорила роковое слово «кончено!», и если теперь жила еще с Орестом под одной кровлей, то только потому, что было бы непрактично, не имея в виду ничего лучшего, менять свой дом на зависимое положение под крыльшком Павла Ивановича. К Осокину она, кроме положительного равнодушия, ничего не чувствовала; сердиться или ненавидеть его ей и в голову не приходило. «Дон Кихот какой-то!» — с сожалением отзывалась она о нем, и окончательно махнула на него рукой.

Но если Софи с таким пренебрежением относилась к мужу, зато родные ее, и в особенности Павел Иванович, крайне занимались им. Ильяшенков, возненавидев зятя со времени последнего с ним разговора, и спал и видел, как бы выместить на нем все свои неудавшиеся родительские виды. «Меня провел! — восклицал его превосходительство. — Дрянной мальчишка!.. Ну постой же: покажу я тебе, как умничать!» — Павел Иванович, решившись вредить Оресту, и помнить не хотел, что он ему зять; этим титулом пользовался у него Осокин, пока был богатым наследником, — теперь же, отказавшись от денег, он заносился Ильяшенковым в разряд глупцов, тех козлов, от которых, как говорится, нельзя ожидать ни шерсти, ни молока. Ну разве может жить его Софи с подобным болваном? В такой квартире, при таких доходах? — Нет. А может он, помимо наследства, доставить ей комфорт, блестящее положение в свете? — Нет. — Ну и жалеть его нечего! Пусть по крайней мере знает, как опасно бороться с высокопоставленными и среди бела дня показывать такие кунштюки честности!

И все пружины были пущены в ход, чтобы окончательно подрезать бедного Ореста.

Мы выше видели, как по первому же абцугу[205], все переменялись в отношении к нему, но все это были одни цветочки, а ягодки, хотя и завязались, а все еще были впереди. Павел Иванович изо всех сил способствовал их созреванию; при его громадном знакомстве дело это было нетрудное и вот, через какой-нибудь месяц после приезда Осокина из Москвы, р-ские жители прочли в газетах, что Орест причисляется к министерству, а на место его назначается какой-то Верхоглядов.

Поразила эта новость Осокина, но не отняла у него энергии; он отчасти ожидал чего-либо подобного, но не так скоро. «Тестюшка видно поддобрехотил!» — догадался молодой человек.

Через несколько дней он отправился в Петербург.

— Желаю вам успеха, — усмехнувшись сказала ему на прощанье Софья Павловна, — но вряд ли ваша поездка принесет вам что-нибудь, кроме издержек... Нельзя, Орест Александрыч, безнаказанно плыть против течения.

VI

Если Софи так равнодушно относилась к тем материальным лишениям, которые неминуемо должны были последовать за причислением к министерству ее мужа, то только потому, что у нее уже был составлен план, на удачную развязку которого она сильно надеялась. Тот зверь, которого надо было поймать, сам шел в руки и, как читатель мог заметить, сам напрашивался на «пленительный плен». Действительно, Огнев если не глубоко любил Осокину, зато страстно желал ее; для обладания ею он не задумался бы принести огромные жертвы, а этого только и надо было Софи. Как женщина практическая, она рассудила так: «Муж мне надоед, комфорта я с ним не увижу — следовательно... рыба ищет где глубже, а человек где лучше».

Дня через два по отъезде Ореста Соханская заехала за Софи, чтобы прокатиться; молодая женщина очень обрадовалась ее приглашению, так как чувствовала положительную необходимость рассеяться. Дорогою разговор, весьма естественно, зашел о настоящем положении Осокиной.

— *Te voila dans une position cranement difficile*, [206] — заметила ей вдовушка. — Тебе предстоит или быть нахлебницей мужа, или подпасть снова под родительскую ферулу... *Je trouve que dans tout ceci il n'y a rien d'engageant!* [207]

— *Aussi ne suis-je pas d'humeur a faire ni fun ni i'autre.* [208]

— Следовательно, у тебя есть что-нибудь в виду?

— Пока ничего; но думаю, что положение мое не безвыходно... со временем можно будет что-нибудь придумать...

— Со временем? То есть через год, два, три? А до тех пор *etre exposee aux brutalites d'un maniaque, a l'avarice du pere, aux cancans de la ville — bien raisonne!* [209]

Софи задумалась.

— *Tu n'as pas un sou a toi,* — резала Катерина Ивановна, — *le pere ne te laissera rien, sa fortune sera bientot eparpillee...* [210] С мужем ты разошлась и конечно более уж никогда не сойдешься... Что же ты сделаешь со своею молодостью, красотой? *Vas-tu les faire perir dans la misere ou enterrer au fond d'un cloitre? Cela serait d'une folie achevee! Tu es nee pour le plaisir, pour une existence joyeuse et brillante...* [211]

— *Mais ou la trouver?* [212] — не удержалась Осокина.

— А ты будто не знаешь? — прищурилась на нее Соханская.

— Нет! — сконфузилась молодая женщина.

— Огнев! — шепнула ей на ухо вдова.

Софи, хотя и ожидала этого, но невольно вздрогнула от стыда и закрыла лицо муфтою; надо правду сказать: далека еще она была от своей учительницы.

— *Il est joli garçon,* — между тем продолжала та, — *il a une fortune assuree* [213] и вдобавок еще души в тебе не чаёт... *Oh, que de voluptes, que d'ivresses en perspective bigre! que me donne le frisson, rien que d'y penser!* [214]

Коляска подъехала к крыльцу Осокинской квартиры.

— Ты не заедешь ко мне вечером? — спросила Соханская, прощаясь.

— Может быть, — рассеянно отвечала Софи, выходя из экипажа.

— Постой-постой... я совершенно забыла! — роясь в кармане, воскликнула вдовушка и, достав записку, сунула ее в руку Осокиной; потом откинулась в противоположный угол коляски и покатила.

Записка оказалась от Огнева; губернский лев, в страстных выражениях молил Софи приехать сегодня к Соханской, клялся в любви и разных разностях. Осокиной он нравился; пылкая натура ее нуждалась в сильных ощущениях... Перед молодой женщиной мелькали довольство и комфорт — она поехала.

Но, въезжая на двор Катерины Ивановны, она вдруг опомнилась; припомнила все подробности прошлого свидания — и ей вдруг стало стыдно и страшно своего поступка. Софи инстинктивно чувствовала, что вечер этот решит ее судьбу, что, склонившись на просьбу Огнева, она тем самым дает ему право быть еще более требовательным... А что если губернский лев не любит ее, а только обманывает?.. Что если все это кончится одним обыкновенным волокитством и Леонид Николаевичу вместо того чтобы съездить у ног своей повелительницы, вовремя отретурируется, разгласит историю по городу, и о его победе узнает папенька, муж, все знакомые? Софи уже сердилась на свою поспешность. Она готова была вернуться домой, но... парадная дверь отворилась, на лестнице встретила гостью Соханская.

— Ты извинишь меня, *chere amie*[215], — сказала она ей, помогая раздеться, а сама принимая ротонду из рук лакея, — что я уезжаю... Через полчаса я вернусь. Поболтай пока с Леонидом Николаевичем — он у меня в будуаре.

И не дав Осокиной опомниться, вдовушка порхнула в сени.

Софи, крайне смущенная, прошла гостиную и на пороге будуара встретила с Огневым; замешательство молодой женщины не ускользнуло от него и он поспешил им воспользоваться.

— Oh, mon adoree![216] — пылко обнял он ее за талию и, страстно целуя ее руки, увлек на диван. — Наконец-то вы сжалились надо мной!

Софи трепетала и делала всевозможные усилия, чтобы высвободиться.

— *Laisser-moi... degrade... on peut venir*[217], — лепетала она.

— *Personne ne viendra...*[218] да если бы теперь само небо обрушилось на нас — я вас не выпущу... Я не могу жить без вас, Софи, без вашей любви!

Он еще крепче сжал ее в своих объятиях и глазами, разгоревшимися от страсти, глядел на нее. Осокина зарделась, а этот румянец еще более возбудил смелость Огнева.

— Вы для меня все, — горячо заговорил он, — вами только я живу... Согласитесь, что, получив независимое состояние, мне не для чего было бы скучать в этом городишке... Если я еще здесь, то потому только, что божество мое здесь, что я могу хоть изредка взглянуть на него, поклониться ему!

Софи медленно, из под полуопущенных ресниц, взглянула на него.

— Но... вы разлюбите меня... я прибавлю только лишнее имя к списку многочисленных побед ваших, — тихо, склонив голову, молвила она.

— Софи! — порывисто вскричал Огнев, — но разве могут те женщины сравниться с вами? То были шалости... любовь же моя к вам для меня вопрос о жизни и смерти!

Страсть, горячка слышались в голосе Леонида Николаевича, чувствовались в его объятиях — и прежний страх, минутное раскаяние оставили молодую женщину; тот пыл, который охватил Огнева, передавался и ей: глаза ее горели, дыхание ускорялось, чувственность туманила ей голову, и со дна ее души

поднималась, столь присущая ей, жажда сильных ощущений.

— Что помешает мне, — продолжал Леонид Николаевич, — если вы только согласитесь на это, увезти вас из этого болота, из этого сборища дураков, в Париж, Лондон, Вену и поставить вас на тот пьедестал, для которого вы рождены? Вы сделаетесь богиней того места, а я, счастливый смертный, утопая в блаженстве, буду наслаждаться вашими успехами, вашей славой! Я так люблю вас, Софи, что все, что имею, положу к ногам вашим.

Голова кружилась у молодой женщины: и страстная любовь, и роскошь, и блеск модной известности — одним словом все, чего ей не доставало, было к ее услугам, — стоило только сказать «да», но она нашла нужным удержаться.

— *Je ne me vends pas, monsieur!*[219] — сверкнув глазами и внезапно оттолкнув Огнева, воскликнула Софи. — Вот что значит увлечься с таким человеком, как вы! — как бы про себя добавила она.

Франт удивился.

— Что с вами? Чего вы рассердились? Если я и сказал что-либо лишнее, *si j'ai touche le cote materiel de la question*[220], то только потому, что я весь ваш и что все мое...

— *De nouveau?*[221] — обворожительно погрозила ему Осокина.

— Но, дорогой мой ангел, — потянулся к ней лев, — что же делать, *si dans ce bas-monde*[222] поэзия везде идет рука об руку с прозой!.. Ну что же вы молчите? Не нравится вам мое предложение? (Он тихо сжал ее талию и придвинул к себе.) Вы мне не верите?

— А если муж не отпустит... Если вздумает воспользоваться своим правом?

— Пальцем не шевельнет ваш супруг!

— Наконец, что скажет отец... *Il me desheritera...*[223]

— Это несомненно; но вы будете моею женой, если не *de jure* то *de facto*, клянусь вам!

— То есть гражданской? — усмехнулась, уже совершенно оправившаяся от прежних угрызений, Софья Павловна.

— Что делать, если обстоятельства не позволяют нам соединиться узами более законными! Но что вы будете обеспечены — за это я отвечаю!

— *Encore!* — сверкнула глазами Осокина. — Опять *cette question d'argent!* [224]

— Но друг мой, не можете же вы питаться воздухом! *Et puis...*[225] после моей смерти...

— У меня есть приданое, кой-какие ценные вещи...

— *Misere!* — с великолепным пренебрежением воскликнул Огнев. — *Et puis sa garrulle...*[226] а я не хочу, чтобы и тень оставалась прошлого... Я слишком глубоко, слишком страстно люблю вас!

— Вы не бросите меня? — пристально глядя в глаза франту, медленно отчеканила молодая женщина.

— Клянусь! Всем, что для меня свято! — горячо воскликнул Огнев, целуя и крепко сжимая ее руки.

— Я подумаю, — после небольшой паузы проронила Осокина.

— Подумаю! Да разве можно думать в подобные минуты?.. Вы довели меня до безумия! Ждать я не могу ни одной секунды... Софи! ради всего, что тебе дорого, хотя из жалости наконец, согласись сейчас... Ангел! Дорогая!

Он страстно сжал ее в своих дрожащих объятиях и воспаленными губами

прильнул к ее щеке. Софи затрепетала, и кровь огнем пробежала по ее жилам; что-то похожее на вертиж[227] вдруг овладело ею.

— Ну хорошо... но не теперь... потом, — лепетала она между его ласками.

Огнев быстро поцеловал ее в открытые губы; она инстинктивно отшатнулась и закинула голову... Леонид Николаевич приподнял ее и впился в Софи долгим, жгучим поцелуем.

— *Laisser...*[228] дай сказать, — задыхаясь, молила она.

VII

Не успело письмо Владимира Константиновича, в котором он из являл согласие на развод, за довольно крупный куш, дойти до Грязей, как уже телеграмма летела Надежде Александровне о скоропостижной смерти ее супруга. Милейший Владимир Константинович, чересчур хватив где-то на приятельской пирушке, мгновенно сделался жертвою кондрашки и переселился в «горние». Так повествовала об этом стоустая молва, почему-то опередившая телеграф. Надежда Александровна поплакала, даже вспомнула добрым словом покойника, но вместе с тем (скажем мы от себя) и порадовалась, так как смерть эта развязывала ей руки, избавляя от хлопот и ожиданий, и давала ей, без всяких проволочек, столь давно ожидаемое ею счастье. Отслужив по усопшем панихиду и заказав сорокоусты, Бирюкова известила Каменева и брата о перемене в ее судьбе и стала готовиться, по миновании траура, к тому, к чему так долго рвалось ее сердце.

Осокин, в одно и то же время, получил из Р. два интересные известия: о смерти Владимира Константиновича и об отъезде Софи с Огневым. Не думал Орест, чтобы смелость жены дошла до этого. «Всем пренебрегла, все бросила, и только потому, что у Огнева завелись деньги, на которые можно рядиться, выставлять себя напоказ! Пустое, вздорное существо!» — восклицал он, окончательно уже презирая эту женщину и сердясь на себя за те краткие минуты увлечения, когда он верил ее любви, думал что у нее есть сердце.

Разбитый нравственно, с небольшим запасом денег в кармане, бродил Осокин по стогнам Петербурга. Много обил он порогов, много наслушался отказов и обещаний, похожих на отказы. Встретился он и с железнодорожником, который когда-то так любезно предлагал ему «сочинить» местечко; иным уже тоном заговорил с ним железнодорожник, узнав, что старик Осокин умер, а начальство лишило Ореста места, пожал плечами, вздохнул... и ничего уже не предложил. Из министерства молодому человеку пришлось выйти, так как рекомендация о нем дана была самая волчья, и не подобало ждать отчисления; что оставалось ему делать? Жить в Петербурге, задабривая швейцаров и имеющих силу кокоток, чтобы зайти с заднего крыльца, было ему не по характеру; с переднего — не было у него такого человека, который бы мог его протиснуть сквозь толпу просителей прямо перед очи начальнические, а самому пролезть и думать было нечего... И решил Орест бросить все эти хождения и взяться за частную службу. Имея уже некоторые понятия о бухгалтерии, он стал посещать курсы счетоводства, потолкался по банкам, банкирским конторам, железнодорожным правлениям, сошелся с некоторыми из труженников финансового мира, разузнал все нужное и, запасшись необходимыми руководствами, отправился в усадьбу сестры отдохнуть от всех испытанных им за последнее время треволнений и приготовиться серьезно к новой избранной им

трудо­вой доро­ге.

Теплом пахнула на него деревня: и время-то было уже весеннее, да и лю­ди-то, ее насе­ляв­шие, сердеч­но встре­ти­ли его; сча­стье чув­ство­ва­лось в их ре­чах, в них са­мих; кру­гом все как-то не­жило и при­гре­ва­ло. Под­дался Осо­кин это­му мяг­ко­му, ча­ру­ю­ще­му влия­нию и лег­че ста­ли его ду­шев­ные бо­ли, не так силь­но угне­та­ли его тя­желые вос­по­ми­на­ния. Ка­менев уже был в Р. и каж­дую не­де­лю на­ез­жал в Гря­зи; он при­нял место зем­ско­го вра­ча и, по­ка­мест, не рас­ка­и­вал­ся в этом. И он и На­де­жда Алек­сан­дров­на бы­ли на вер­ху бла­жен­ства... да и, в са­мом де­ле, по­сле столь­ких ожи­да­ний, борь­бы и му­че­ний — и вдруг... пол­ное сча­стье!

Од­на На­стя не уча­ст­во­ва­ла в той ра­до­сти, ко­торая ох­ва­ти­ла ее хо­зяев: чуж­до бы­ло ей их сча­стье, еще тем­ней ка­за­лась ей ее бу­ду­ще­ность от то­го лучезар­но­го све­та, ко­то­рым они бы­ли об­ли­ты. Бли­же их сто­ял к ней Орест, то­же, как и она, уби­тый, то­же, как и она оди­но­кий.

При­езд его и обра­до­вал На­стю и из­му­чил ее: близость лю­би­мо­го че­ло­ве­ка, на­де­жда на вза­им­ность те­ши­ли чув­ство, но в то же время буди­ли рас­судок, вы­зы­ва­ли соз­на­ние дол­га; тя­желая борь­ба двух сил, борь­ба, ко­то­рой и кон­ца не пред­ви­де­лось, под­ня­лась в ду­ше бед­ной де­вуш­ки. Страсть на­ше­п­ты­ва­ла од­но, ма­ни­ла впе­ред, увле­кая лучезар­ны­ми при­зра­ка­ми, — рас­судок го­во­рил дру­гое, гру­бо оста­нав­ли­вая и хо­лод­но ука­зы­вая на край той про­па­сти, к ко­то­рой она стре­ми­лась. Жа­дно схва­тив­шись за ми­ну­ту об­ман­чи­во­го сча­стия, На­стя стра­да­ла по­том целые но­чи, об­ли­вая по­душ­ку сле­за­ми, из­ны­вая от ду­шев­ной му­ки. Как ни лю­би­ла она На­де­жду Алек­сан­дров­ну, как ни ра­до­ва­лась ее бла­го­по­лучию, но ей боль­но бы­ло ви­деть его... В каж­дом слов счаст­ли­в­цев, в каж­дом их пол­ном лю­бви вз­гляд она как бы чув­ство­ва­ла укор, горь­кую на­смеш­ку... «И ты мо­гла бы так же бла­жен­ст­во­вать, — слов­но го­во­ри­ла ей судь­ба, — но сча­стье от те­бя да­леко, и не при­гре­ет те­бя сво­ими ла­зу­рны­ми кры­ль­я­ми! Удел твой, не­счаст­ная, — стра­дать, гля­дя на чужую лю­бовь, да пла­кать­ся по сво­ей, ни­ко­му не нуж­ной!»

С Осо­киным, хо­тя она и ста­ра­лась ве­сти себя сдер­жан­но, но не все­гда уда­ва­лось это ей: слово, про­тив во­ли, сор­вав­шее­ся с язы­ка, вз­гляд не­ос­то­ро­жно бро­шен­ный из­ме­ня­ли На­сте, вы­да­ва­ли ту тре­во­гу, ко­торая бы­ла в ее ду­ше. Да и как у­дер­жать­ся, ко­гда каж­дый день, чуть не каж­дую ми­ну­ту, пе­ред гла­за­ми бед­ной де­вуш­ки — тот, ко­му она втай­не от­да­ла свое серд­це, на ком со­сре­до­то­че­ны все ее по­мыс­лы, меч­ты и на­де­жды, кто да­же, хо­тя и со­вер­шен­но не­умыш­лен­но, ви­нов­ник всех ее тер­за­ний!

А Орест, как на­ро­чно, не толь­ко не бе­гал На­сти — на­про­тив, ис­кал ее. Е­му как-то лег­че ста­но­ви­лось по­сле раз­го­во­ра с нею: и са­мый об­раз де­вуш­ки, чи­стый, сим­па­тич­ный, звук ее го­ло­са мяг­кий, про­ни­ка­ю­щий в ду­шу, сердеч­ность то­на — все это вли­ва­ло теп­лоту во все его су­ще­ство, ус­по­ко­и­тель­но дей­ст­во­ва­ло на его рас­стро­ен­ные нер­вы. Кро­ме то­го, он соз­на­вал, что, в на­сто­я­щие ми­ну­ты, сест­ру и Ка­мене­ва тя­го­тит лиш­ний че­ло­век, что о мно­гом им нуж­но по­го­во­рить и по­меч­тать на­еди­не, и по­то­му вся­че­ски ста­рал­ся не ме­шать им. Бух­гал­те­рией он за­ни­ма­лся очень усерд­но, ез­дил в го­род брать уро­ки у бух­гал­те­ра та­мош­не­го бан­ка и к осе­ни на­ме­ре­вал­ся по­ступит­ь ту­да на не­сколь­ко ме­ся­цев, что­бы на прак­ти­ке из­учить всю му­дрость сче­то­вод­ства. Служ­ба не­об­хо­ди­ма бы­ла Осо­кину по мно­гим при­чи­нам: и по­то­му, что та­кая на­ту­ра, как его, дол­го не мо­гла оста­вать­ся без де­ла, и по­то­му, что до­хо­да­ми с

имения (капиталец уже наполовину убавился) жить было невозможно; к тому же Орест думал, и основательно, что труд, какой бы ни был, благотворительно подействует на его душевный строй, меньше оставит времени для бесплодных размышлений о потерянном и сетований о настоящем.

Интересно было знать Осокину, какое впечатление произвело в городе исчезновение Софьи Павловны; ни сестра, ни Каменев ничего об этом ему не сообщали: первая — потому что жила в деревне, а второй, из боязни растравить, как он думал, душевную рану Ореста. Зато Татьяна Львовна, в первый же приезд племянника в город, отрапортовала ему обо всем надлежащим образом.

— Кругом, батюшка, виноват, — развела она руками, лишь только Осокин затронул вопрос. — Нигилиста какого-то вздумал корчить! Ну что, много выиграл?

— Да чем же я виноват?

— Че-ем? — даже вытаращила глаза Татьяна Львовна. — А кто на награждение отца крестного наплевал?

— Ну зачем, тетушка, так резко?

— Ты память его оскорбил! Теперь косточки его покоя лишены... Какое право имел ты судить его поступки?... Святой какой выискался!

— Да будет вам!

— С этого все у тебя под гору и пошло... Недаром все огулом тебя винят!

— Знаю я, тетушка, кто тут орудует... Павлу Иванычу да Софье Павловне куда как неприятно было, что из богатого наследника я превратился в труженика, которому надо зарабатывать кусок хлеба, а не жить на готовое!

— Да позволь, Орест Александрыч, не вправе разве была жена твоя сердиться на твою глупость: сто слишком тысяч за окно швырнул!.. Положим, сестре отдал... не чужая... да ведь мог и половину дать, а другую в дом принести. Ведь если бы ты холостой был — ну дури в свою голову, сколько хочешь, а уж женился — так бредни-то надо было отложить в сторону.

— Тетушка! Вот вы все бредни да бредни... Выслушайте меня...

— Нечего мне слушать! — замахала руками Татьяна Львовна. — Опять свое понесешь — знаю; крестного отца прах тревожить будешь... И не начинай!

Осокин пожал плечами.

— Гордость в тебе сатанинская: все на свою мерку переделать хотел — ну, что, переделал? Бейся теперь как рыба об лед, да все-то еще приговаривают: сам виноват!

— Неужели же виноват и в том, что жена моя уехала с этим мерзавцем? — спросил Орест.

— А ты думал нет? Да, прямо говорят: с таким сумасшедшим и жить-то было нельзя... Софья Павловна воспитания деликатного, а он ее, из-за своих глупостей, чуть не белье стирать заставлял, во всем ей отказывал, а напоследок на-ка, и из службы выгнали! Так что за сласть за эдаким мужем жить!

— А о поступке-то ее ничего? Что от живого мужа с любовником уехала... на содержание поступила?

— Кто говорит, не по закону сделала... Да ведь, Орест Александрыч, мало ли что деньги скрашивают! Вот если бы она с голышом убежала — дело другое; камнями бы закидали! — От жены получал что-нибудь?

— Нет.

— Как же она там без паспорта-то живет?

— Деньги все сделают... Госпожой Огневой вероятно назвалась. — Ну, а Ильяшенков-то что, тетушка?

— Да что... ему хоть и совестно за дочь, а приятно все-таки знать, что она как сыр в масле катается, в бомонде вертится; — ну, да и назначенные ей деньги теперь просвистать можно!

— Напрасно он так на Огнева надеется: бросит он Софью Павловну, и скоро бросит, помяните мое слово! Там, где расчет играет роль — не жди прочности; Огневу нравилась красота Софьи Павловны, а той его деньги... а так как красивая рожица скорее надоеет, чем деньги, то и выходит, что Леонид Николаевич предупредит свою любовницу в разрыве.

— Ну, дела теперь не поправишь... скажи, как же ты без службы маяться-то будешь?

Осокин передал тетке о своих занятиях и предположениях.

— Хорошо это, Остя, а все казенное-то место куда лучше бы было: и чины и кресты, а главное — пенсия... На частной этого ведь нет.

— Мне, тетушка, хлеб нужен... От усадьбы жить нечем...

Затем разговор перешел к Надежде Александровне, к ее покойному супругу и к Каменеву.

VIII

Третий месяц приходил уже к концу с тех пор, как Осокин поселился у сестры. Занятия его шли успешно, он много работал и не скучал, а тихая жизнь, охватившая его, мало помалу начала восстанавливать его нарушенное душевное равновесие. Женою он уже мало интересовался; получил он от нее как-то письмо из Монтре с просьбою выслать паспорт, что и не замедлил исполнить, затем дошли до него слухи о том, что Софья Павловна производит фурор где-то на водах, что с нее берут моды и величают во всех отелях «*princesse Ossokine*» — вот и все. Следить за ее действиями он считал не только излишним, но даже и не интересным.

В Грязях имя Софьи Павловны вовсе не упоминалось; и по весьма естественной причине — не вызывать в памяти Ореста неприятные воспоминания, и потому, что Софи действительно никто не занимался. Надежда Александровна видела в ней женщину, погубившую ее любимого брата, Каменев — кокотку, без всякого внутреннего содержания. Настя — изверга, не умевшего оценить любовь Ореста. При такой обстановке, прошлое Осокина все более и более отодвигалось назад, несчастье, казавшееся ему крайне тяжелым, принимало вид хотя и горькой, но весьма обыкновенной ошибки — и жизнь снова брала над ним свои права, манила на тот же тернистый путь ошибок и заблуждений, где так мало счастья и так много горя!

Время в Грязях проходило весело. Дни стояли чудные, и влюбленная чета всецело отдавалась деревенским удовольствиям. Каменев, всю первую молодость проведенный в упорном труде, не раз боровшийся с нуждой и неудачами, рад был отдохнуть и душою и телом. Впервые он полюбил женщину и на беду жену другого... Со смертью в душе, отказался он от того блаженства, которое в глазах его было сродни преступлению, и вернулся опять к своей трудовой, ничем не согретой жизни — и вдруг... эта жизнь осветилась, счастье нежданное-негаданное внезапно нахлынуло — можно было обезуметь от радости! И Каменев действительно ожил, словно воскрес от неизлечимой болезни; он

вполне отдался той сладостной волне, которая увлекла его, и жадно, всюю душою, воспринимал мало знакомые ему впечатления. О Надежде Александровне и говорить нечего: куда делись ее нездоровье, слезы и нервные припадки!

Говорят, ничто так не возбуждает жажды счастья, как вид самого счастья; пожалуй оно и так: по крайней мере, в отношении не только к Насте, но и к Оресту мнение это оказалось справедливым. Чем больше отдалялся молодой человек от своего прошлого, чем равнодушнее относился к нему — тем чаще начинал он чувствовать свою душевную пустоту, свое одиночество. В Грязях он, конечно, был в родной семье; на всяком шагу он видел горячую любовь не только сестры, но и Каменева, дружбу Насти — и, на первых порах, это его удовлетворяло; но затем этого показалось ему мало... Орест и сам хорошенько не знал, чего ему недостает, но сознавал, что жизнь его вступает в иной фазис и что, кроме дела и дружбы окружающих нужно и еще кое-что, чтобы ее наполнить.

Однажды вечером сидели они с Настей в саду, на дерновой скамье. Прямо перед ними усохшая береза отчетливо вырезывалась, на темно-зеленом фоне густой еловой рощицы, своими рогатыми ветвями. Осокин сидел нагнувшись, склонив немного голову и сложив на коленях руки; Настя машинально ощипывала цветок дикой ромашки. Оба молчали.

Орест поднял голову.

— Посмотрите на эту березу, Настасья Сергеевна, — заговорил он, указывая на усохшее дерево. — Прежде на ней были листья ярко-зеленые, блестящие — хороша была она тогда! Но облетела ее краса — и что от нее осталось? Голый, непривлекательный ствол с кривыми ветвями! Вот вам верная эмблема моей жизни! Радости, очарования — все исчезло! Осталось одно: голая истина, что все это был обман, иллюзии!

Он провел рукою по лбу.

— До чего гадок и пошл этот мир, до чего развращено общество: нельзя, не спросись, быть по-своему честным человеком!

— Что вам в этом мире и обществе, раз совесть ваша покойна, и вы убеждены, что поступаете, так, как следует?

— Я и не обращаю внимания на общественное мнение... но, признаюсь, не могу и относиться равнодушно к мысли, что все удары, которым я подвергся, нанесены мне людьми весьма сомнительной честности, не могу не возмущаться, слыша, как все эти светские ханжи и лицемеры величают мой поступок глупостью, почти оправдывают поведение моей жены и чуть не находят естественным подобный выход!

— Ах, Орест Александрыч, — вздохнула Завольская, и миловидное личико ее внезапно подернулось грустью, — разве не сплошь и рядом случается, совершенно незаслуженно, подпадать под удары судьбы или мучиться весь век за пустую ошибку, за минуту увлечения? Осокин пристально взглянул на девушку.

— Ну, уж вам-то, казалось бы, раненько вдаваться в этот тон: вы еще так молоды, становиться лицом к лицу с жизнью вам еще не приходилось...

— Конечно, — быстро перебила его Завольская, — да я не про себя и говорю, я вообще... Где же было мне испытать хотя что-либо подобное!

— И не дай вам Бог испытать! Пусть ваша жизнь течет мирно, покойно, весело...

— По-мещански?

Орест удивленно посмотрел на нее; тон, которым были сказаны эти слова, поразил его своею новостью: никогда еще не говорила так Настя.

— Что вы хотите этим сказать? спросил он ее.

— То есть: есть, пить, спать, рядиться? Ни о чем не думать, ни о чем не страдать, ни к чему не стремиться?

— Зачем же брать крайности? Стремитесь, думайте, страдайте — если уж вам так хочется, но в меру... Идите золотой серединкой! — не без иронии возразил Осокин.

— Вы говорите против себя, вы себя дразните... И вы еще утверждаете, что разорвали с своим прошедшим!

— И говорю правду; но позволительно же мне злиться на это прошедшее, как вы думаете?

— Эта-то злость и доказывает, что оно и теперь еще имеет для вас цену!

— Совсем нет; я злюсь на то, что по милости своей ошибки, я на век связан с такою женщиной, как Софья Павловна; как каторжник должен таскать за собой это ядро, которое и тяготит и позорит меня!

— А развод? Вы же хлопотали о нем для вашей сестры? — несмело проронила Завольская.

— О разводе и говорить нечего: есть неодолимые препятствия.

Настя пристально взглянула на молодого человека.

— Станьте тогда выше рутины, попробуйте вернуть к себе жену, подействовав на ее душу и сердце. Ведь и чужого человека спасти похвально и приятно, не то что ее... Вспомните: когда-то она была близка вам, вы ее любили...

Орест вскочил с места.

— Это невозможно! — воскликнул он.

— Почему?

— Здесь все умерло! (Он приложил руку к сердцу).

Странное выражение промелькнуло на лице девушки.

— Да она и не вернется, — помолчав, продолжал Осокин. — Что за радость вести трудовую жизнь, работать над собой, когда можно с утра до вечера веселиться, пленять хлыщей и львов, кидать золото пригоршнями!

Разговор оборвался. Молодой человек закурил папиросу и начал ходить взад и вперед по дорожке. С поля доносились нестройные голоса рабочих, напевавших хоровую песню, телега простучала где-то невдалеке. Вечерний ветерок свежей, пахучей волной, пронесся с запада, затрепетал в спокойной листве и замер. Ночные тени стали вытягиваться и переплетаться разнообразными узорами, из-за деревьев мелькнула бледноватая луна.

— Настасья Сергеевна, — вдруг остановился перед Завольской Орест, и прямо взглянул ей в глаза, — отчего до сих пор вы не вышли замуж?

Настя вздрогнула.

— Не пришлось! — несколько смущенно выговорила она.

— Отчего вы побледнели? — тревожно спросил Осокин.

— Голову обнесло... Тут клумбы... запах сильный, а мы давненько уже здесь...

— Хотите воды?

— Нет, пройдет... О чем мы говорили?

— Я спрашивал, отчего вы не вышли замуж... Ведь, сколько мне помнится,

у вас были женихи!

— Были.

— Что же, не нравились?

— Некоторые нравились, но...

— Состояния, что ли, не было?

— И состояние было.

— Ну так тетушка не хотела?

— Тетушка очень хотела, да я-то упрямылась.

— Отчего же?

— Оттого, Орест Александрыч, — помолчав, заговорила она, — что я не могу идти под венец для того только, чтобы сделать себе положение в свете, иметь возможность рядиться и выезжать, чтобы надеть чепчик, наконец. Я не могу смотреть на мужа только как на спутника в жизни, друга: мне нужен любовник в муже... нужно сердце, которое бы отвечало моему, душа, с которой моя могла бы слиться... Брак не должен быть могилою любви, а венцом ее! К сожалению, первое случается чаще... Почему? Потому что, сходясь, большинство не анализирует себя, сплошь и рядом принимает вспышку за чувство. Искра не разгорается, а потухает. Новая жизнь, созданная на шатком основании, колеблется... Возникают недоразумения, потом разлад... Я знаю свою натуру... я могу любить глубоко, пылко, но один только раз, и всю жизнь посвящу этому чувству!

Завольская воодушевилась: глаза блестели, все лицо вспыхнуло.

— Что состояние, — продолжала она, — что во внешности, когда внутренней жизни нет! Для любимого человека можно перенести все... Я готова была бы уехать в глушь, носить одно ситцевое платье, помогать во всем, в чем могу своему мужу... Как заботливая мать, я бы старалась беречь его покой, улаживать горькие минуты его жизни... Судьба не дала мне такого человека. Быть может, счастье и проходило мимо меня близко, но не коснулось меня... Вот почему, Орест Александрыч, я не вышла замуж!

С удивлением слушал Осокин Настю. Впервые высказывалась она так горячо, так искренне. Она предстала пред ним в новом блеске, в новом сиянии.

— Вы поражаете меня! — невольно воскликнул он. — Откуда у вас эта сила, эта пылкость?

— А вы и не подозревали их во мне? — стыдливо опустив глаза, молвила девушка.

— Но не в такой степени!

— Нервы побольше расстроились, кровь сильнее ударила в голову — вот и все! — усмехнулась она. — Однако пойдете: сыро, да и детей пора укладывать.

Завольская поднялась и пошла по дорожке; Орест, в раздумье, последовал за нею. На одном из поворотов он поравнялся с нею и несмело проговорил:

— Настасья Сергеевна, ответьте мне...

Она остановилась вполоборота и вопросительно взглянула на него; лунный свет так и облил ее стройную, гибкую фигуру.

— Любили вы когда-нибудь?

Две морщинки показались у нее над бровями и губы едва заметно дрогнули.

— Нет, — коротко и сухо ответила она и пошла дальше.

Необъяснимое чувство внезапно охватило Ореста: у него вдруг заняло в груди, и мучительно и сладко...

— Дай вам Бог счастья, если полюбите! — схватив руку девушки и крепко пожав ее, вдруг вскричал он и стремительно кинулся в кусты.

Настя, как вкопанная, осталась на месте и растерянно приложила руку к голове; вихрем налетели на нее мысли, одна другой тяжелее. Сердце замерло, словно кто вдруг взял да сжал его, а слезы так и стояли у нее в горле, душили ее... «Господи!» — простонала она, в изнеможении прислоняясь к дереву.

IX

Настя не спала всю ночь и не раздевалась. Голова ее горела, нервы были раздражены, весь организм сильно потрясен. Минувший вечер был последней каплей, переполнившей сосуд; та почва, на которой до сих пор Настя кое-как удерживалась, теперь поколебалась под нею, грозила выскользнуть. Прежде, с своею несчастною любовью, Завольская носилась, как с змеей в груди; она почти привыкла уже думать, что это ее крест и, как ни тяжел казался он ей, она несла его. Одно слово Ореста, внезапно вырвавшееся, одно пустое пожелание, разом перевернуло все ее мысли, коснулось самых затаенных фибр ее сердца. Не будь они так чутко настроены предшествовавшими событиями, легко быть может, что разговор с Осокиным так бы и остался, хотя и интимным, но все таки довольно обыкновенным разговором. Но в том-то и дело, что Настя, как женщина, с болью в душе переносила равнодушие Ореста; хотя по своим понятиям и убеждениям она и находила нужным скрывать свое чувство, страшилась взаимности, но вместе с тем втайне желала ее. Теперь инстинкт подсказал ей, что вырвавшееся у Осокина слово — не случайное и не последнее, что это начало того, чего она так боялась и чего, сама не подозревая, так страстно желала. Не слово было важно для Насти, а тон, сила, все состояние души Ореста, сказавшееся в нем. Она чувствовала, что он стал ближе к ней, что между ними уже установилась некоторая связь, хотя и невидимая, но ощущаемая... «Он любит меня, — шептали ее пересохшие губы, — ...я это чувствую» — и душа ее согревалась, мечты окрылялись и вся даль, так недавно еще серая, неприветная, озарялась для нее радужным светом. Но, рядом с этою поблажкою чувства, другая сила заявляла свои права, и, скажем беспристрастно, она-то первая и ударила молотом в голову бедной девушки, тотчас по уходе Осокина. «Не удержалась! — мучительно воскликнула она, изнемогая от внутренней борьбы, — подняла маску! Для чего поставила я разговор на такую скользкую почву, дала ему в руки оружие против нас обоих? Он для меня — человек не существующий; я должна была это знать, я к этому даже себя приучила... Зачем же было малодушничать? Что меня ожидает, на что я иду?»... И снова, озарившаяся на минуту, даль темнела, снова борьба закипала в душе девушки, попеременно смущая ее мечтами о счастье и невозможности достигнуть этого счастья.

К утру она поуспокоилась наконец; и, как ни тяжело ей было, отшатнулась от соблазнительных призраков. «Крест мне послан, и я должна нести его!» — решила она.

Но оставаясь верною принятому ею решению, стараясь ни единым словом, ни единым поступком не выдать той тревоги, которая разыгралась в ней после сцены в саду, Настя была далека от мысли, что эта сдержанность сделается

для нее оружием обоюдоострым. Орест заметил ее; ему неприятно было видеть, что Настя как будто избегает его, не довольна им — и ему хотелось разъяснить этот вопрос. Как человек, не желающий сознаться в своем чувстве даже самому себе, Осокин не понимал той опасности, которая могла произойти для них обоих от новых объяснений. Привязанность свою к Завольской, — а он уже признавал ее, — Орест сводил на простую дружбу, участие, на тождественность взглядов и убеждений. Он далек был от мысли, что все, что теперь происходило в нем — симптом весьма зловещий, и что на той наклонной плоскости, на которую он уже вступил, надо или уметь остановиться вовремя, или махнуть рукой и ждать конца своего падения. Не вдумываясь в свое положение, Осокин, с завязанными глазами, шел по тому пути, на который бросила его судьба, и только сильный толчок мог остановить его.

Несколько дней спустя после разговора в саду, Настя и Орест сидели в гостиной и занимались детьми. Бирюкова с женихом уехала в город за покупками и просила брата побыть с Завольской, так как ей могло показаться страшным оставаться одной с детьми в усадьбе. Разговор молодых людей не вязался; слышались только односложные «да» и «нет», да попеременное обращение то того, то другого к мальчикам. Наконец детей уложили; поручив их няньке, Настя вернулась и села за работу; Осокин поместился у открытого окна. Темная июльская ночь густою пеленою висела над садом; душистыми волнами вливался в комнаты несколько тяжелый аромат цветов, усиленный влажностью воздуха и раздражал нервы; время от времени на горизонте вспыхивали зарницы.

— Что, ничего не слышно? после довольно длинной паузы, спросила Настя.

— Нет, — ответил Орест, высовываясь в окно, — молчание гробовое... Я думаю даже, что они и не будут, темноты испугаются. Да и действительно ночь — хоть глаз выколи.

— А все-таки их нужно подождать: Надежда Александровна непременно хотела вернуться сегодня.

— Чем же мы займемся в ожидании их?

— А тем же, чем и теперь.

— То есть: вы — работой, а я глазеньем в окно?

— Возьмите книгу.

— Мертвая буква мне надоела, хочется живого слова...

— Будем болтать.

— С вами мудрено.

— Это почему?

— С некоторого времени вы как-то удаляетесь разговоров... больше упражняетесь в спартанском лаконизме...

— Бог знает, что вам кажется!

— Нет, шутки в сторону, — поднялся Осокин, — скажите, чего вы меня избегаете? Провинился я чем-нибудь перед вами, заслужил ли вашу немилость? Прежде вы совсем иначе относились ко мне.

Игла быстрее забежала в руке девушки, и она несколько ниже наклонила лицо к работе.

— Вам это показалось — я все та же. Ничего я против вас не имею, и ничем вы предо мною не провинились.

— Тем страннее та манера, которую вы приняли в последнее время... А что

вы далеко не так себя держите со мной, как прежде — это скажет вам ваш внутренний голос. Ну ради Бога, подсел он к ней, — есть ли какое-нибудь сходство между тем разговором, что мы имели, помните, около клумб и теми отрывочными фразами, которыми мы теперь только убиваем время?

— Есть разговоры, Орест Александрыч, которые слагаются совершенно неожиданно; нельзя же подвести под них обыденный обмен мыслей.

— Но в том-то и дело, что мы даже и мыслями нынче не обмениваемся! Хоть бы теперь например: мы говорим только для того, чтобы не заснуть, в ожидании сестры!

— Дайте тему — быть может, и разговоримся. Мгновенно, Бог знает почему, припомнились Осокину слова Насти в саду, ее взгляд на брак, то впечатление, которое он вынес из того вечера... Снова ореол окружил в его глазах голову девушки и еще с большею злостью вспомнил он Софью Павловну.

— Извольте, — ответил он, — как раз и тема мелькнула у меня в голове... Отчего у нас на Руси так трудны разводы?

— А вам бы хотелось, чтобы они были легче?

— Еще бы! И мне и Софье Павловне было бы приятнее. А то помилуйте: *de jure* мы связаны неразрывными узами, а *de facto* изображаем двуглавого орла! Ведь это нелепо!

— Вы можете сойтись... Не случается это разве?

— Со мной только это не случится! Я могу пустить Софью Павловну к себе в дом, дать ей квартиру, стол и одежду, когда она во всем этом будет нуждаться, но жить с нею прежнюю жизнью, хотя бы на минуту, — никогда!

Орест встал и в волнении зашагал по комнате.

— То есть вот на столько, — показывая на кончик ногтя, воскликнул он после небольшой паузы, — не осталось во мне участия к Софье Павловне, и если б не напоминания, что она — моя жена, я бы и не вспомнил о ней: так радикально с умела она сразу оборвать ту нить, которая привязывала меня к ней!

Разговор на минуту прекратился; Осокин подошел к окну и жадно, полною грудью вдохнул в себя ароматный, несколько влажный, ночной воздух.

— Ночь, ночь-то какая, Настасья Сергеевна! — увлекся он. — Что за тишина, что за покой кругом!.. Боже, как я рад за сестру, блаженствует! После стольких лет прозябания, жизнь вдруг открылась, счастье налетело!

— Выстрадала она его, Орест Александрыч!

— Конечно так; но я потому рад за нее, что весьма немногие получают подобную награду... Другой всю жизнь мучится, да так и кончает мучеником!

— Да, — вздохнула Настя, — много таких... прибери их Господь!

В тоне, которым были сказаны эти слова, прозвучала такая затаенная скорбь, что Осокин невольно вздрогнул и пристально взглянул на Завольскую.

— Ну к чему такое отчаяние? Я не думаю, чтобы и те, которых вы теперь жалеете, согласились с вами: каждый живет надеждой, рассчитывает на перемену обстоятельств.

— Сами же вы сказали, что полной награды достигают только весьма немногие... Следовательно, и надеяться было бы безумием.

— Но почему же вы не хотите допустить, что всякий думает, что он-то и будет счастливецом? Ведь если б, например, вы, я, третий, десятый не рассчитывали выиграть в какой-нибудь лотерее — мы бы и билетов не брали!

— Там хоть шансы есть, а в жизни часто бывают такие положения, что и выхода-то не предвидится!

Настя встала и направилась к дверям.

— Вы куда? — окликнул ее Орест.

— Детей проведу.

Тяжелое впечатление произвели на молодого человека последние слова девушки; ему вдруг до крайности стало жаль ее. «У нее что-то есть на душе, — смутно догадывался он, — и что-то тяжелое, давнишнее... Оно чувствуется в каждом ее слове, как она не старается скрыть его!»

Он перешел к открытому окну и задумался.

«И может быть, — рассуждал он, — эта чистая, нежная натура, созданная для счастья, увянет, как цветок без света и тепла, и сердце ее, ни разу не согретое, так камнем и пролежит в ее груди, камнем сойдет и в могилу!.. Быстро промелькнет ее молодость, с неудовлетворенным избытком сил, жаждою жизни... — и нечем будет помянуть ее! А какой-нибудь ничтожный случай, мгновение — и все сложилось бы иначе: от мрака перешла бы она к свету, широко струей влилось бы в нее дыхание жизни!»

«О зачем, зачем?» — после небольшой паузы вздохнул Орест и, с поникшей головой, задумался о своем прошедшем...

А из сада, пахучею волной, так и вливался раздражающий воздух, ласкал и нежил его разгоревшееся лицо.

— О чем размечтались? — раздался вдруг над самым ухом Осокина голос Насти и, тихо скользнув мимо молодого человека, она тоже присела к окну. — Ночью восхищаетесь?

— О вас думал, — поднял голову Орест. — Понять не могу, что с вами сделалось в последнее время...

— Ничего не сделалось.

— Полноте... я ведь вижу... Внутри вас происходит какая-то работа; вы не то печальны, не то смущены. В тоне вашем звучит грусть, что-то даже вроде тайной скорби.

Девушка рассмеялась, но смех этот показался Осокину искусственным.

— Не обманете вы меня. Настасья Сергеевна, — воскликнул он, — улыбка у вас на губах только!

Завольская покраснела и, отвернувшись, поспешила скрыть свое лицо; но движение это не укрылось от Ореста.

— И почему не хотите вы мне сдать с души хотя немного? Это облегчило бы вас, а может быть нашлись бы средства вас успокоить.

Настя едва заметно отрицательно кивнула головой.

— Если жизнь здесь почему-либо вам не нравится...

— Ой, что вы! — перебила его девушка. — У вашего ангела-сестры? Да разве это возможно?

— К сожалению, все возможно на белом свете! Вы можете горячо любить сестру, быть к ней привязаны как нельзя более, и все-таки тяготиться... Да хоть бы тою же привязанностью, например!

— Нет-нет! Этого быть не может! горячо воскликнула Завольская.

— Однако есть же что-то такое, что вас мучит?

— Я уже сказала вам, что нет.

Молодой человек усмехнулся.

— Той пылкостью, с которой вы защищали сестру, вы сами, того не подозревая, выдали себя.

— Это каким же образом?

— Вы дали мне этим понять, что я ошибся только в причине вашей грусти, но что она все-таки существует.

— Вы делаете натяжки, Орест Александрыч.

— Ну полноте, полноте, — покачал тот головой, — не понимаю я только, для чего хитрите вы со мной? Неужели же настолько я не заслужил вашего доверия?.. Верьте мне, Настасья Сергеевна, сама сестра не примет в вас более искреннего участия! Вы ведь знаете, что я не фразер, не лжец... и если я что говорю, то всегда без задней мысли, прямо от сердца.

— Я и не сомневалась в этом! — несколько смущенно выговорила девушка.

— А не сомневайтесь — так и платите откровенностью за откровенность, и от искреннего участия не отказывайтесь.

Настя задумалась. В комнате было тихо и только, где-то в углу, запутавшись в паутине, жужжала и билась муха. Завольская взглянула в ту сторону.

— Слышите, обратилась она к Осокину, — как бьется эта несчастная? Так вот и в жизни: сама не знаешь, как и когда попадешься, и лишь тогда убедишься, когда или выбьешься из сил, или увидишь, что нет возврата! — Пойдемте-ка ужинать, — с напускным хладнокровием сказала она, вставая, — наши сегодня, видно, не будут.

— Нет, погодите, — быстро остановил ее Осокин, — дайте сказать вам два слова.

Девушка взглянула на него и нервно провела рукою по лбу. Голос Ореста мгновенно проник ей в душу и трепет пробежал по всем ее членам; но она смогла еще возразить ему:

— Если вы ожидаете объяснений моей метаморфозы, то напрасно: вы его не дождетесь.

— Почему? — упавшим голосом спросил молодой человек.

— Потому, что есть вещи, которые не повторяются и развивать которые не следует.

Она быстро отворила дверь на балкон, вышла на веранду и, пользуясь темнотою, обмахнула несколько раз платком свое разгоревшееся лицо.

Осокин остался в комнате и молча, под гнетом внезапно осенившей его мысли, пристально смотрел ей вслед и все глубже и глубже уходил в себя. «Неужели», с ужасом задавал он себе вопрос: «Эта девушка полюбила меня? Да, да... это так... теперь все ясно... А я-то... что я сделал? — схватился он за голову. — Сам, своими руками соткал ту паутину, в которой бьется теперь эта страдальца! Вон, вон отсюда! Еще день — и я наделаю глупостей... может быть даже хуже... Я чувствую, что сам запутаюсь в этом хаосе разнообразных мыслей, ощущений... Прощай, неосуществимая мечта! — словно вопль вырвалось у него из груди. — Не смею я бросить вызов року, не должен пытаться подобного счастья!»

Он вышел на балкон и, сказав Насте, что ужинать не будет, простился и ушел к себе.

X

На другой день, только что Надежда Александровна вернулась (Каменев остался в городе) и успела переодеться, Орест объявил ей о своем отъезде. Бирюкова сначала несказанно этому удивилась и даже не поверила словам брата, но когда тот совершенно серьезно подтвердил ей о своем намерении — крайне огорчилась. Молодая женщина, в простоте сердца, и не подозревала тех мотивов, которые заставляли Осокина поступить таким образом.

— Да ты скажи мне, приставала она: — с чего вошла тебе в голову подобная затея? Недоволен мной ты что ли, Борис досадил?.. Скажи, голубчик... не мучь.

— Надя, дорогая! Верь, что лучше друзей, как вы все, не найти мне... И если я еду — так верно уж крайность заставляет!

Надежда Александровна пожалала плечами.

— Какая же это крайность, Остя? Живешь ты у нас не со вчерашнего дня, и никакой необходимости уезжать не предвиделось. Не далее как вчера ты и не поминал об этом — и вдруг... ни с того ни с сего! Ты скрываешь от меня что-то — грех тебе!

— Надя, Надя, — взял он сестру за руку, — тяжело мне, родная моя, но не могу я поступить иначе: это было бы подло, зло, отвратительно!

— Что такое? — тревожно спросила Бирюкова, — подло, зло!.. Да объяснись ты ради Бога — я ничего не понимаю.

— Надя... хотя и тяжело мне признаваться в этом (он провел рукою по лбу), но от тебя я не скрою: я увлекся... я полюбил...

Последние слова Орест сказал почти шепотом и наклонил голову.

— Настю? — воскликнула пораженная Надежда Александровна.

— Да, — чуть слышно проговорил Осокин. — Но это бы еще ничего, если бы несчастье обрушилось только на одного меня, но, кажется... и она также...

— Боже мой! И ничего-то я не заметила!.. Гадкая эгоистка! Предалась своему счастью и дала созреть возле себя несчастью других! Но разве нельзя, Остя, — помолчав, быстро прибавила она, — похлопотать о разводе?.. Софья Павловна, я думаю, даже очень рада будет... в особенности, если ей предложат известную сумму.

— Об этом и думать нечего! — уныло возразил Орест, в уме которого тотчас же мелькнула мысль, что хлопоты о получении развода стоят дорого, что Софья Павловна дешево свое согласие не продаст, что денег у него нет, а взять их у сестры он не согласится ни под каким видом.

— Почему же нет? В то время, когда Владимир Константинович был жив, ты хлопотал о разводе меня с ним, а теперь для себя не хочешь и пальцем пошевелить?

— Нельзя, Надя, — коротко обрезал брат.

— Вздор! И можно и должно. Я ведь знаю, что у тебя на уме: для развода нужны деньги, а у тебя их нет; у сестры же позаимствоваться не желаешь!

— Позаимствоваться! Скажи лучше взять без отдачи, потому что вернуть мне будет нечем: и усадьбу продам — немного выручу, а у Софьи Павловны аппетиты большие!..

— Не грех было бы, Остя, из того огромного состояния, что ты мне передал, взять обратно хотя часть.

— Надя! — пылко перебил ее брат. — Не говори так... Не искушай меня...

Деньги эти я тебе бросил... и совсем не из каких-нибудь высших целей, а просто потому, что, по моим понятиям, я не должен был брать их. Никакой тут заслуги нет, и нечего меня возвеличивать... Вчерашний вечер доказал, что я за дрянное создание... Я поступил глупо, гадко, как какой-нибудь безнравственный мальчишка!

И Осокин передал сестре все, что в последнее время произошло между ним и Настей.

— Позволь же мне теперь сказать несколько слов, — начала Надежда Александровна, когда Орест кончил:

— Настю ты любишь, она тебя тоже... Как же поворачивается у тебя душа губить любимое существо из-за того только, чтобы не изменить своей идее? Не эгоизм это разве?.. Вот где жестокость-то, Остя, а не в том, что, сам того не подозревая, ты увлек девушку. Подумай только: что будет с нею, когда ты уедешь? Какими горькими слезами станет она тебя оплакивать?.. Остя, Остя! Знакомо мне все это... Сродни мне те страдания, которые она теперь испытывает, те муки, которые ее ожидают!

— Полно Надя... не терзай меня! — молил ее брат. — Или ты думаешь, мне не тяжело?

У него слезы стояли в горле, и болезненно ныло и замирало сердце.

— Почему ты знаешь, — не обращая внимания на слова Ореста, продолжала Бирюкова, — что она не посягнет на свою жизнь? Отчаяние до всего доводит!.. Что ответишь ты тогда своей совести, когда она упрекнет тебя в трагическом конце Насти?.. Будет служить идее, Остя... Бери счастье, благо оно само идет в руки... Не губи себя и другое дорогое тебе существо!

Осокин ничего не отвечал на горячую речь сестры; только еще ниже опустил голову, еще глубже задумался. Словно нож всадили ему в сердце и медленно им поворачивали то в ту, то в другую сторону.

— Остя! — окликнула его Надежда Александровна. — Родной мой! Послушайся меня хоть раз в жизни... Дай мне насладиться твоим счастьем!

Она в слезах бросилась к нему на грудь и уговаривала его самыми нежными именами.

Орест вскинул голову: лицо его было бледно, глаза потухли. Он нервно протянул сестре руку и крепко, несколько раз пожал ее.

— Спасибо, Надя, за дружбу; вижу, что ты меня любишь... Но прощай, после обеда я еду.

Он тихонько освободился от ее объятий и быстро встал; Бирюкова удержала его:

— Постой... я совсем и забыла... Ведь ты можешь, и не платя денег Софье Павловне, потребовать развод: она на глазах всех бросила тебя и живет открыто теперь с Огневым.

— Трудно все это доказать... они за границей... Да и шевелить эту грязь, иметь дело с подьячими — претит мне! Ведь она все-таки моя жена!

И торопливо, не глядя на сестру, молодой человек вышел из комнаты.

В тот же день, поздно вечером вот что происходило в спальне Надежды Александровны: хозяйка, в ночном капоте, сидела на диване грустная и расстроенная, а возле нее, прислонившись к ее плечу, молча рыдала Настя, тщетно стараясь остановить набегавшие слезы. На дворе выл ветер, дождь хлыстал в окна и, время от времени, слышались отдаленные, глухие раскаты грома.

— Настя, друг мой, полноте, — ласково говорила Бирюкова, проводя рукой по волосам девушки. — вспомните, что вы еще молоды...

— Что тут года — они ничего не значат... Тут жизнь вся, жизнь переломилась! — прерывистым голосом возражала Завольская, истерически всхлипывая.

— Взгляните на меня, Настя: я тоже была несчастлива; но вера в лучшую жизнь поддержала меня и, слава Богу, что я не поддаюсь отчаянию, не стубила себя: не видать бы мне теперешнего счастья!.. Ну успокойтесь, голубчик мой... помните: никто как Бог!

— Ему я и снесу свое горе! Что делать мне здесь, добрая Надежда Александровна, мне, разбитой, уничтоженной, среди живых людей, у которых у всех есть цель в жизни, милые сердцу существа, которые и радуются с ними, и страдают?

— Не все счастливы, Настя: много мучеников в числе этих живых людей! И хотя иные безропотно, другие с проклятиями, а все же несут свой крест!

— И я возьму его, подняла голову девушка, — и понесу безропотно, но не здесь, не на людях, а вдали от них!

— Вы хотите идти в монастырь? — с глубокою печалью взглянула на нее Бирюкова.

— Да, — беззвучно проронила Настя, — я решилась.

— Но, бедная вы моя, знаете ли вы, на что идете? Известна ли вам та жизнь, которая вас ожидает? Ведь это самоубийство!

— Не могу я жить у вас, не могу! — с сильным горловым спазмом воскликнула Завольская. — Простите... за все, что вы сделали... я...

Сильные рыдания заглушили ее слова.

— Понимаю я вас, Настя, — сквозь слезы проговорила Надежда Александровна. — Вам нельзя жить у меня... вам тяжелы будут воспоминания, разговоры о брате, сведения о нем... вы хотите разом оторваться от всего этого... Не живите у нас... мы найдем вам и место и труд... Только, ради всего на свете, не идите в монастырь!

Она нежно поправила растрепавшиеся волосы девушки и поцеловала ее в лоб.

— Не целуйте меня, — быстро выпрямилась Завольская, — не стою я ваших ласк! Я низкая, бездушная эгоистка!

Бирюкова удивленно взглянула на нее.

— Да, — порывисто сдвигая с лица волосы, продолжала Настя. — Я не могу видеть людского счастья... ни вашего, ни чьего! Мне душу воротит отданная ласка, нужный ответ... я завидую!

Она снова упала на грудь Надежды Александровны и истерически зарыдала.

К утру у Насти открылась сильнейшая горячка.

XI

Пять лет прошло после описанных событий; раскидала судьба наших знакомцев по разным местам обширной России: Надежда Александровна с мужем переселилась в Москву, чтобы иметь возможность следить за обучением своих старших детей, Настя томилась в одном из уединенных монастырей сурового севера, Орест служил бухгалтером в N-ском банке. Пройдя последовательно чуть не все банковые должности, Осокин скоро выдвинулся вперед знанием дела, способностями и добросовестностью в труде; его искали, им дорожили. В описываемое нами время дела его окончательно поправились: он стоял прочно, получал прекрасное содержание, в работу втянулся. Но в душе Ореста было пусто: ничто не согревало ее, не разнообразило его сухую, трудовую жизнь. Сегодня в банке, завтра в банке, цифры и публика; публика и цифры — вот в чем проходили дни, недели, месяцы... А дома — один-одинешенек, или с тяжелыми думами о прошедшем или опять с тою же механическою работою!

Однажды вечером, когда Осокин по обыкновению занимался у себя в кабинете, в передней раздался звонок и затем послышался стук отворяемой двери. Привыкнув к частым посещениям, Орест не обратил на это особенного внимания даже и тогда, когда до ушей его долетел шелест женского платья и вслед за тем в дверях зала вырисовалась фигура вся в черном, с опущенною вуалью. Он только вскинул глазами по направлению посетительницы, положил перо и вышел к ней. Дама склонила немного голову и сделала вид, что хочет опуститься на колени. Пораженный Осокин взял ее под руку, незнакомка откинула вуаль... Мгновенная дрожь пробежала по спине молодого человека и он невольно отступил назад: перед ним стояла Софья Павловна!

Но не та гордая, блестящая красавица, которую читатель знал девушкой и в первый год ее замужества, а женщина уже пожившая, с утомленным взором, с болезненною бледностью в лице...

— Вы презираете меня? — приниженным тоном, — вкрадчиво спросила Софи.

— Я вас жалею! — коротко отрезал Орест, успевший уже несколько оправиться от неожиданности.

— Merci, — проговорила Софья Павловна, — вы великодушны... *J'ai brisé votre vie, j'ai traîné votre nom dans la fange!*..[229] Но будьте великодушны до конца... (она снова намеревалась опуститься на колени, но Осокин не допустил ее до этого). Я пришла к вам не как к мужу, *dont je n'ose pas même approcher*[230], а как к доброму, сострадательному человеку... Не гоните меня... Позвольте мне приютиться в вашем доме, на положении хотя бы экономки... *Je suis lasse de la vie que j'ai menée*...[231] Ради всего святого, не оставляйте меня в одиночестве, не возвращайте меня *dans ce cloaque*[232]!

В глазах Софи стояли слезы и в прерывающихся звуках ее голоса чувствовался горловой спазм.

— Оставайтесь, — с трудом сдерживая охватившую его жалость и отворачиваясь, — ответил Орест, — но помните: общего между нами быть ничего не может!

— Да разве смею я думать об этом! Вся жизнь моя должна проходить теперь в постоянном раскаянии, *dans l'expiation de mon crime!*[233] Как на исповеди, je

vons confesserai tout...[234] это будет началом моего наказания.

— Прошу вас не делать этого, — остановил ее Осокин. — Я не хочу знать вашего прошедшего... Где ваши вещи? — И, взяв адрес гостиницы, пошел распорядиться.

Что же сказать еще о людях, хотя и живых, но уже разбитых жизнью?..

Одно: Софье Павловне труднее будет бороться с нею, и вероятно она падет жертвою своего бессилия; Ореста же, и в самые тяжелые минуты, поддержит та высокая цель, которой он не изменяет — служение правде!

Примечания

1

После меня хоть потоп! (фр.) — *Здесь и далее примечания книгодела.*

[^^^]

2

Пенсне (фр.).

[^^^]

3

Слабое подобие лилий и роз вашего восхитительного лица (фр.).

[^^^]

4

Это печально, но правда (фр.).

[^^^]

5

Что же печально? (фр.)

[^^^]

6

Я сгорел, даже не подогрев лед (фр.).

[^^^]

7

Печальное утешение (фр.).

[^^^]

8

Дорогая (фр.).

[^^^]

9

В сумерках (фр.), букв.: между собакой и волком.

[^^^]

10

Дитя природы (фр.).

[^^^]

11

Ну этого простофилю Осокина! (фр.)

[^^^]

12

С каких-то пор, определенно, вы приняли его сторону (фр.).

[^^^]

13

Против вас я приму сторону любого (фр.).

[^^^]

14

Я так несправедлив? (фр.)

[^^^]

15

Злословие — это ваш... (фр.)

[^^^]

16

А ваш... (фр.)

[^^^]

17

Как я знаю! (фр.)

[^^^]

18

Я покидаю вас... восходит солнце (фр.).

[^^^]

19

Мы знаем кое-что! (фр.)

[^^^]

20

Всего лишь храните меня как маленького Каина в вашем сердце (фр.).

[^^^]

21

Оставьте это беднягам (фр.).

[^^^]

22

Пока что... но со временем... (фр.)

[^^^]

23

Сто лет прошло, как мы виделись с вами (фр.).

[^^^]

24

Проводите даму (фр.)

[^^^]

25

Если я выношу (фр.).

[^^^]

26

Вы глупы, моя милая (фр.).

[^^^]

27

Не правда ли, он красив? (фр.)

[^^^]

28

От таких вещей не отказываются, спасибо (фр.).

[^^^]

29

Вы имеете в виду (фр.).

[^^^]

30

Что я светская женщина и больше ничего? (фр.)

[^^^]

31

Я ненавижу свое воспитание (фр.).

[^^^]

32

Шурин (от фр. beau frere).

[^^^]

33

Уныние, тоска, дурное настроение.

[^^^]

34

Заметили зверя на его лёжке (в профессиональной речи охотников).

[^^^]

35

Затаился, пропуская собак мимо себя (в профессиональной речи охотников — о зайце).

[^^^]

36

Спугнул с места лёжки (в профессиональной речи охотников).

[^^^]

37

Часть задних ног зайца от скакательного сустава до пальцев лап (в профессиональной речи охотников).

[^^^]

38

Настигать (в профессиональной речи охотников).

[^^^]

39

Негодяй, подлец (от фр. *casaille*).

[^^^]

40

Рантье (фр.).

[^^^]

41

Играла первую скрипку, задавала тон (фр.), букв.: создавала дождь и ведро.

[^^^]

42

Строгий, гнетущий надзор.

[^^^]

43

Блестящие умы, остряки (фр.).

[^^^]

44

Беспринципной (фр.).

[^^^]

45

Бесстыдницей, развратницей (фр.).

[^^^]

46

За глаза (фр.), букв.: в сторону.

[^^^]

47

Я ненавижу розы Гименея! (фр.)

[^^^]

48

Мне ни к чему! (фр.)

[^^^]

49

Примите мое почтение! (фр.)

[^^^]

50

Это все шутки! (фр.)

[^^^]

51

Любовь не трудно найти: ее подбирают всякий день (фр.)

[^^^]

И потом... (фр.)

[^^^]

53

Подите прочь, пожалуйста! (фр.)

[^^^]

54

Хватит с меня твоей любви, лапочка, поди положи ее в другое место! (фр.)

[^^^]

55

Распутница, кокотка (фр.).

[^^^]

56

Нашего круга (фр.).

[^^^]

57

Вы еще не пристроены?! (фр.)

[^^^]

58

Торопитесь... и вы будете ни на что не годны (фр.).

[^^^]

59

Меня хорошо заменили? (фр.)

[^^^]

60

И все же уточним... (фр.)

[^^^]

61

Неплохо... как идет?

[^^^]

62

Хотите, чтобы я вам помогла? (фр.)

[^^^]

63

Итак... вы уже стали своим, мой дорогой? (фр.)

[^^^]

64

Ладно, я не ревную. Следует хорошенько подсластить пилюлю, которую я заставила вас проглотить (фр.).

[^^^]

65

Вы весь такой растрепанный! (фр.)

[^^^]

Я пылаю! (фр.)

[^^^]

67

ТЪФУ! (Фр.)

[^^^]

68

Самое большое четверть часа назад (фр.).

[^^^]

69

«Бумажных мешков» (фр.).

[^^^]

70

Мой дорогой малыш (фр.).

[^^^]

71

Вы не купаетесь в золоте, как этот молокосос Осокин! (фр.)

[^^^]

72

Вы смеетесь, Китти (фр.).

[^^^]

73

Пощипать сбережения папы Поля? (фр.)

[^^^]

74

Вы не созданы для брака... И поверьте мне, это ужасная вещь... (фр.)

[^^^]

75

Ей-боже, какая неудача! Юность, как Софи, закрывает дверь перед нашим носом! (фр.)

[^^^]

76

Не надо сердиться, дорогой малыш... (фр.)

[^^^]

77

Ну-ка, поговорим всерьез (фр.).

[^^^]

78

Вы абсолютно хотите получить ее? (фр.)

[^^^]

79

Ждите и надейтесь (фр.).

[^^^]

Бум! (фр.)

[^^^]

81

А, я распутница (фр.).

[^^^]

82

Он будет шляпа, это я вам говорю (фр.).

[^^^]

83

В этой малышке сидит дьявол (фр.).

[^^^]

84

О, мужчины! Какая самонадеянность! (фр.)

[^^^]

85

Признайтесь, дорогой (фр.).

[^^^]

86

Атакуйте также самолюбие! (фр.)

[^^^]

87

Вы не танцуете? (фр.)

[^^^]

Все сливки <общества> (фр.).

[^^^]

89

Ваша сестра только что прибыла? (фр.)

[^^^]

90

Усталость от дороги? Легкое недомогание? (фр.)

[^^^]

91

Мне надо рассказать вам целую историю (фр.).

[^^^]

Некая (фр.).

[^^^]

93

Старая сплетница (фр.).

[^^^]

94

Я была не в настроении слушать сплетни и уже хотела выставить ее за дверь (фр.).

[^^^]

95

Что эта скотина намеревалась вытащить из меня все относительно вас и Софи. Я сделала вид, что проговорилась (фр.).

[^^^]

Эту старую пададь (фр.).

[^^^]

97

С три короба всякого (фр.).

[^^^]

А, как вы глупы, мой дорогой!

[^^^]

99

Софи будет рвать и метать (фр.).

[^^^]

100

Из кожи вон будет лезть, чтобы доказать свою невиновность (фр.).

[^^^]

101

Но ваш триумф зависит от их брака! (фр.)

[^^^]

102

Вашу дурацкую идею (фр.).

[^^^]

103

Приступайте к исполнению вашего плана кампании, но предупреждаю вас: вы провалитесь, мой дорогой! (фр.)

[^^^]

Прекратим об этом (фр.).

[^^^]

105

Предмет разговора (фр.).

[^^^]

Удачи! (фр.)

[^^^]

107

Вступление, отыгрыш, небольшой инструментальный отрывок перед началом танца и в конце его.

[^^^]

108

Или если вам больше нравится (фр.).

[^^^]

109

Предложение по всей форме (фр.).

[^^^]

110

Вы считаете меня мещанкой... бог знает кем?.. Спасибо, мсье! (фр.)

[^^^]

111

Надеюсь, вы не зайдете так далеко, чтобы назвать меня лгуньей? (фр.)

[^^^]

Волей-неволей (фр.).

[^^^]

113

Бог знает почему (фр.).

[^^^]

114

Добрый вечер (фр.).

[^^^]

115

Удар, при котором биток отскакивает от одного или нескольких бортов и только потом попадает в шар, в который целился игрок.

[^^^]

116

Тайно, негласно.

[^^^]

117

Тетушка (фр.).

[^^^]

118

Я нахожу, что ваша сестра исхудала (фр.).

[^^^]

119

Вы совсем расклеились сегодня вечером? (фр.)

[^^^]

120

Возьми, Кли-Кли (фр.).

[^^^]

121

Решительным образом, мсье Огнев, это нахальство! (фр.)

[^^^]

122

Он, конечно, раздражен на нас (фр.).

[^^^]

123

И, кроме прочего, я не обидчив (фр.).

[^^^]

124

Мое мнение о вас? (фр.)

[^^^]

125

Как негодяя (фр.).

[^^^]

Неотразимым (фр.).

[^^^]

127

Удовольствий (фр.).

[^^^]

128

Ради бога, не врите мне (фр.), букв.: не продавайте мне фальшивку.

[^^^]

129

У этого «какого-нибудь» набиты карманы, дорогой друг, в то время как у вас...
(фр.)

[^^^]

130

Что поделать, лапочка, он будет обладать бутоном, а вы — розой (фр.).

[^^^]

131

И я клянусь вам, что дело пойдет само собой... (фр.)

[^^^]

132

Добрый день! (фр.)

[^^^]

133

Вы только что дали маленький урок? (фр.)

[^^^]

134

Господин слишком плохо воспитан! (фр.)

[^^^]

135

Не сделать ли нам небольшую прогулку? (фр.)

[^^^]

136

Почему бы и нет (фр.).

[^^^]

137

Мери, примите участие? (фр.)

[^^^]

С удовольствием (фр.).

[^^^]

139

Сокращенно Софи... Вас это устраивает? (фр.)

[^^^]

140

Посмотрим, какую цену вы с меня спросите? (фр.)

[^^^]

141

Дочь моя, хотя вам двадцать два года (фр.).

[^^^]

142

Как невоспитанные девицы (фр.).

[^^^]

143

Вчера ты нарушила его правила (фр.).

[^^^]

144

Я спрашиваю вас: разве девушка хорошего происхождения выставит себя таким образом на посмешище всему свету? (фр.)

[^^^]

145

И вы, Кли-Кли, вы позволили себе нечто неопиcуемое (фр.).

[^^^]

146

Вашу сестру (фр.).

[^^^]

147

Вы говорите чепуху! (фр.)

[^^^]

148

Но вы обязаны обращать внимание на последствия, на то, что скажет свет!
(фр.)

[^^^]

149

Свету нечего будет говорить, маменька (фр.).

[^^^]

150

Я не могу в это поверить! (фр.)

[^^^]

151

Вот так? (фр.)

[^^^]

152

Лед уже тронулся! (фр.)

[^^^]

153

В известность, осведомила (фр.).

[^^^]

154

Дорогая подруга, он скорее феодальный барон, чем ваш муж (фр.).

[^^^]

155

Кроме того, эта идея... (фр.)

[^^^]

156

Это ничуть не утешительно для молодой женщины вроде вас (фр.).

[^^^]

157

Не нужно комплиментов! (фр.)

[^^^]

158

Каким тоном вы мне это говорите! (фр.)

[^^^]

159

Признаниях (фр.).

[^^^]

160

Который тратит свое время, раздавая банальные комплименты всем женщинам (фр.).

[^^^]

161

Как это справедливо (фр).

[^^^]

162

Давайте разберемся (фр).

[^^^]

163

Ну извините (фр.).

[^^^]

164

И ваш муж? (фр.)

[^^^]

165

Не желает вас принимать! (фр.)

[^^^]

166

Я ожидал этого... (фр.)

[^^^]

167

Мои дела плохи, этот медведь не хочет меня принимать! (фр.)

[^^^]

168

Еще одна причина (фр.).

[^^^]

169

Счастливого пути! (фр.)

[^^^]

170

«Журнал для смеха» (фр.) — иллюстрированная французская газета, где публиковались карикатуры. В время действия повести издавался еженедельник «Le Petit Journal pour rire».

[^^^]

171

Наконец я вижу светило, вокруг которого группируется в это время весь высший класс Р.! (фр.)

[^^^]

172

И мадам Соханской не видно? (фр.)

[^^^]

173

Китти только что покинула меня... не могу вам сказать. Она вернется попозже (фр.).

[^^^]

174

Как ваше здоровье, мадам? (фр.)

[^^^]

175

Мое здоровье в порядке, спасибо (фр.).

[^^^]

176

Это цена, которую мне уже дали (фр.).

[^^^]

177

Наконец-то я не нищий, благодарение богу! (фр.)

[^^^]

178

Что он больше не нищий (фр.).

[^^^]

179

Вы также накануне. Я вытягиваю <для вас> счастливый номер! (фр.)

[^^^]

180

Я не понимаю (фр.).

[^^^]

181

И после всего, что случилось, я не счастлив (фр.).

[^^^]

182

Правда? Вы привередливы! (фр.)

[^^^]

183

И я скажу вам... (фр.)

[^^^]

Простите (фр.).

[^^^]

185

Прекратим это... (фр.)

[^^^]

Правду говоря (фр.).

[^^^]

187

Мимолетная интрижка (фр.).

[^^^]

188

Разрыв... вам назло... (фр.)

[^^^]

189

Я не хочу, чтобы вы меня любили из приличия, как принято (фр.). (*Благодарю Вадима Пархоменко из Харькова за оказанную помощь.*)

[^^^]

Прощайте, мадам (фр.).

[^^^]

191

Имею честь откланяться! (фр.)

[^^^]

192

Вы меня оскорбили, мсье (фр.).

[^^^]

193

Доброго дня, мсьє (фр.).

[^^^]

Маньяк (фр.).

[^^^]

195

Я ничего не знаю! (фр.)

[^^^]

196

Вы хотите выставить меня за дверь? (фр.)

[^^^]

197

С которой обращаются как я не знаю с кем! (фр.)

[^^^]

В добрый час! (фр.)

[^^^]

199

Я порвала узы! (фр.)

[^^^]

200

Посмотрим-ка, что вы собираетесь мне снова предъявить? (фр.)

[^^^]

201

Ничего (фр.).

[^^^]

202

Вы обнаружите, что они все еще не ясны! (фр.)

[^^^]

203

Я думаю! (фр.)

[^^^]

204

Спасибо... но я постараюсь не злоупотреблять вашей милостью! (фр.)

[^^^]

205

С самого начала, с первого хода (от нем. Abzug — метание, раздача в карточной игре).

[^^^]

206

Ты находишься в положении в высшей степени сложном (фр.).

[^^^]

207

Я нахожу, что во всем этом нет ничего привлекательного! (фр.)

[^^^]

208

Я также не в настроении заниматься ни развлечением, ни чем-то другим (фр.).

[^^^]

209

Подвергаться жестокости маньяка, скаредности отца, пересудам города — хорошо придумано (фр.).

[^^^]

210

У тебя ни гроша нет своего, отец тебе ничего не оставит, его состояние скоро расточится... (фр.)

[^^^]

211

Собираешься ли ты погубить себя в нищете или похоронить в глубине монастыря? Это было бы окончательным безумием! Ты рождена для удовольствий, для радостной и блестящей жизни... (фр.)

[^^^]

212

Но где ее найти? (фр.)

[^^^]

213

Он красавчик, у него надежное состояние (фр.).

[^^^]

214

О, какое сладострастие, какое опьянение ждет в будущем! Я вся дрожу при одной мысли об этом! (фр.)

[^^^]

215

Дорогая подруга (фр.).

[^^^]

216

О, моя обожаемая! (фр.)

[^^^]

217

Пустите меня... унижаете... могут войти (фр.).

[^^^]

218

Никто не придет (фр.).

[^^^]

219

Я не продаюсь, мсье (фр.).

[^^^]

220

Если я коснулся материальной стороны вопроса (фр.).

[^^^]

221

СЫЗНОВА? (Фр.)

[^^^]

222

Если в этом низком мире (фр.).

[^^^]

223

Он лишит меня наследства (фр.).

[^^^]

224

Снова! ...этот вопрос денег (фр.).

[^^^]

225

И затем... (фр.)

[^^^]

226

Мизер! И потом, это напоминает... (фр.)

[^^^]

227

Головокружение, дурнота.

[^^^]

Пусти (фр.).

[^^^]

229

Я разрушила вашу жизнь, я изваляла ваше имя в грязи (фр.).

[^^^]

230

К которому я даже не осмеливаюсь приблизиться (фр.).

[^^^]

231

Я устала от жизни, которую вела (фр.).

[^^^]

В эту клоаку (фр.).

[^^^]

233

Во искупление моего преступления (фр.).

[^^^]

234

Я признаюсь во всем (фр.).

[^^^]